

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(118)**

МОСКВА 2018

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2018. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н.,
проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.э.н., проф. М.В. Кулаков;
д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); академик РАН В.Л. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>
<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»
тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2018

Содержание

Философско-хозяйственный концептуализм (<i>Главный редактор</i>)	7
Часть I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Бремя тектонических перемен, или Мистериальный танец мировых пирамид	11
<i>С.В. Сняков</i>	
Метафизика в системе экономического бытия, истории и познании	23
<i>С.П. Рамазанов, Д.В. Гарбузов</i>	
Глобализация: восприятие и преодоление.....	39
<i>М.С. Байнова, А.В. Петров</i>	
Культура и современная хозяйственная система в творчестве Сергея Булгакова	48
<i>Г.В. Задорожный</i>	
Уномика и глобалистика как оконеченные судьбоносные науки о личности и хозяйстве	61
<i>М.Г. Демина, В.С. Кравченко, О.Р. Чепьюк</i>	
От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации	70
Часть II. Экономическая теория	
<i>А.И. Селиванов, С.Н. Сильвестров,</i>	
<i>В.Г. Старовойтов, Д.В. Трошин</i>	
Новое качество общественного развития как вызов современной эпохи	83
<i>В.Я. Иохин, И.В. Вацкекина</i>	
О теории трудовой стоимости	103
<i>Д.Ю. Афанасьев</i>	
Философская проблема понимания капитала как общественной категории	118
<i>А.П. Никитин</i>	
Социальные и антропологические последствия развития технологий денежного обмена.....	138
<i>Н.Л. Смелик</i>	
Формы количественно-качественных изменений: причинность и функциональность	150
Часть III. Актуальная философия	
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Сотворение и порождение в диалектике мужского и женского	163

<i>Е.В. Леденева</i>	
Толкование культуры у Зигмунда Фрейда	170
<i>А.Г. Штейнберг</i>	
К вопросу об онтологии женственности. К.Г. Юнг	186
<i>И.Н. Белоногов</i>	
От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания	193
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Противоречие (тезисы)	207
Часть IV. Европейская разногласица: социум, экономика, управление	
<i>А.А. Гриценко</i>	
Противоречия фрагментации и глобализации социально- экономической жизни как источник европейской разногласицы	219
<i>И.П. Смирнов</i>	
К дискуссии о принадлежности ислама Европе	228
<i>Я. Пасечны</i>	
Закономерности создания и развития профилей гмин в Польше	237
<i>А.А. Пугачев, Л.Б. Парфенова, Д.С. Вахрушев</i>	
Налоговая конкуренция как характеристика регионализации и инструмент сглаживания пространственной дифференциации	250
<i>Л. Юрчишин</i>	
Состояние отношений между Польшей и Францией на двустороннем уровне, ЕС и НАТО: сходства и вызовы	262
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Евразийский интеграционный вектор России	274
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства и иное	276
<i>Е.С. Зотова</i>	
Цифра как феномен бытия (обзор дискуссии на круглом столе)	281
<i>Т.С. Сухина</i>	
Цифровая экономика: проблемы и особенности	289
Анонсы	294
Наши авторы	295

Contents

Philosophical and economic conceptualism (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Burden of Tectonic Changes or World Pyramids' Veiled Dance	11
<i>S.V. Siniakov</i>	
Metaphysics in the System of Economic Existence, History and Knowledge	23
<i>S.P. Ramazanov, D.V. Garbuzov</i>	
Globalization: Understanding and Overcoming	39
<i>M.S. Bainova, A.V. Petrov</i>	
Culture and Modern Economic System in the Oeuvre of Sergei Bulgakov	48
<i>G.V. Zadorozhny</i>	
Unomics and Globalistics how Limited the Fiscal Sciences on Personality and Economics	61
<i>M.G. Demina, V.S. Kravchenko, O.R. Chepyuk</i>	
Emotions in Economic Communication: from Creative Economy to Estetic Capitalism	70
Part II. Economic Theory	
<i>A.I. Selivanov, S.N. Silvestrov, V.G. Starovoitov, D.V. Troshin</i>	
New Quality of Social Development as a Challenge of the Modern Era	83
<i>V.Ya. Iokhin, I.V. Vashchekina</i>	
On the Theory of Labor Cost	103
<i>D.Yu. Afanasyev</i>	
Philosophical Problem of Understanding Capital as a Social Category	118
<i>A.P. Nikitin</i>	
Social and Anthropological Consequences of the Development of Money Exchange Technologies	138
<i>N.L. Smelik</i>	
Forms of Quantitative-Qualitative Changes in the Socio-Economic System: Causality and Functionality	150
Part III. Actual Philosophy	
<i>A.N. Fatenkov</i>	
Creation and Generation in the Dialectics of Male and Female	163

<i>E.V. Ledeneva</i>	
The Interpretation of Culture in Sigmund Freud.....	170
<i>A.G. Shteinberg</i>	
To the Question of Ontology of Fertility. K.G. Yung	186
<i>I.N. Belonogov</i>	
From the Evolutionary Epistemology to the Virological One: the Concept of Spreading Knowledge as an Infection	193
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
Contradiction	207
Part IV. European Discordance:	
Society, Economics, Management	
<i>A.A. Grytsenko</i>	
Contradictions of Fragmentation and Globalization of Socio-Economic Life as a Source of European Dissonance	219
<i>I.P. Smirnov</i>	
On a Discussion about an Accessory of Islam to Europe.....	228
<i>Ya. Pasechny</i>	
The Regularity of Creating Profiles of Communes.....	237
<i>A.A. Pugachev, L.B. Parfenova, D.S. Vakhrushev</i>	
Tax Competition as a Characteristic of Regionalization and a Tool for Smoothing Spatial Differentiation.....	250
<i>L. Yurchishin</i>	
State of Relations Between Poland and France at the Bilateral Level, EU and NATO: Similarities and Challenges	262
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Eurasian Integration Vector of Russia	274
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophy of Economy and Another	276
<i>E.S. Zotova</i>	
Figure as a Phenomenon of Objective Reality (a Review of the Reports on a Discussion)	281
<i>T.S. Sukhina</i>	
Digital Economy: Problems and Features.....	289
Announces	294
Our Authours	295

Философско-хозяйственный концептуализм

Философия хозяйства — вольно-потокковое знание-размышление, не тяготеющее к логической стройности, категориальной строгости, парадигмальной системности, в общем — к концептуальной завершенности, чего обычно добивается научное теоретизирование.

Философия хозяйства — не теория, даже не учение, это безграничное по горизонтали и вертикали гносеологическое поле, беспрекословно сориентированное только на одно — на онтос, или реальность, к когнитивному взаимодействию с которым оно подтягивает весь словарно-образный арсенал, находящийся в распоряжении разносторонне образованного человека.

Не точные формулировки и безоговорочные формулы занимают философию хозяйства, а свободное мыслиеизъявление, ориентированное на постижение скрытой от глаз и ушей сути реальности, ее собственной концептуальной метасмыслологии. Не игнорируя факто-феноменальных исследований, которыми обычно занята наука, философия хозяйства предпочитает проникновение в смысловые глубины бытия, преподнося достигнутое на общепринятом литературном, хотя и сдобренном некоторой когнитивной элитарностью, языке.

Философия хозяйства — философия не так от гнозиса, как от онтоса, несмотря на то, что на уровне философии хозяйства гнозис и онтос, немало различаясь, оказываются и весьма тождественными.

Философия хозяйства не чужда когнитивного концептуализма, но концептуализма все-таки особого — открытого, свободного, текучего, незавершенного. Есть чисто мировоззренческий концептуализм, есть методологический, есть и практический. Философия хозяйства хоть и способна погружаться в смысловые глубины бытия, как и воспарять над текущей обыденностью, устремляясь в смысловую высь, но, занятая реальным жизнеотправлением, бродит и по земле, уделяя внимание и всему текущему: хозяйству, эконо-

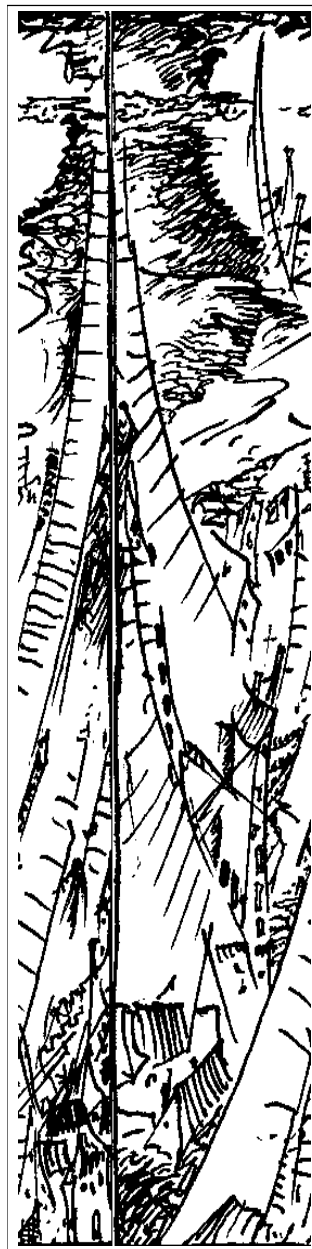
мике, политике, социуму, истории, культуре, литературе, науке, философии, религии.

Концептуальное видение реальности здесь дополняется концептуальным мониторингом и концептуальным предвидением, непременно совмещенными с концептуальностью самого бытия, самого онтоса, самой реальности, и, как показывает многолетняя ученая практика, не очень-то далекими от самодвижущейся метаистины. Не будем увлекаться доказательствами сего феномена, ибо видящие и знающие видят и знают, а невидящих и не желающих ничего такого знать никакими доказательствами нам не убедить.

Вот и журнал «Философия хозяйства» служит, по возможности, обнаружению и обсуждению не только вечных, но и сиюментных истин, являясь вполне себе концептуальным журналом, не входящим, правда, в торжественно признаваемый в МГУ список периодических изданий, годных для науки и диссертаций, хотя и широко уже признан, и высоко оценен научной общественностью, и даже достиг пресловутого импакт-фактора размером аж в 0,2.

Что ж, придет и его время — время нашего журнала, он будет признан в родном университете, а кому-то от этого станет даже немало не по себе: «Как же так... один из лучших в стране журналов... и ... на тебе... столько времени ходил в непризнанных!».

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**Бремя тектонических перемен,
или Мистериальный танец мировых пирамид***

Аннотация. Пирамида на бумажном долларе — образ, но это образ пирамидально скомпонованной реальности, — и не только американской, а и любой другой, включая мировую. Социально-экономические пирамиды приходят и уходят, вот и сегодня мир является свидетелем мистериального танца пирамид, среди которых как экстатирующая усеченная пирамида США, вполне и мировая, так и поднимающаяся до небес безмолвная пирамида Китая, тоже ведь мировая. Да и Россия не без своей подновляющейся пирамиды — не мировой, но мирового значения.

Ключевые слова: экономика, история, метафизика, доллар, социально-экономическая пирамида, глобальные перемены в мире.

Abstract. The pyramid on the dollar is an image of a pyramid grouped reality not only in the UAS but in any other country. Social and economic pyramids come and leave, and nowadays the world is a witness of mysteriological dance of pyramids, and there are the truncated world pyramid of the USA and rising to heaven world silent pyramid of China. And Russia is with a renewed pyramid, and the pyramid is not world but world value.

Keywords: economy, history, metaphysics, dollar, social and economic pyramid, global changes in the world.

УДК 304.111
ББК 65в

Пирамида — величайший смысло-функциональный образ, он же и реальный способ, организованного бытия оцивилизованного человечества!

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Бремя тектонических перемен, или Мистериальный танец мировых пирамид // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 11—23.

Пирамида: мощное, пространное, вгрызшееся в землю (Землю!) народное основание; крепко сбитая, уходящая вверх, постепенно сужаясь, деловитая середина; клинообразная, уже и паракосмическая, властная вершина. В самом низу пирамиды работники с их работающими надсмотрщиками, в середине бодрые управленцы с незаменимыми профессионалами, высокие интеллектуалы, всех мастей непреклонные воины и вообще всякие охранительные вооруженцы, а наверху — властители с богами — все равно какими, лишь бы умело сакрализованными. Все это в случае, ежели пирамида одна-одинешенька, локальная, граничная, государственная, национальная, моноэтническая, единокультовая и однокультурная.

Совсем другой выглядит сложная пирамида — многонациональная, межгосударственная, полиэтническая, разнокультовая и поликультурная. Такая пирамида, уже большая, обычно величаемая мировой, включает в себя кучу меньших пирамид, а потому она, оставаясь пирамидой, оказывается пирамидой из пирамид, состоящей из некоторого числа системно под большую пирамиду взаимосвязанных меньших пирамид (и пирамидок тоже).

Своеобразные это пирамиды, в особенности большие — пирамиды из пирамид, ибо бытуют они непосредственно в социумах, никак фигурально не выраженные, но зато в когнитивно-социальном плане, ноосферном, духо-идеальном вполне себе и возможные. Пирамида тут — воображаемый метафизический образ, не более того, но при этом такой образ, за которым маячит самая что ни на есть и реальная реальность — вполне, знаете ли, пирамидная! Центрированная иерархия тут — вот, собственно, и все!

И ничего в оцивилизованном мире, кроме таких вот идеальных пирамид, нет и быть не может. Факт!

История оцивилизованного человечества — история разных социостранных пирамид, их возникновений, бытия, деяний, свершений, достижений, перестроений, лицедейств, измен, мучений, угасаний, разрушений, исчезновений. Бытие-история — не что иное, как великая пирамидная мистерия с нескончаемой сменой пирамид, их между собой неперменным соперничеством, неотменно-отменной меж ними войной. Примеров — уйма, надо ли их перечислять?

Что сегодня?

А сегодня на планете присутствие и доминирование американо-европейской всемирной пирамиды — пирамиды из десятков пи-

рамид и пирамидок, что случилось по итогам сначала вынужденного ухода с насиженного лидерского места старой плюроевропейской всемирной пирамиды, а затем и внезапного саморазрушения молодой советско-социалистической (коммунистической) мировой пирамиды по итогам известных и к ночи не поминаемых «перестроечных» событий рубежа 1980—1990-х гг.

Заметим: присутствие и доминирование на планете американо-европейской, а точнее — американской с англосаксонской за-кваской и собственно европейской компонентой, всемирной пирамиды.

Есть у этой пирамиды и свой изобразительно-окультурный образ, он же и тайный код — доллар — с нанесенной на его серо-зеленый бумажный лик (sic!)... *пирамидой*, почему-то при этом (sic!) усеченной, как бы и недостроенной, но зато с искрящимся над ней — усеченной и плосковерхой — всевидящим оком.

Итак: пирамида-таки — таки усеченная — таки под всевидящим оком. Не слабо! Ну и немало загадочно: то, что пирамида — понятно, то что под всевидящим оком — тоже, пожалуй, понятно, ибо тут проектная пирамида, да еще и покровительствуемая-де самим Провидением, а вот почему все-таки пирамида усеченная — чтоб не впасть в образ Вавилонской башни или же из-за неизбежного в подобных мироприятельных случаях недостроя, а может, по причине неперемного наступления «конца истории» — как раз там, на срезе пирамиды, на ее плоской вершине, над которой возможно уже лишь воображаемое постисторическое, как раз вполне и конусное, наверхие? Кто знает!

Пирамида всемирная, вполне и империальная. Новый тут Рим, перемешанный с финикийским Карфагеном, а потому и индустрия тут с постиндустрией, и военная сила, и деньги с финансами, и меркантилизм, и наука с техникой, и космонавтика, и нейрокибертехнологизм, и Голливуд с рок- и поп-музыкой, и боги, которые совсем и не боги, а скорее потаенные идолы, в общем, много чего, не исключая Капитолия, Сената, Белого дома, гигантских памятников-храмов отцам-основателям Великой Америки, как и конных статуй с восседающими на них победоносными генералами времени великой гражданской распри.

Одним словом — ВСЕМИРНАЯ ИМПЕРИЯ!

Да, уход с исторической арены реального СССР с его международной соцсистемой освободил Америке путь на вершину миро-

вого господства, а странное вхождение остатков СССР и его системы, не исключая и задумчивого Китая, в лоно глобальной американо-европейской пирамиды, позволил Америке почувствовать себя истинным и вполне праведным хозяином планеты Земля, разделив ее на подотчетные округа — сателлитный, согласный, прихвостневый, коварный, противный, — и каждому из членов пирамиды свое: кому пряник, кому похлопывание по плечу, кому кнут, а кому и войнушку, а главное — всем планетариям на показ свою силу, силу, силу!

Победа вроде бы! Тут и «конец истории» подоспел, и постмодерн вдруг явился, и совсем уж новое времечко наступило. Триумф! Да не просто Америки — как державы, а и давнего евроамериканского проекта, вполне по задумке уже человеческого (никак не Божьего!). Дискретная европеизация мира сменилась его тотальной американизацией.

Но... но недаром у мудрых отцов-основателей Америки на долларе пирамидка-то усеченная, с плоской крышей, без конусного навершия. Вроде как всевидящее око тут за Америку, что, может, и так, но все-таки... усечена пирамидка, усечена, что означает, наверное, какой-то скрытый в великом архитектурном замысле казус, если не подвох, как раз имперский, точнее — мироимперский, что и не замедлило всего через какие-нибудь четверть века после «победы» Америки над СССР и всем вообще миром внезапно сказаться.

О чем речь, братцы?

Да все о том же, что нет и не может быть никакого имперского моногосподства надо всем планетарным миром, нет и все тут! Ложная это идея, ложный это помысел, ложный это проект. Многое можно великой империи сотворить и натворить, да вот не все — всемирной эффективной для всего мира империи нельзя сотворить, хотя кое-что имперское натворить и можно, очень даже немалое и очень даже недоброе.

Что такое Америка? Искусственный, сборный, некорневой псевдонациональный псевдоорганизм, хотя вроде бы и государственный, и гражданский, и цивилизованный, но, увы, не земной, хотя как будто бы и на земле (на Земле), какой-то нездешний, неземной, иномирный, но вот откудошный — со всей своей изначально пиратско-бандитской моралью, уж не из самой ли преисподней? Да, вроде бы европейский по происхождению, масонского кроя и финикийского пошиба, но не без собственных вековечных этнокор-

ней, без выработанной на месте содержательной культуры, без выстраданной религии, без сочной, насыщенной сакральными событиями истории. Этаким механизм-молодец — он же и устроитель — невиданного доселе межокеанского мира, новой Европы без Европы, что-то вроде большого трудо-предпринимательского лагеря, полного энергии, инициативы, стяжательства, присвоения, эксплуатации, денег, капитала, кредита, бизнеса, завозных мастеров, профессионалов, интеллектуалов, ну и рабов тоже.

Америка — мир в мире, но такой мир, который, несмотря на родство свое с Европой, тоже ведь не паинькой, стоит особняком на планете Земля, не имея с остальным планетарным миром никакой телесно-духовной органики, кроме разве неограниченного присутствия в этом остальном мире самодовольного доллара, уже ничем реальным и не обеспеченного, кроме своей безупречной наглости; — изощренного карфагенского финансизма; продуктов индустрии, плодов науки и техники; римских по духу военных баз и морских флотилий по всему миру с легионами развязных «хороших парней»; как и всяких локальных от благодетельной Америки войн, переворотов, революций; голливудской постмодерновой стряпни на потребу ущербных элит и для надежной обработки всемирного плебса; ну и безотказной, поддерживаемой своей разветвленной разведкой и своими же повсюду «пятыми колоннами», беспардонной и весьма уже бестолковой дипломатии.

Такой вот водитель стался у современного мира — безапелляционный; с презумпцией своего превосходства над миром и правом им командовать; веселый, бесцеремонный, карнавальный; нахальный и... беспощадный. И что очень важно: занятый более всего собой, своими интересами и своей выгодой, а отнюдь не чаяниями управляемого-де им мира, предназначенного быть вовсе не для себя, а для великой беззастенчивой Америки, ей беззаветно служить, на нее много трудиться, ее страстно желать, ей худо подражать и ее шибко ненавидеть.

Что ж, земной мир весьма быстро во всем разобрался и, считаясь с американской римско-карфагенской имперской силой, стал шаг за шагом отруливать от благодетельной Америки, ища своих собственных путей обустройства и личного бытия в новейших планетарных условиях, что, разумеется, межокеанскому «эффективному менеджеру» круто не понравилось. И понятно!

Тут-то и задвигался великий мистериальный танец мировых пирамид, конечно, с медленных, почти и незаметных на первый взгляд па, затем более рисуночных, но все еще осторожных, наконец — то ли не очень-то скрываемых, то ли вполне уже откровенных, как это случилось, к примеру, с Россией, явно заявившей о своем намерении не только покинуть благодатную америкоевропейскую заводь, но и... но и возвести свою пирамиду — вполне суверенную — российскую. Россия, сама-то всего лишь подугасшая и подразвалившаяся после развала СССР пирамида, решила не только не терять своей собственной пирамидальности, сидя в глобальных тенетах всемирной пирамиды, а двинулась навстречу самой себе, восстанавливая национальный суверенитет и свою имперскую органику. Не остались равнодушными к возможному освобождению из объятий американского пирамидального глобализма Китай, Индия, Иран, Турция, Бразилия, Индонезия и немалое число других стран, пусть и по-разному себя показывая в разгорающейся всемирной пирамидной мистерии. Не остается нейтральной ко всему этому и Западная Европа, засидевшаяся под покровительственным гнетом США в присутствии их оккупационного войска в уже разлюбленной ею заокеанской подклети.

Россия ныне не так реставрирует свою евразийскую пирамиду, как и не особенно ее реконструирует, как, учитывая новые миробытийные реалии, построяет новую российскую хомосоциальную пирамиду — царско-народную или, как, может быть, лучше и точнее — народно-царскую¹, во всяком случае — не римскую по духу и не карфагенскую, не европейскую и не азиатскую, а, надо полагать, соборно-гражданскую, как и, разумеется, великодержавную — в себе и для себя имперскую. Да, иерархическую, с трудовым населением и управляющей им разнородной элитой, но зато с личными свободами и семейной традицией, с нейрокиберсетями и виртуальными коммуникациями, и при этом — с национальным многоэтническим и поликультурным единением. Никакой тут красивой идиллии с беспечным массовым благополучием, но зато с возможностью полноценного бытия, совершенствования и творче-

¹ Речь тут не идет о монархической государственности, хотя уместно в рассудительном ракурсе напомнить о размышлениях по сему поводу тех же Л. Тихомирова с И. Солоневичем.

ства, в общем — в целом безопасной, но не лишенной напряжений, испытаний, коллизий и стойкости жизни.

Откуда сия уверенность? Не только от веры в Россию (Ф. Тютчев), но и от осознания богатой всякими терпкими событиями и грозными перипетиями российской истории, ее полного неумемного страдательного вектора, ее глубинной метафизики, как и великого постсоветско-социалистического провала 1990-х гг., внезапного погружения в бездну, мучительного в ней пребывания и невероятного из нее вырыва — не зря же все это стряслось с СССР и подвергло истязанию Россию, а также от нового очередного «дружеского» контакта страны с самодовольным, беспардонным и хищным Западом, решительного от него отпрядания, вовсе и не на Восток, как многим кажется, а к себе самой — к России.

Россия идет, возвращаясь и обновляясь, к России, как раз к той, которая и может стать согласно с ее собственным проектом, который надо не так строить, как позволять ему самому, пусть и с оглядкой, строиться.

Россия выходит на подъем — как раз пирамидный, вовсе при этом не вавилонского пошиба, а соответствующий заложенному в строительно-домовом коде Руси-России и воплощенном в ее шатровой архитектуре от древних теремов, башен и церквей до провиденциально выстроенного над Москвой великолепного здания Московского университета — совершенно ведь пирамидального. И Россию ныне никому и никак на сем пирамидном подъеме не остановить — ни родным «доброжелателям», ни чужеземным пособителям, ни откровенным врагам.

Не то теперь славные своей материальной культурой, идеальной антикультурой и необыкновенным зазнайством Соединенные Штаты Америки, вдруг в мгновение всевидящего ока превратившиеся в одряхлевшего, хотя и страшно молодящегося, с накаченными рыхлыми мускулами безумного старичка, что то же самое — из недостроенной, хотя и шикарной и гордой пирамиды в увядшую саморазваливающуюся Вавилонскую башню.

Если кто-то из экзальтированных почитателей Америки не замечает уже аварийного состояния сей великолепной поставилонской башни и не слышит пока еще негромкого скрипа от задвигающихся туда-сюда ее навечно вроде бы поставленных правильными рядками камней, тот может обратить внимание на в высшей степени выразительное безумие, вполне уже и субстанциональное, незамет-

но, но верно охватившее насельников потрясающей по красоте и трясущейся от самой себя плоскокрышей американской башни.

А башня сия не сдается, держится за саму себя, источая на мировую округу гнев свой и печаль, отчего и постреливает, не очень-то достигая намеченных целей, зато сея вокруг много боли, страдания и смерти.

Очень уж смертоносной выходит сия недостроенная башня, только что вроде бы коснувшаяся небес и на тебе — затрепетавшая от страха перед взятой высотой, заволновавшаяся, завибрировавшая, затрещавшая.

В чем же тут дело?

А всего лишь в недостойной смертных попытке занять место... всевидящего ока, то бишь и самого Господа Бога. Бац, и нет уже новой Вавилонской башни! Нет, конечно, она все еще есть, она стоит, пошатываясь, но уже не только как священная пирамида, но даже и не как Вавилонская башня, а как... груда камней, образцов, осколков... нет, конечно, не буквальных булыжников, а всего лишь виртуальных, эфирных, метафизических «вещиц», — где она ныне, славная Америка?

Любопытное это дело — саморазрушение, самоаннигиляция, самоисчезновение. Был тот же СССР с его полумиром, и, вдруг, нет ни СССР, ни его полумира. А всего-то один таинственный «чек» пришел там во власть, — и... *ничего!* Вот и в Америке всего-то один «чек» явился во власти, и затрясло вдруг Америку, и заколбасило, и забезумило. Вот оно как!

Точка тут, всего лишь точка, та самая — реперная, или сингулярная, а в точке этой всего лишь «чек», ну и... пошло-поехало, сначала в СССР и с СССР, а теперь вот в США и с США. Трудно в американское наваждение поверить не в пример советско-социалистическому. Да, трудно, но увы, есть он — ход самой по себе истории, а может, и не истории вовсе, а метаистории, если вообще не какой-то там внеистории, оплодотворяемой Великой Неизвестностью.

Энтропия! Интереснейший феномен, как, собственно, и феномен негэнтропии, который даже поинтереснее энтропии будет. Как полвека назад стала исчерпываться созидательная негэнтропия в СССР, уступив в один прекрасный момент свое место смертоносной энтропии, так и теперь американская негэнтропия уступает ме-

сто американской же энтропии, — и что тут не делай, а все равно «трамп» получается — великая лажа, так сказать.

Энтропия, конечно — прежде всего усталость, старение, утрата энергий и сил, но не только — это еще и искажение пути, потеря цели, убыль предназначения, но и это не все — это еще и истощение... *самого себя!* Как СССР, оставаясь вроде бы сильным и вовсю для чего-то великого предназначенным, попросту истощал себя — как мощного фигуранта бытия-истории, так и США, оставаясь сильными и вроде бы все еще для чего-то великого предназначенными, истощают самих себя — и тоже как мощного фигуранта бытия-истории. От великого нечто до нулевого ничто даже не один шаг, а всего лишь мгновение, разумеется, не временное, а смысловое. Вот так!

В интересном положении оказалась ныне и Европа, которая Западная, почти сплошь объединенная в рыхлую, но все-таки единую пирамиду — Брюссельскую (этакая получилась самозванная пирамида из сонма пирамид и пирамидок). Европе пора уже освободиться от своего заокеанского опекуна, выставив на всеобщее обозрение и вправив в мировой бытийно-исторический процесс свою собственную, пусть и не молодую, но обновленную всем организмом, пирамиду, весьма и, знаете ли, имперскую — новый европейский Рим, пусть пока и не «четвертый Рейх», но все-таки! В то же время Европа, она же Европейский союз, проглотив кучу балтийских и центральноевропейских стран — пирамид и пирамидок, — явно почувствовала себя не слишком здорово, обнаружив не одно лишь затратное экономическое напряжение, но и, что более гнусно, вполне политическое раздражение, ибо сии страны-падчерицы (или страны-приемыши) оказались на поверку весьма привередливыми и строптивыми (недаром все из бывшего соцлагеря или прямо из СССР). Уже поэтому ЕС стало малость мутить, а уж когда из ЕС стала выходить великая несносная «англичанка», то по Европе явно проскочила судорога... нет, конечно, еще не отчаяния, но уже... кое-какого несварения — точно! Да и в самом ЕС уже через край противоречий и неустойчивости, обязанных не только беспечной Греции и какой-нибудь бесшабашной Каталонии, но и вполне себе рассудочным Австрии и той же Италии. А ежели взять Францию с ее закоренелым недоверием к Германии, а саму Германию в ее униженном положении плодотворной дойной коровы, а... а... а... и т. д.? Да, общеевропейский союз вроде бы имеет место,

хоть и потрескивает по некоторым швам, а вот потребные уже для Европы Соединенные Штаты Европы что-то не получаются, да и вряд ли вообще получатся — для кое-какого межгосударственного объединения Европа оказалась годна, а вот для полного политического единства, чуть ли не слияния — нет. Отсюда и кризис нынешней Европы, из которого она то ли выйдет, укрепившись в целом или разделившись на части, то ли нет, попросту уже распавшись. Очень в интересном положении оказалась ныне Европа, что говорить!

А что же *такого* творится ныне в Европе? Да все то же — энтропия, за которой рыхлость, дырчатость, рассеяние, распад. И откуда Европе взять новую порцию негэнтропии, чтобы не только поддержать себя, но и обновиться, преобразоваться, выйти на вектор нового европейского бытия? Был когда-то «план Маршалла», сообщивший Европе потребную ей тогда негэнтропию, а потом явились внутриевропейские интеграционные процессы, сию негэнтропию весьма и весьма усилившие, потом... потом рухнул СССР со своим соцлагерем, опять же в пользу европейской негэнтропии — рынки, экспансия, внешняя кровь, но, как и водится в этом несчастном мире, пришли и кое-какие нехорошие вещи: разгром Югославии и той же Ливии, чего история никогда не простит Европе, как она не простила СССР и соцлагерю тех же Венгрии с Чехословакией; выхаживание Косова — этого криминального всеевропейского анклава; дурной заход в Грузию и на Украину; унылое и бесперспективное противоборство с Россией (те же антироссийские санкции); нашествие на Европу южных иноплеменников и иноверцев; мусульманизация Европы с утратой ею своего христианского лица; новая культурная (постмодерновая) идеология вкупе со странной антикультурной политикой; нашествие субстанционального элитного безумия. Как и Америке, актуально платящей внутренней кутерьмой за Сербию, Ирак, «Арабскую весну» и ту же атаку на Россию, Европе тоже стало ни с того, ни с сего платить по свеженьким счетам: — не успела Европа насладиться своей протоперской мощью, двигаясь на Юг и Восток, так на тебе — подлая внутренняя энтропия и угроза распада, а ежели и не распада, то кое-каких пренеприятнейших передраг. Так вот все и бывает!

В реальном бытии-истории все самое судьбоносное почему-то происходит не так, как провидит человек, ибо бытие-история тоже ведь сознание, только не такое, как у отдельного человека и даже

у группы людей, коллектива, общины, общества, мало того, в этом обобщенном бытийно-историческом сознании царствует не просто большая неизвестность, а неизвестность работающая и решающая, лишь частично улавливаемая одаренным на этот случай человеческим сознанием — посредством исключительных откровений, вполне и трансцендентных.

Есть игра престолов, а есть игра хомо-социальных пирамид, — и любая достигшая неких пределов своего бытия пирамида непременно рушится — как сама по себе, так и под беспощадными ударами извне, чтобы либо уступить свое место другой пирамиде (или пирамидам), либо позволить возникнуть где-то рядом или вдали какой-то иной пирамиде (или пирамидам), что как раз и лежит в глубокой сути игры пирамид — игры не на жизнь, а на смерть, хотя в параметр сей игры входит в соперничество между собой живых пирамид — уже по самому факту своего существования, не говоря о почти неизбежной их взаимной неприязни и конфронтации.

СССР-пирамида рухнула, чтобы высвободить пирамидостроительную энергию ряда новых субъектов, но и... чтобы уступить место возведению новой российской пирамиды — восточноевропейской и евразийской вкуче, хотя, конечно же, формально еще во все не выраженной.

Очередь рухнуть теперь за всемирной Запад-пирамидой, включая США-пирамиду и Европу-пирамиду, однако суть дела тут не так в их непременном развале, хотя это и не исключено, как в их неизбежных коррозии, разделении, ослаблении и историческом отступлении. Звучит, кажется, нелепо, фантастично, даже и глупо, но бытие-история никаких такого рода оценок не приемлет, оно просто вершит свое бело-черное дело, никак не обращая ни к лепости им продельваемого, ни к реалистичности, ни к умности — вершит себе и все!

Однако у всякой пирамиды есть хозяин, восседающий на ее вершине, он же управитель, удерживатель, благотворитель, что не мешает творить ему и кое-какое зло, и немалое беззаконие, и подленькую мерзость. В общем, у каждой пирамиды свой владетель и водитель — то как известная персона, лицо, вождь, то как потаенный штаб, коллегия, синклит, а раз так, то пирамида всегда субъектна, осознаниенна, волева, а потому она всегда имеет свой выраженный интерес и хорошо осознанный резон быть, держаться, не уходить, ничего не уступать, не исчезать. Тут мало бывает деловой

эффективности и даже военной силы, тут бывают потребны активные во все стороны действия, не исключаящие и хирургических вмешательств в иные организмы, как и любого рода внешние войны.

Всемирная глобальная пирамида, самоуверенно ведомая американо-английским административно-финансовым — в немалой части закрытым — истеблишментом, поднаторела во всем активном быто-жизнейском ассортименте ради самосохранения, себя укрепления и своего жизнеспособия. Во всем! Включая жестокость, обман, ложь, подкупы, провокации, кризисы, перевороты, революции, войны, причем повсюду, не исключая и самих любимых всеми США с Англией. Иначе ведь нельзя — это вам не укромный пятачок по имени Люксембург или искрящийся карлик по прозванию Монте-Карло, это — целый мир, а у него свои требования к управлению и жизнеспособности. Вот и идет сейчас войной всемирная американо-английская пирамида на пока еще едва обрисовывающиеся прото-пирамиды вроде российской и китайской, экзистенциально ей явно угрожающие, хотя главная угроза для всемирной пирамиды исходит от нее же самой — не дряхлой, но кое-какой предательской молью уже подернутой; еще вроде бы идейно не слабой, но уже утрачивающей свою концептуальную мощь; изворотливой как будто бы, да уж слишком уже нечестивой; прогрессивной-де, да что-то решительно обезумливающейся.

Безумие ведь не приходит само и вовсе не всегда и не обязательно приходит в физически немощный организм, — соблазн всевластия, глобальной эксплуатации и тупого гедонизма ничем, кроме как коварным безумием, не оплачивается!

А от тихого миролюбивого безумия до безумной войны, увы, один миг, как раз между славным-де прошлыми и уже вполне бесславным будущим.

Это не так война Америки против России и того же Китая, как война вытягиваемого Америкой из преисподней inferнального антимира со всем человеческим миром вообще — вот что ныне главное! И такая война не может не быть тотально, субстанциально и институционально безумной. В этой войне нет ни глубинных мотивов, ни больших задач, ни высоких целей, как не может быть ничего подобного у любого возбудившегося вдруг безумца. Любопытно, что двинулась умом не одна Америка вкупе с Англией и кое-какой Европой, а вся всемирная пирамида, ведомая взбесившейся Амери-

кой, исключая, быть может, тех ее членов, которые, почуяв опасность, двинулись прочь из нее, сбрасывая на ходу ее желтые одежды.

Речь уже не о границах, не о ресурсах, даже не о выживании как таковом, а о самом бытии, его образе, его, если хотите, *концепции* — и тут встает самый что ни на есть метафизический вопрос: ежели быть, то кем и как быть, коли уже не по-американски, не по-европейски, да и не по-китайски, не по-индийски, не по-ирански, не по-японски, вообще не по-каковски, и не по-российски тоже, мало того, не в соответствии ни с какой известной идеологией, включая и все мировые религии?

Ну и ну, вот и доигралось прогрессивное человечество, все более подпадая под нейрокибертехническое владычество — до великого себя отрицания!

Отсюда не что иное, как совершенно концептуальный характер разгорающейся войны мировых пирамид, — и не в самих пирамидах тут дело, а в их, пардон, *концепциях* — в их концептуальной, знаете ли, мистерии.

Оставь, наука, поле духовно-идейной битвы, открой дорогу Откровению, может, у страждущего человечества что-нибудь хорошее и выйдет!

С.В. СИНЯКОВ

Метафизика в системе экономического бытия, истории и познании*

Аннотация. Исследуется опыт применения метафизики для постижения сущности экономического бытия с точки зрения концепции философии хозяйства. Обосновываются эффективность и ценность аналитической метафизики в познавательной деятельности и исследовании истории.

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Синяков С.В. Метафизика в системе экономического бытия, истории и познании // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 23—39.

Ключевые слова: метафизическое пространство, эсхатология, экономическая онтология, «творящий хаос», аналитическая метафизика, сознание экономики, трансцендентное и имманентное, идеальные ценности, идеальный тип.

Abstract. From the point of view of the philosophy of economics, the experience of applying metaphysics to comprehend the essence of economic life is explored. The efficiency and value of analytical metaphysics in cognitive activity and history research is substantiated.

Keywords: metaphysical space, eschatology, economic ontology, «creating chaos», analytical metaphysics, the consciousness of the economy, transcendental and immanent, ideal values, ideal type.

УДК 11/ 33
ББК 87:65

Метафизика, как известно, это философское учение о предельных сверхопытных сущностных принципах и началах бытия, познания, человека, культуры, общества и истории. Метафизическое мышление — всегда мысль о целом, способная своими понятиями охватить фундаментальные вопросы бытия человека, его культуры, места в мире, обществе и истории. В специальной литературе, посвященной метафизическим основаниям бытия, прослеживаются два основных направления: 1) осмысление метафизики социума на основе религиозного сознания; 2) описание оснований истории общества средствами аналитической метафизики как в онтологическом, так и гносеологическом ключах [2; 6]. Классическая, неклассическая и постнеклассическая метафизики, несмотря на разные форматы и акценты, придерживаются тезиса о приоритете внешней по отношению к человеку реальности, так называемых первоначалах сущего, универсальных онтологиях. Ими могут быть как божественное начало, идеальный мир, так и не зависящая от людей метафизическая реальность сама по себе, ее каузальные, структурные и фундаментальные связи. В.Ю. Касатонов, например, полагает, что осмысление метафизики истории возможно лишь на почве религиозного сознания. «Православное постижение истории, — пишет он, — базируется на понимании того, что общественные процессы есть результат синергетического взаимодействия Бога и человека» [2, 30]. Его теоретическая позиция перекликается с религиозной

концепцией творчества Н. Бердяева, где человек вместе с Богом, как помощник Бога, продолжает акт миротворения, начатый Богом.

В исследовании Ю.В. Перова предпринимается попытка соединить трансцендентное и имманентное, объективное и субъективное в понимании метафизических основ истории социума. «Искусственная историческая реальность существует и преобразуется благодаря людям, осуществляющим этот процесс, но, обладая независимыми от сознания людей каузальными структурами, функциональными связями и закономерностями, оказывается как бы существующей “сама по себе”, хотя иным способом, нежели природа...» [6, 13]. Отсюда — история, «объемлющая, несущая и поддерживающая в себе совокупность объективаций и действующих людей», представляет собой «творение, не имеющее творца», вместилище, где все мы и все искусственное «имеют место, существуют и преобразуются» [6, 13].

Помимо концептуальных вопросов метафизики в исследованиях последних лет выявляются фундаментальные факторы цивилизационного развития, устанавливаются средства аналитической метафизики в познании прошлого, анализируются вопросы логики исторического процесса и его закономерности [8]. При всей проделанной философско-рефлексивной работе актуальными остаются вопросы о том, как «метафизическое поле», или «метафизическое пространство», действует и реализуется в системе экономического бытия, в реальном историческом процессе, в индивидуальных эмпирических сознаниях и действиях людей, как взаимодействуют метафизическое и эмпирическое в обществе в целом и в отдельных его сферах.

Ведущую роль в изучении метафизических основ общества сегодня играет философия хозяйства, достигшая существенных результатов в изучении экономического бытия и познания, построении новой экономической онтологии. Выводы, полученные философией хозяйства при исследовании своей предметной области, являются базовыми не только для экономических наук, но и для социального познания в целом.

Задачами статьи являются исследование опыта использования метафизики как теоретического мышления в познании принципов экономического бытия и последующего применения метафизического дискурса, его эвристических возможностей в изучении социума и его истории.

Метафизика включена в общественное сознание, социальное пространство деятельности множества эмпирических индивидов, сознание которых соединяет в себе рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное, логику и переживания, психическое и эмоциональное. Общественное сознание никогда не было только продуктом индивидуальных сознаний; оно приобретает всеохватность, достигает глубины, которая не присуща индивидуальному сознанию. Не все элементы общественного сознания проникают в сознание отдельных людей, трансформируясь там в те или иные стороны эмпирического сознания. Поэтому, несмотря на очевидную связь и взаимопроникновение метафизического и эмпирического, общественного и индивидуального, общественное сознание является самостоятельным и обособленным явлением бытия, изменяющим жизнь и индивидуальное сознание человека. «Если действия индивидуальных экономических сознаний, включая и институционально оформленные коллективные сознания, более или менее понятны (субъективные оценки, примеривания, прикидки, сравнения, пробы, ошибки, поправки, корректировки и т. д.), — отмечает Ю.М. Осипов, — то мало понятна или совсем непонятна реализация общественного сознания, состоящего из индивидуальных сознаний и между ними взаимодействий, но при этом и включающего в себя как бы неосознанные процессы, влияющие на движение стоимости, оценок, всей экономики» [3, 19].

Из этого противоречия и создается совершенно новая научная проблематика, явно выходящая за пределы экономики, с массой нерешенных вопросов: символами, тайнами, скрытыми смыслами, мистикой в хозяйстве, финансах, культуре, духовном и историческом движении человечества. Метафизическое целое, которое складывается на основе идей, мыслей, ценностей, всего содержания сознания отдельных людей, не является их суммой, механическим объединением индивидуальных сознаний. Оно скорее будет синтезом идей, понятий, учений, принципов, «изъятых» из индивидуальных сознаний и в этой ипостаси представляется качественно новым явлением. В концепции философии хозяйства, во-первых, содержится иная практика решения традиционных проблем экономики, во-вторых, расширяется поле исследования и происходит постановка новых научных проблем, что является особо важным. Экономика, общество, история, как известно, «отвечают» на наши вопросы,

но задаем их мы, и ответы на них зависят от нашей постановки вопросов.

В работах Ю.М. Осипова был сделан новый шаг в формулировании и обсуждении проблем экономического бытия на основе анализа хозяйственной жизни общества, причем как в абстрактной мыслительной форме, так и в практической плоскости, актуальной для решения геостратегических задач современности. Основополагающей категорией экономической онтологии у Осипова является понятие хаоса, из которого творится относительный, небезупречный, временный экономический порядок, описываемый теоретическим мышлением. «Экономический хаос, — пишет Ю.М. Осипов, — вполне подтвержденный хозяйственной практикой и освященный экономической теорией посредством утверждения тезисов об экономической свободе и монетарной сути экономики, ликвидировать совсем нельзя, да и не надо, наоборот нужно использовать сей необыкновенный феномен, ориентируясь на его творческую способность...» [4, 28]. По своей сути экономика как движение мысли, как сознание идеальна, поскольку сознание творит экономику с ее деньгами и стоимостью. «Как работает стоимость и вместе с нею и вся экономика? Примерно так, как работают сознание, мозг, ноосфера, даже и само мироздание в своей хаосоисходной, становящейся, упорядочивающейся части» [3, 19]. Контролировать эту идеальную метафизическую реальность и полностью управлять ею невозможно, так же как невозможно «руководить» историей не только прошлого, но и настоящего, и будущего. «Экономика — социум, сознание, ноосфера, целый мир — мир живой, живущий и живучий, мир действующий, думающий, самоорганизующийся. Установить тотальное управление этим миром значит ликвидировать сам этот мир, уничтожить стоимость, убрать саму экономику!» [5, 299].

Экономику можно представить в виде метафизического поля, наполненного разумом и иррациональностью, сознанием и неосознанным, ноосферой, социальностью, ценностями, целеполаганием, непредсказуемостью, порядком и беспорядочностью. «Экономика непрерывно творится из хаоса, который быть может и не бросается в глаза, кроме разве кризисных ситуаций, уже в своей негативной ипостаси, по которой всегда и везде непременно присутствует, — подчеркивает Ю.М. Осипов, — творя экономику сложной, гибкой, дискретной, подвижной, изменчивой, непредсказуемой, произволь-

ной, а главное — своевольной» [4, 22]. Хаос, о котором идет речь, определяется автором как «творящий хаос», ибо он «в сфере сознания, в сознании, через сознание...» [4, 22].

Концепция экономической онтологии («онтоса») как творящего хаоса Ю.М. Осипова весьма плодотворна в онтологическом и в когнитивном ключе, так как позволяет трактовать экономику в виде метафизического поля, мира, среды, находящихся в пространстве человеческого экономического сознания, но одновременно при этом иметь свойство быть внешними и относительно независимыми от эмпирических экономических субъектов. «Самое экономическое в экономике — стоимость, эта информационно оцифренная “сама себе субстанция”, не выходящая за пределы сознания, ноосферы, людских голов, ими и в досталь производимая, однако обретающая при этом и трансцендентную от этих голов самостоятельность» [5, 72]. Если экономика есть сознание, находится в сознании, то это большое многослойное сознание, которое обязательно включает в себя ценностную и мировоззренческую компоненту. «Экономическая мысль — ценностная мысль, оцененная сама и сама же несущая в разные стороны реальности оценку» [3, 20]. Очевидно, метафизический анализ Ю.М. Осипова не ограничивается формальным анализом онтологических проблем с точки зрения научной рациональности, он связывается с хозяйственной практикой и современным экономическим развитием, позволяет проникнуть в глубины современной экономики. Представляется возможным, необходимым и чрезвычайно актуальным использовать теоретико-методологическую концепцию Ю.М. Осипова при характеристике метафизической составляющей в структуре общества и его истории. Но сначала рассмотрим познавательные возможности аналитической метафизики в социальной философии.

В XX столетии предпринимается попытка создания аналитической метафизики, хотя ее представителям не всегда удавалось провести различие между онтологией и метафизикой, поскольку онтология близка метафизике, она является знанием об основополагающих принципах бытия. Под метафизикой в аналитической философии стало пониматься систематизированное, понятийное, но не верифицируемое знание. Онтология должна была учитывать достижения аналитической философии, так как последняя не ограничивалась лишь анализом вопросов логики и лингвистики в связи с основополагающим смыслом предельных значений культуры, которые

могут раскрываться при помощи метода философской рефлексии. Аналитическая философия исходила из признания метафизики гносеологическим модусом и перевела интерес к ней в область разработки проблем философии сознания, языка, текста, выявления того, как возможно ясно и непротиворечиво помыслить предмет и выразить его лингвистическими средствами. Однако ее познавательные возможности не позволяли ответить на вопрос об объективности истории, ее зависимости от сознания ученого-наблюдателя, от внешних социокультурных факторов, политического и психологического состояния общества или от той его микросреды, к которой принадлежит ученый.

Французский философ Э. Ведрин, сторонник критической философии истории в современной социальной философии, в свое время писал: «В нашу эпоху две большие концепции попытались установить научные основы истории. Одна концепция — это марксизм... Другая концепция — это то, что принято называть критической философией истории. Они противоположны. Великие тени Гегеля или Канта, которые вырисовываются за ними, обозначают различия их проблематики. Одна концепция стремится найти движущую силу истории, другая снова ставит критический вопрос: “В каких условиях размышление над историей возможно?” Одна говорит о классовой борьбе, о производственных отношениях, другая спрашивает историка о месте, откуда он будет держать речь» [13, 7]. Ответ на вопрос о предмете и сути метафизики как познавательного средства давал известный французский ученый Р. Арон. По его утверждению, философия истории делает критический анализ гносеологических и логических проблем исторического процесса, изучает вопросы воспроизведения картины прошлого, истины в истории и возможности ее познания. Она связана с критической интерпретацией человеком своего собственного прошлого и настоящего.

В центре внимания критической философии истории находились гносеологические и эпистемологические проблемы. Однако сам Арон никогда не ограничивался ими, в его трудах содержательно представлены и онтологические вопросы. Исходной точкой критической философии истории является категория понимания. «Понимание обозначает такое знание, которое мы получаем при исследовании деяния людей...» [11, 51]. Но в историческом познании, не имея возможности непосредственно контактировать с объектом —

людьми прошлой эпохи, деятельность которых он изучает, — сам ученый конструирует прошлое на основе анализа исторических источников, в том числе метафизического дискурса. Такой подход правомерен, поскольку ученый в познании использует умственные конструкции, навязанные аналитиком порядку фактов. Выбор оси или угла зрения, рассмотрения истории — «идеального типа» (М. Вебер) — зависят полностью от желания исследователя, поскольку это вопрос выбора схем или «умственных разрезов» (Р.Ю. Виппер). В таком случае «локальные культуры», «техногенные цивилизации», стадии, формации, «традиционные общества» и другие умственные идеальные конструкции, помогают нам понять и описать прошлое. Их можно считать неверифицируемыми метафизическими средствами аналитической философии истории, хотя аналогов им в самой исторической действительности может и не быть. Тем не менее указанные абстрактные идеологические понятия дают возможность более успешно исследовать исторический материал. Идеальный тип не обретается в эмпирической реальности, а представляет собой исследовательскую утопию. «Не существует исторической реальности, отмечает Р. Арон, предшествующей науке, которую следовало бы просто воспроизвести» [11, 120]. В таком случае адекватность исторического познания полностью зависит от исследователя, так как всегда обнаруживается контраст между пережитой историей и рассказанной историей. Поэтому интерпретация и понимание исторических фактов, событий зависят от ученого, перед которым возникают трудности, связанные с выбором теоретических средств исследования. На эти обстоятельства и обращал внимание Р. Арон, который был убежден, что главная трудность наблюдателя состоит не столько в отборе соответствующего материала, сколько в понимании и проникновении в предельные основания исторического бытия [12, 75]. К задачам идеального типа в познании общественного бытия следует отнести проверку идеально-типической модели путем соотнесения и сопоставления ее с конкретными наблюдениями и таким способом открыть новые стороны действительности, данной моделью не предусмотренные. Познавательная ценность идеального типа обнаруживается именно тогда, когда это предельное понятие в той или иной степени опровергается исследуемым материалом. Аналитическая метафизика — это часть аналитической философии, восходящей к кантовскому критическому подходу. Аналитическая философия является формой рефлексии

над нашим мышлением о социальной реальности и способом описания наиболее общих черт этого мышления.

Обратимся далее к метафизической онтологии и рассмотрим ее место и роль в прогнозировании будущего в прошлых веках и в нашу эпоху. К. Ясперс в свое время тонко иронизировал по поводу всевозможных футурологических предположений и домыслов. Широко известна его фраза: «Нет ничего более легкого, чем прогнозировать. Особенно, если прогноз дается со стороны». М. Хайдеггер справедливо полагал, что история существует вне разума, без разума и в ней отсутствует логика. Однако человеческая мысль стремилась найти законы и упорядоченность в истории, а многих социальных философов и историков волновал вопрос: имеет ли исторический процесс хоть какую-то логику и закономерность или нужно вообще отказаться от этих категорий?

В развитии европейской философской и социально-исторической мысли метафизические представления играли значительную роль. В духовной истории Европы присутствовали хилиастические и эсхатологические мотивы, порожденные социально-психологическими характеристиками и ментальностью общественных групп, обыденное сознание которых было далеко от всякой теории. Прежде всего, это явление следует отнести к христианской теологии и эсхатологии, согласно которым движение из прошлого в будущее означает приближение к конечной цели мироздания, к завершению времени и слиянию его с вечностью. Например, в средневековых учениях была заложена вера в единство истории, а последняя осуществляется в форме противостояния и взаимодействия Града Божьего с Градом Земным. Но следует отметить, что это учение было известно преимущественно образованным людям, читавшим теологическую литературу и составляющих абсолютное меньшинство средневекового общества. В то же время в широких кругах миллениариев, хилиастов и других групп верующего населения христианская эсхатология приобретала более радикальную «еретическую» форму, как правило, осуждаемую церковью. «Еретики» проповедовали неминуемое и внезапное наступление тысячелетнего Царства Божьего на земле. Под знаком хилиазма происходила значительная часть народных восстаний в средневековый период, идеологи которых требовали немедленного установления Царства Божьего (табориты, последователи Томаса Мюнцера, анабаптисты Мюнстерской коммуны и др.).

В Новое время значительная эсхатологическая концепция содержалась в рационалистической теории Г. Гегеля, в философской интерпретации истории которого просматриваются основные черты христианской теологии. Вместо средневековой эсхатологии с ее грандиозным апокалиптическим финалом истории в виде Второго пришествия Христа и Страшного суда в метафизической концепции Гегеля центральной идеей стало возвращение саморазвивающегося абсолютного духа к самому себе. В политической части его учения венцом исторического развития и его завершением является возникновение в конце истории разумного государства. Эсхатология К. Маркса заменяет Царство Божье коммунизмом, несущим торжество социальной справедливости на земле вместо воздаяния по грехам и заслугам в потустороннем мире. Проект будущего подчиняет себе реальность настоящего, поскольку только с победой коммунизма начинается подлинная история человечества. Пролетариат, будучи избранным народом, раскрепостит человечество и приведет его в «Царство свободы». В концепции общественно-экономических формаций присутствует характерная для христианского учения хилиастическая эсхатология. В философии Н.А. Бердяева происходит обновление христианской традиции, но абсолютное будущее также объявляется конечной целью и смыслом истории. Философ ждет прихода вечности, Царства Божьего, Нового Иерусалима, но эсхатологическое будущее у него творится не только Богом, но и человеком. Для него Царство Божье есть будущее для этого мира, но не будущее из этого мира.

Указанные выше учения и концепции опираются на трансцендентные идеальные ценности, без участия которых невозможно построение никаких эсхатологий. Речь идет именно об идеальных, а не социальных ценностях, поскольку между ними существуют различия. Социальные ценности историчны, релятивны, зависят от признания их людьми, например, политические ценности или национальные интересы. Мир идеальных ценностей существует независимо от того, признают ли их люди; они не сводимы к социальному миру. Вопрос о происхождении идеальных ценностей до сих пор остается открытым. Кант, Шелер, С. Булгаков настаивали на абсолютной значимости моральных принципов, которые, по их мнению, обладают независимой от истории идеальной нормативной значимостью. Их метафизические концепции базировались на положении Платона о вечных, неизменных, идеальных сущностях. Платонов-

ский идеальный мир — это, прежде всего, мир моральных и иных идеальных сущностей, которые не сводимы ни к какому иному миру и существуют сами по себе.

Эсхатологические пророчества продолжают и в наше время, например, в работах современных американских политических философов — С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, В. Хесле. Ф. Фукуяма создал идеалистическую конструкцию «конца истории», интерпретирующую историю в гегелевском духе. Из его оценок следует, что содержание и смысл развития современной мировой цивилизации также определяются абсолютным будущим. Сознание у него есть причина, а не следствие; оно способно развиваться независимо от материального мира, и, следовательно, история идеологии представляет собой реальную основу всей кажущейся пестроты текущих событий. Он уверен, что К. Маркс поменял местами приоритеты между реальным и идеальным, отнеся весь мир явлений сознания — религию, искусство, культуру, да и саму философию — к «надстройке», полностью детерминированной преобладающим способом материального производства. «Непонимание того, — пишет Фукуяма, — что корни экономического поведения лежат в сфере сознания и культуры, ведет к часто совершаемой ошибке, когда явления, по природе своей идеальные, пытаются объяснить материальными причинами» [7, 138]. Либеральная демократия и американская государственная модель политической жизни у Фукуямы и Хантингтона являются универсальными формами миропорядка и должны в конце концов распространиться на весь мир. Категория будущего у них эсхатологически подчинена настоящему: «предыстория» с ее фундаментальными экономическими и политическими противоречиями рано или поздно заканчивается и начинается подлинная либерально-демократическая история человечества [9]. Такие прогнозы развития всей мировой цивилизации не удивляют, поскольку они частично реабилитируют классическую теологию и гегелевскую эсхатологию с его концепциями смысла и «конца истории».

Так, в современной философско-исторической литературе формируются новая форма историцизма и концепция содержательного оправдания смысла и цели истории. Что же общего между классическим и новым историцизмом, и какие между ними существуют различия? Общим является исторический взгляд на вещи, который, как отмечает Ф.И. Гиренок, «предполагает, что все мы

находимся внутри того, что когда-то начиналось и когда-то закончится» [1, 167]. Различия связаны как с развитием самого исторического процесса, трансформацией его политических и правовых институтов, так и с представлениями о нем как о последовательной связи индивидуальных и неповторимых событий.

Старый историцизм, или, как его тогда называли, культ Истории, сформировался во второй половине XIX столетия; он был связан с поисками логики и закономерностей в историческом развитии. Ему были присущи такие черты и особенности, как финалистский детерминизм, провиденциализм, гипертрофия необходимости в истории, оправдание всего, что произошло в прошлом, в том числе зла, насилия, войн, интерпретация настоящего как справедливого результата предшествующего развития. Идеологические последствия эсхатологического истолкования истории состояли в том, что история объявлялась главной личностью, существом высшего порядка, в то время как человеческая личность оставалась лишь элементом мировой логики, ее маленькой частицей. Этим самым снижалась активность человека, личности, его свободы и творчества, создавалась утопическая телеология. В истории разворачивался мировой порядок, согласно которому она есть творчество Бога, мировой идеи, экономических законов или чего-то другого.

Современный историцизм С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, В. Хесле и др. уже не отвергает вариативности истории, допускает альтернативы и не игнорирует свободы выбора путей развития. Однако, отрицая старый историцизм и стремясь обосновать новые подходы, западные ученые также абсолютизируют наблюдаемые сегодня социальные тенденции развития, экстраполируют их на будущее и таким способом создают новые утопические конструкции. Абстрактно-либеральные схемы или оторванные от реальности идеологические институты доминируют в их теоретических концепциях прошлого, настоящего и будущего. Но, как известно, мировые тенденции постоянно изменяются, и это обстоятельство не позволяет делать универсальные и всеобъемлющие выводы, следующие только из их изучения. Не следует забывать в утверждениях о будущем, в проектировании последующего развития устоявшихся и доказанных представлений об уникальности и неповторимости истории. Кроме того, наши знания растут, изменяются, и поэтому мы не можем прогнозировать будущее уже потому, что не знаем сегодня то, что будем знать завтра. По мнению В. Хесле, «именно не-

знание будущего есть необходимое условие человеческой свободы и тем самым ответственного действия». Хесле, в отличие от Хантингтона и Фукуямы, считает себя абсолютным рационалистом и акцентирует внимание не на социальных, а на идеальных ценностях. Он полагает, что идея права и моральные презумпции, а также другие идеальные ценности являются трансцендентными по отношению к эмпирической реальности [10].

Несмотря на критическое отношение к представлениям о смысле, цели и конце истории, можно допустить, что возможно, история имеет смысл, цель, задачи и другие фундаментальные свойства. Но драма изучения общественного процесса состоит в том, что мы принципиально не в состоянии познать его, особенно в том случае, если «конец истории — это не часть истории, а разрыв с ней» [1, 168]. История размещена в пространстве человеческого исторического сознания: не мы находимся в истории, а она находится в нас самих, но, пребывая в человеческом сознании, она пребывает и за пределами нашего сознания. Как справедливо отмечал Н. Бердяев, характеризуя смысл исторического, само его опознание осуществляется, прежде всего, как углубление в свое собственное личное сознание. Идти в глубь времен значит идти в глубь самого себя, полагал русский философ.

История как сознание всего социума обладает одновременно двумя свойствами: 1) быть совокупностью и результатом взаимодействий эмпирических сознаний; 2) быть трансцендентальным сознанием, независимым от сознаний индивидуальных субъектов. Указанная двойственность делает историю произвольной, иррациональной, изменчивой и непредсказуемой, трансцендентной и имманентной для всех ее участников. Человеческий разум в состоянии понять, познать и описать в истории последовательность отдельных явлений, тенденций и связей между ними, но не в состоянии постичь историю как сложное системное целое.

Метафизический мир с его идеями, принципами, установками, ценностями независимо от того, подозреваем мы об этом или нет, играет существенную, часто непредсказуемую роль в развитии и трансформации всех сфер социума. Идеологические конструкции реализуются в общественной жизни по принципу соответствия социального объекта знанию и представляют собой средство объективации субъекта, его построения действительности. Идеальные ценности содействуют осуществлению выбора деятельности адекват-

ной возможности ее реализации. Они могут выступать в виде духовной и практической проекции на социальный мир, которая содержит в себе согласованность и соотнесенность устремлений и действий массы участников исторического действия. Однако субъект может реализовать себя неадекватным образом в том смысле, что его действие не является истинным самоосуществлением, а, наоборот, представляет собой самоограничение. Социальное пространство наполнено разнообразными идеями, принципами, ценностями; оно характеризуется понятиями плюрализма, консенсуса, множественности истин. Если предположить, что истинное воплощение установок и ценностей должно соответствовать возможностям субъекта к самореализации, его движения к свободе, то ошибочное или деформированное, напротив, может довести его вплоть до самоуничтожения.

История, как уже было показано выше, полна учений и движений народных масс как первого, так и второго типа, в том числе социальных заблуждений и утопий, даже аморальных и античеловеческих идей. В современном информационном обществе реакции людей стали более управляемыми, а их амбиции успешно направляемыми, и этим обстоятельством, безусловно, воспользовались циничные пропагандисты, «проповедники», политики и вожди. Они спекулируют социальными ценностями, деформируя их, превращают историю в идеологическое месиво, создают из нее фальшивку, формируют разнообразные политические, исторические, культурологические и другие мифы. На людей ежедневно льется наполненный фальсификациями, фантастическими и бредовыми идеями информационный поток, в котором бывает нелегко разобраться. Высокочлаживаемые идеологи, редакторы и журналисты через электронные и печатные СМИ накачивают население информационным суррогатом, отлично понимая, что они делают, как они это делают и для чего. Такая информационная политика приводит к деформации и разрушению социального и духовного пространства народа, традиционных социальных ценностей, моральных основ существования людей; она способна вызывать самые деструктивные последствия. Нарушаются внутренние и внешние коммуникации между субъектами, вымываются моральные принципы, этические нормы, ценности, социальные идеалы: представления о добре, справедливости.

Итак, метафизическое пространство существует и функционирует как самостоятельный мир, который сравним с искусственным интеллектом. Это наш мир и одновременно не только «наш»: им невозможно овладеть, подчинить нашему контролю, управлять им. Вопрос о происхождении идей и ценностей метафизического мира остается открытым, но надо признать, что он есть, реально существует, проникает в индивидуальные сознания, одновременно оставаясь и вне нас. Не ограничиваясь только констатацией этого давно известного и установленного в истории философии и теологии факта, следует эпистемологически и методологически учитывать его. Осуществление всестороннего и глубокого анализа действительности, постижение социума, проникновение в его сущность представляются невозможными без учета их метафизической составляющей, без включения их исследований в познавательную структуру. Отдельной важной, интересной и актуальной для дальнейшего познания этого феномена темой является вопрос о коммуникации, взаимосвязи трансцендентного и имманентного в жизнедеятельности людей, взаимодействии метафизического мира с социальным пространством, сознаниями эмпирических субъектов.

В заключение следует отметить, что функционирование и развитие социума, в отличие от природного процесса, иррационально и нелогично, оно не может описываться понятиями, принципами и категориями классической науки, в нем есть нечто недоступное нам и непостижимое нами. Именно поэтому, по справедливому определению Ю.М. Осипова, *«история всегда загадка, не поддающаяся полному разрешению»*.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Россия: что делать, когда мы не понимаем, что нужно делать? // Философия хозяйства. 2017. № 2. С. 163 — 169.
2. *Катасонов В.Ю.* Метафизика истории / Предисл. С.Г. Лаковский / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2017. 400 с.
3. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (философско-нефизический взгляд) // Философия хозяйства. 2017. № 4. С. 11 — 28.

4. *Осинов Ю.М.* Экономика как творящий хаос // *Философия хозяйства*. 2017. № 1. С. 17 — 28.
5. *Осинов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.
6. *Перов Ю.В.* Проблематичность метафизических оснований философии истории // *Метафизические исследования*. История. Вып. 2. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. СПб.: Алетейя, 1997. С. 9 — 18.
7. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 134 — 147.
8. *Халапсис А.В.* Постнеклассическая метафизика истории: Монография. Днепропетровск: Изд-во «Инновация», 2008. 278 с.
9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 660 с.
10. *Хесле В.* Об отношении морали и политики // *Политические исследования*. 2013. № 4. С. 45 — 61.
11. *Aron R.* Introduction a La Philosophie de I / histoire. Paris, 1948. 374 p.
12. *Aron R.* Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961. 274 p.
13. *Vedrin H.* Les philosophies de l histoire. Declin ou crise? Paris, 1975. 210 p.

References

1. *Girenok F.I.* Rossiya: chto delat', kogda my ne ponimaem, chto nuzhno delat'? // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 2. S. 163 — 169.
2. *Katasonov V.YU.* Metafizika istorii / Predisl. S.G. Lakovskij / Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russoj tsivilizatsii, 2017. 400 s.
3. *Osipov YU.M.* EHkonomika kak est' (filosofsko-nefizicheskij vzglyad) // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 4. S. 11 — 28.
4. *Osipov YU.M.* EHkonomika kak tvoryashhij khaos // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 1. S. 17 — 28.
5. *Osipov YU.M.* EHkonomika kak est' (otkroveniya Zoila, ili Sudnyj den' ehkonomizma). M.: TEIS, 2017. 318 s.
6. *Perov YU.V.* Problematichnost' metafizicheskikh osnovanij filosofii istorii // *Al'manakh «Metafizicheskie issledovaniya», Metafizicheskie issledovaniya: istoriya*. Vyp. 2: SPb.: Izd-vo SPb GTU, 1997. S. 9 — 18.

7. *Fukuyama F.* Konets istorii? // *Voprosy filosofii.* 1990. № 3. S. 134 — 147.
8. *KHalapsis A.V.* Postneklassicheskaya metafizika istorii: Monografiya. Dnepropetrovsk: Izd-vo «Innovatsiya», 2008. 278 s.
9. *KHantington S.* Stolknovenie tsivilizatsij. M.: AST, 2016. 660 s.
10. *KHesle V.* Ob otnoshenii morali i politiki // *Politicheskie issledovaniya.* 2013. № 4. S. 45 — 61.

С.П. РАМАЗАНОВ, Д.В. ГАРБУЗОВ

Глобализация: восприятие и преодоление*

Аннотация. Статья посвящена исторической драматургии реализации политики глобализма. Рассматриваются особенности и феноменология советского и западного (американского) глобализма, а также смена моделей глобализации, происходящая в настоящее время.

Ключевые слова: глобализация, коммунистически-большевистский глобализм, американский глобализм, цензовая модель глобализации.

Abstract. The article considers the historical drama of the implementation of the policy of globalism. Peculiarities and phenomenology of Soviet and Western (American) globalism are considered, as well as a change in the models of globalization that is currently taking place.

Keywords: globalization, communist-international globalism, American globalism, the value model of globalization.

УДК 327
ББК 66

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Рамазанов С.П., Гарбузов Д.В. Глобализация: восприятие и преодоление // *Философия хозяйства.* 2018. № 4. С. 39—48.

Стремление к глобализации мирового исторического процесса проявилось уже в Древнем мире — в попытке Александра Македонского соединить Запад и Восток, в объединении Древним Римом мирового (в представлении людей II в. до н. э.) пространства. Именно такое объединение, по убеждению древнегреческого историка Полибия, положило начало «Всеобщей истории», также он назвал свою знаменитую книгу [3]. Но действительные предпосылки для реализации идеи глобализма в мировом пространстве в области хозяйства, культуры, политики, идеологии сформируются только в эпоху европейского модерна после завершения промышленной революции [1]. При этом, если на практике европейские страны долгое время были заняты экономическим, политическим и территориальным разделом мира, то в противоположность буржуазному миру в коммунистическом движении возникает именно глобалистская идея, связанная с перспективой всеобщего объединения посредством мировой социалистической революции, первоначально возможной в группе самых передовых государств.

На практике идея глобализма реализовалась в большей степени в Советском Союзе в рамках приоритета пролетарского интернационализма. И только после Второй мировой войны набирает силу идея американского глобализма. Можно сказать, что большая часть второй половины XX в. прошла под знаком противопоставления двух глобализмов — коммунистически-большевистского и американского. Коммунистически-интернациональная и американская модели глобализма расходились в декларации своих идей об основе достижения человеческого счастья. Такой основой объявлялась, с одной стороны, справедливость в организации процессов производства и распределения, а с другой — соблюдение демократии и прав человека. Однако в методологии реализации своих идей оба варианта глобализма были весьма близки. Оба варианта глобализма стремились к распространению своего влияния на другие страны в экономической, идеологической и политической сферах. СССР оказывал материальную поддержку коммунистическому и рабочему движению во многих странах после Второй мировой войны. Осуществлял экономическую помощь странам Восточной Европы, государствам так называемой социалистической ориентации в Азии, Африке, Латинской Америке. США еще до Второй мировой войны провозгласили свою монополию на страны Латинской Америки и после

войны реализовали экономическую помощь и подчинили себе Западную Европу.

Оба варианта глобализма получили широкое обоснование и распространение. С одной стороны — через марксистско-ленинскую политическую литературу, социалистический реализм в вербальном и визуальном искусстве, с другой — через пропаганду американского образа жизни посредством различных образовательных программ, активную работу радиостанций, массированное насаждение американского кинематографа и популярной музыкальной культуры. Подозреваемые в таком грехе, как инакомыслие, в обеих системах подвергались гонениям. В СССР широко развернулись ленинско-сталинские репрессии, в США они имели место во времена маккартизма. И в той, и в другой системах появился феномен диссидентства среди деятелей культуры, образования, науки журналистики. В СССР был закрыт въезд в страну А. Солженицыну, Ю. Любимову. В США — Ч. Чаплину. Активизировались попытки военно-силового подчинения независимых государств. СССР вторгнулся в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г., в Афганистан в 1979 г. США развязывали войны во Вьетнаме в 1960-е гг., в Ираке в 1990-е и последующие годы, в Югославии в 1999 г., в Афганистане в 2001 г. Можно отметить, что степень внутренних репрессий в интернационал-коммунистическом глобализме была несравнимо масштабней, чем в американском. Однако жертвы военных операций американского глобализма на порядок превосходили соперника в своих военных операциях как по их численности, так и по варварским методам. Применение напалма во Вьетнаме, обедненного урана в Ираке и Югославии не было свойственно коммунистическому глобализму.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что более существенное различие двух вариантов глобализации состояло в том, что если американский глобализм базировался на национальной идее превосходства американского образа жизни, то интернационалистический коммунистический глобализм — на достаточно абстрактных марксистско-ленинских постулатах. Национальное ядро бывшей российской империи большевики откровенно игнорировали, передавая русские земли Украине, Казахстану, Белоруссии. Большевицкая ориентация проявилась у современных коммунистов даже в 1997 г., когда для поддержки украинских коммунистов КПРФ голосовала за узаконение оставления Крыма в составе Украины.

Практические действия большевиков-коммунистов по существу были направлены на элиминацию у народа его, прежде всего, русского достоинства и идентичности.

Важно отметить, что, лишившись в результате краха советской системы своей идеологической основы, сторонники глобализма в России сохранили мировоззрение, близкое американскому глобализму. Такая ситуация содействовала повороту многих советских коммунистов в сторону американского глобализма. Выражением этого поворота явилось «новое политическое мышление» М.С. Горбачева, «осознание» Б.Н. Ельциным свободы после его облета статуи Свободы в США, заявление А.В. Козырева об отсутствии у России национальных интересов, экономическая политика Е.Т. Гайдара и его сподвижников, базирующаяся на рекомендациях американских советников. В «объятия» США бросились бывшие социалистические страны Восточной Европы, постсоветские республики Прибалтики, Грузия, Украина.

Большевистские методы в политике Украины, начавшие реализовываться в 1990-е гг., в равной мере развернулись и усилились после государственного переворота (второго майдана) в феврале 2014 г. Подобно большевикам руководители Украины начали борьбу с Русской православной церковью, проявившуюся в закрытии храмов, притеснении священнослужителей, насаждении непризнанной еретической церкви — так называемого Киевского патриархата. Как и большевики, на третий день после Октябрьской революции, запретившие инакомыслящие газеты, киевские власти начали проводить последовательную борьбу с русскими средствами массовой информации. Такая борьба началась с запрета рекламы на русском языке и завершилась запретом практически всего российского. Насильственно, хотя и постепенно, украинизируется школьное и высшее образование, найдя свое логическое завершение в принятии закона о полном запрете обучения на русском языке.

Аналогично политике большевиков в послеоктябрьском Советском Союзе на Украине происходит переименование городов, улиц, площадей, война с памятниками. Такие процессы идут под лозунгом и по закону об освобождении от коммунистического и советского наследия. Правда, если логично довести этот процесс до конца, Украине бы следовало освободиться и от советско-коммунистических подарков Ленина, Сталина, Хрущева — Донбасса, Западной Украины и Крыма. Понятно, что свою политическую

линию Украина проводит под жестким контролем США в интересах их глобалистских устремлений. Администрация США признала выделение 5 млрд дол. на обеспечение ее политики. ЦРУ непосредственно руководило работой службы безопасности Украины, разместившись в ее помещениях, а вице-президент США председательствовал на заседаниях украинского правительства и решал вопрос о снятии генерального прокурора Украины.

Вместе с тем нужно отметить, что переход бывших социалистических стран и бывших советских республик на позиции американского глобализма, несомненно, способствовал расширению использования США большевистских методов. В 2016—2017 гг. во время предвыборной кампании и после избрания президента Д. Трампа мы видим фактический запрет государственным деятелям на общение с русскими подобно запрету в СССР (в самые мрачные времена) на контакты с иностранцами, единогласное голосование в американском конгрессе за введение санкций против России и поиска внешнего врага в ее лице. Как и в первые советские годы, когда обвинялись группы священников, буржуазии, старых специалистов, США без разбора ввели практику коллективной ответственности «друзей Путина». Под влиянием такой практики международные спортивные организации объявили о коллективной ответственности русских спортсменов, особенно цинично это выглядит в отношении инвалидов. Наконец, в 2017 г. по Америке прокатилась компания по сносу памятников южанам — участникам Гражданской войны середины XIX в. При этом США как-то забыли о своем законе от 17 июля 1959 г. «О порабощенных народах», включавшем заботу даже о «порабощенных» коммунистами казаках. Ирония заключается в том, что территории новообразованных ДНР и ЛНР входили когда-то в состав Войска Донского и борются теперь с «большевистской» Украиной.

Возможно, осознание кризиса американских ценностей — демократических, правовых, свободы слова, коммуникаций — гражданским обществом США, элитой страны, а также государствами, стремящимися войти в орбиту американского глобализма, будет способствовать становлению многополярного мира. Вместе с тем, в значительно большей мере, преодоление глобалистских устремлений США будет зависеть от обретения экономической, военной и духовно-культурной мощи национальных государств,

декларирующих суверенность. Однако такие процессы идут не вполне гладко.

Россия начала свой путь возвращения суверенитета с рубежа XX—XXI в. Первой робкой попыткой явился протест против варварской бомбежки приверженцами американского глобализма Сербии, наиболее ярким жестом которого был разворот на Атлантикой и возвращение с половины пути самолета Е.М. Примакова. Затем последовала мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. о нетерпимости американской политики однополярного мира. Наконец, важнейшей вехой антиглобализма и преодоления последствий большевизма стало возвращение Крыма в состав Российской Федерации. На этом пути Россия добилась ощутимых успехов в обретении надежного военного суверенитета, в достижении духовно-политического единства подавляющего большинства народа. Но в экономическом развитии пока можно говорить только о постановке значимых целей. К тому же, правительство продолжило вкладывать средства в американскую экономику, несмотря на все возрастающие санкции. В определенной степени не преодолена вера в честность, правдивость и благородство политики США. Как недавно выяснилось, поверил США даже В.В. Путин во время киевского майдана 20 февраля 2014 г. В ответ на их просьбу убедить В.Ф. Януковича не использовать войска он, видимо, надеялся на их ответные действия, чего как мы знаем не произошло. Поэтому можно сказать, что реальные успехи в работе по качественному росту экономического развития России связаны с преодолением в сознании российского общества и его элиты представлений об уникальной цивилизованности США и западного мира в целом.

Необходимо также учитывать, что в наше время происходит разворачивание второй модели американского (западного) глобализма. Это связано с тем, что существующая первая модель глобализации, опирающаяся на принципы открытого свободного рынка, утратила свой конструктивный смысл для Запада, потерявшего приоритет и делегировавшего инициативу новым азиатским гигантам. Фактически, они перехватили инициативу у стран Запада и стали главным локомотивом глобального экономического роста. Причем, принципиально существенно то, что они успешно ассимилировали и освоили именно механизмы либеральной рыночной экономики. Многое изменив в себе, но при этом сохранив свои традиции и особенности, они оказались более приспособленными к глобальному

либеральному рынку, чем все остальные конкуренты, включая Запад, и теперь медленно, но неотвратно движутся к глобальному экономическому доминированию. Таким образом, запущенный Западом импульс экономической рыночной глобализации привел к неожиданному результату — вместо предполагавшегося процесса вестернизации мир ощутимо сдвинулся и дрейфует в сторону Востока.

Это позволяет с высокой долей вероятности спрогнозировать существенные изменения в процессе глобализации. В частности, очевидно, что существующая модель глобализации, опирающаяся на принципы открытого свободного рынка, утратила свой конструктивный смысл для Запада. Соответственно вариантов выбора в данной ситуации существует не слишком много — либо принципиальный отказ от глобализационной модели развития, что не кажется реалистичным, поскольку это объективный процесс, либо формирование альтернативной цензовой модели, опирающейся не на свободный рынок и конкуренцию, а на определенные ограничивающие принципы, прежде всего этического характера. Утвердившаяся и широко используемая в последние годы практика «санкций» в отношении как целых государств, так и отдельных организаций и даже людей, ясно показывает, что формирование этой модели уже находится в активной фазе. Философия этой модели вполне очевидна — правом на экономический доход, рост и благосостояние обладает не любой игрок, благодаря просто самому факту своего существования, а только тот, кто соответствует определенным критериям этического порядка. Однако нужно понимать, что Запад опоздал с формальной легализацией этой модели, он пропустил то время, когда это можно было сделать с использованием существующих законных механизмов принятия международных решений. Поэтому сегодня он вынужден в одностороннем порядке «продавливать» признание этой модели, опираясь на свои экономические, информационные и силовые возможности и ресурсы. Но поскольку время тотального превосходства Запада не только в сугубо силовой, но и экономической сфере уже прошло, попытка смены моделей безостановочно генерирует социальную конфликтность и «войну цивилизаций». В конце концов, ИГИЛ (ИГ) — запрещенное на территории РФ — это тоже вариант цензовой модели глобализации.

То, что целью и объектом первоочередного «санкционного» и прямого давления Запада выбраны именно Россия и Ближний Во-

сток, вполне соответствует целерациональной логике. Если атака будет успешной, то Запад получит основные источники природных ресурсов и устранил главного «силового» конкурента (Россия). После этого можно будет приступить к «убеждению» Китая принять новые этические принципы экономической глобализации. Соответствовать этим принципам в полной мере, например, в плане экологических стандартов, Китаю будет очень сложно, и Запад вновь вернет себе безусловное мировое лидерство.

Все это ставит сложные задачи перед современными правящими элитами. Обобщая существующую практику, можно выделить три типа действующих политических сил: 1) конструктивные, 2) деструктивные, 3) имитационные. Политическая система США построена на сочетании конструктивных и имитационных сил. Деструктивные элиминированы. Трудно найти более яркий пример такого рода политической конструкции. В политическом поле страны доминирует одна группа управляющей элиты, два крыла которой подчинили себе все политическое пространство и маргинализировали все возможные альтернативы своей власти. До сих пор они весьма эффективно справлялись со своей работой, удерживая США на вершине глобальной социальной системы. При этом политическая жизнь страны содержит критически большой элемент театральной драматургии, связанный с необходимостью создавать яркий образ и динамический сюжет борьбы двух альтернативных, непримиримых политических сил, каковыми партии республиканцев и демократов в реальности не являются. Это привело к появлению феномена медиакратии, ярко выраженному доминированию средств массовой коммуникации в формировании политической повестки дня. Отсутствующий в реальности политический конфликт ярко и увлекательно разыгрывается в медиапространстве. В этом смысле Голливуд — действительно душа и сердце американской культуры и социальной жизни. Конфликт новоизбранного президента Трампа с американским медиасообществом, с одной стороны, делает очевидным данную особенность политической системы США, а с другой стороны, показывает, что реальность не всегда поддается медиаконтролю. Для американского медиасообщества Дональд Трамп — это кошмарный сон режиссера популярного телесериала, в котором взбунтовавшийся персонаж отказывается следовать задуманному сценарию и портит дорогостоящее шоу.

Политическая система Европы построена на сочетании (борьбе) конструктивных и деструктивных сил. Иными словами, она менее технологична и более естественна, чем американская. Хотя и здесь присутствуют доминирующие игроки, но политическое пространство содержит и альтернативные силы, готовые при изменении обстоятельств усилить свои позиции, что и происходит в последнее время. Соответственно, такая система тактически менее устойчива, чем американская, и с меньшими усилиями может быть выведена из состояния равновесия, что в сочетании с общими проблемами устройства Евросоюза грозит ему в ближайшей перспективе серьезными потрясениями.

Политическая система Китая основана на преобладании конструктивных сил. Политическая элита Китая строго следует определенному прагматичному порядку, жестко подавляя деструктивные и имитационные силы. Это позиция, для которой результат важнее целей и ценностей. Точнее говоря, целью и ценностью является все, что приносит позитивный результат. Это сильная позиция, но потенциально она чревата кризисом этического плана, что может стать слабым местом и мишенью для оппонентов Китая.

Наконец, политическая система России, к сожалению, выглядит основанной на преобладании имитационных сил. Власть, используя благоприятную либо неблагоприятную конъюнктуру, имитирует эффективную деятельность, подавляя одновременно и деструктивную, и конструктивную альтернативы. Фактически управляющая элита занимается тем, что поддерживает определенный базовый status quo, позволяя текущей конъюнктуре определять ход событий как в позитивном, так и в негативном направлениях. Ясно, что в новых условиях это совершенно неприемлемо. Можно утверждать, что время благоприятной конъюнктуры для России прошло. Мир вошел в новый конфликтный цикл. Глобальный Запад, утративший экономическую инициативу и приоритет, но не отказавшийся от своих амбиций и эгоцентризма, вынужден именно сейчас, в это время, пока он еще владеет первенством в международных отношениях и институтах, начать революционную программу нового Модерна. Аналогично результатам первого европейского Модерна, он должен реализовать такую культурную программу и такой тип общества, которые вернут Западу безусловный приоритет и одновременно отбросят все остальные социумы в новую архаику. Очевидно, что в этой ситуации Россия должна не полагаться на

конъюнктуру, а активно повышать свой уровень научно-технического развития и, одновременно, отстаивать свои традиционные ценности, мировоззрение и образ жизни [2].

Литература

1. *Кузнецов А.В.* Россия между глобализмом и неодирижизмом // *Философия хозяйства*. 2017. № 1. С. 113—128.
2. *Осипов Ю.М.* Россия на пути к России // *Философия хозяйства*. 2017. № 6. С. 11—22.
3. *Полбий.* Всеобщая история. М.: АСТ; СПб.: Мидгард, 2004. 764 с.

References

1. *Kuznetsov A.V.* Rossiya mezhdru globalizmom i neodirizhizmom // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 1. S. 113—128.
2. *Osipov YU.M.* Rossiya na puti k Rossii // *Filosofiya khozyajstva*. 2017. № 6. S. 11—22.
3. *Polibij.* Vseobshhaya istoriya. M.: AST; SPb.: Midgard, 2004. 764 s.

М.С. БАЙНОВА, А.В. ПЕТРОВ

Культура и современная хозяйственная система в творчестве Сергея Булгакова*

Аннотация. В статье анализируются проблемы влияния трансформации современной экономической системы на культуру в свете философских взглядов знаменитого русского философа и социолога Сергея Булгакова. В статье рассматривается влияние динамики современной экономической системы на духовное, гармоничное развитие человека. Рассматриваются возможности трансформа-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Байнова М.С., Петров А.В. Культура и современная хозяйственная система в творчестве Сергея Булгакова // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 48—61.

ции механистической культуры труда в современной экономической системе на основе развития эстетики творческого труда.

Ключевые слова: хозяйственная система, культура труда, экономическая социология, история социологии.

Abstract. The article analyzes the problems of the influence of the transformation of the modern economic system on culture in the light of the philosophical views of the famous Russian philosopher and sociologist Sergei Bulgakov. The article examines the impact of the dynamics of the modern economic system on the spiritual, harmonious development of man. The authors concern the possibilities of transforming the mechanistic labor culture in the modern economic system, which are considered on the basis of the development of the aesthetics of creative work.

Keywords: economic system, labor culture, economic sociology, history of sociology.

УДК 304.44
ББК 60.561.2

Социокультурные основания развития современной экономической системы уже давно стали неотъемлемой частью проблематики современных социальных исследований за рубежом и в России. Признанными в зарубежных и отечественных общественных науках классиками исследований влияния культуры на экономику являются М. Вебер и В. Зомбарт, чей вклад в изучение данной проблематики неоспорим. Тем не менее в России параллельно и независимо формировался собственный теоретический взгляд, представленный, в том числе, трудами С.Н. Булгакова (1871—1944), в которых он изложил специфический подход к изучению взаимодействия и взаимовлияния экономики и культуры, постижению сущности современной экономической культуры. Этот подход приобретает особую актуальность в свете радикальной трансформации современной мирохозяйственной системы, истоки которой во многом относятся к эпохе создания интеллектуальных основ идеологии экономизма, последовательным критиком которой был С.Н. Булгаков [15, 272—273].

Очевидно, что практически все современные глобальные экономические процессы, изучению которых вот уже не одно десяти-

летие уделяют самое пристальное внимание экономисты, социологи, политологи, культурологи — интенсификация глобальных финансовых потоков и инвестиционной активности, транснационализация, глобальная информатизация, увеличение объемов транснационального товарооборота и либерализация мировой торговли, глобальная стандартизация и унификация мирохозяйственных отношений, расширение влияния СМИ и становление глобального «общества потребления» — связаны с весьма сложными процессами трансформации социокультурных коммуникаций как на уровне национальных культур, так и на уровне глобальных социокультурных изменений [11, 15]. Несомненно, одним из важнейших вопросов изучения трансформации современной хозяйственной системы является изменение отношения человека к труду, того отношения, которое формирует культуру труда как важнейшую часть духовной жизни любого общества [12, 591—592]. Современные глобальные трансформационные процессы вместе с экономическими и культурными переменами меняют и отношение человека к труду. Эти изменения обусловлены не только появлением новой техники и технологий или расширением возможностей для потребления. Важным аспектом трансформаций является вовлечение в современную хозяйственную систему новых ресурсов, которые имелись бы в изобилии. Подобным ресурсом стало общество, точнее, сам человек. Речь идет не только и не столько о его производственных возможностях (обусловленных знаниями, навыками, опытом), но и о его мыслях, чувствах, отношениях, его формировавшемся тысячелетиями сложном духовном мире. Однако, по мере трансформации человека в хозяйственную функцию производства, его превращения в человеческий капитал, духовный мир человека становится все беднее, несмотря на увеличение возможностей для потребления вещей, которыми он себя окружает. Бездуховность, отсутствие нравственных ориентиров становятся главными чертами жизни современного человека и еще одной функцией современной хозяйственной системы. Духовная жизнь человека является существенным барьером для его превращения исключительно в экономическую сущность. Но этот барьер исчезает под воздействием современных трансформационных экономических процессов. Эти процессы меняют сознание человека. Они навязывают современному человеку представление о том, что жизнь — прежде всего экономический процесс. Это стало основной аксиомой современной идеологии экономизма, поддержива-

емой глобальной массовой культурой. Идеология экономизма подменяет собой духовную жизнь, максимально упрощая ее. Тем самым главный ее удар наносится по самой сущности хозяйственной деятельности, сущности труда — его творческой составляющей.

Специфическое обоснование хозяйства как творчества, как синтеза свободы и необходимости содержится в трудах С.Н. Булгакова. В его знаменитых работах «Философия хозяйства» (1912) [2], «Свет Невечерний» (1917) [1] изложены основные идеи взаимоотношений и противоречий между культурой и хозяйственной деятельностью, духовной и материальной сторонами жизни современного человека.

Еще в начале XX в. С. Булгаков обратил внимание на негативную долгосрочную тенденцию социокультурного развития человечества. Эту негативную тенденцию он назвал экономизмом. «Наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова. В противоположность добровольному или насильственному аскетизму францисканско-буддийских эпох истории, презиравших богатство и отрицавших его силу над человеком, наша эпоха любит богатство — не деньги, но именно богатство — и верит в богатство, верит даже больше, чем в человеческую личность» [2, 54]. Экономизм существенно деформирует духовные основы трудовой деятельности человека в долгосрочной перспективе. Экономизм может проявляться как в обыденном общественном сознании «в наивно-догматических формах», так и в различных сложных научных экономических концепциях (всесторонне интеллектуально, идеологически обосновывающих догматы экономизма). Пожалуй, самый яркий современный пример таких концепций — концепции глобализации, утверждающие догмы о всепроникающей экономической рациональности, примитивном экономическом индивидуализме и приоритете идеалов консьюмеризма.

Этим экономизм опасен для творческого, наполненного духовностью труда, его трудовой эстетики, в которой проявляются свобода человека и воля Творца. С. Булгаков не отрицает необходимость научно-теоретического экономического анализа, но призывает увидеть его эмпирическую и философскую «догматическую обусловленность» [2, 56]. Например, эта обусловленность проявляется в жесткой связи между экономической наукой и материально-технологическим детерминизмом бытия человека.

В своем творчестве С. Булгаков стремится «оправдать хозяйство» как единство материальной (производство, потребление) и духовной (культура, этика хозяйства) жизни. Его система идей (имеющая религиозно-философские основания) пытается противостоять аксиоматике экономизма, утверждающего, что «жизнь есть процесс, прежде всего, хозяйственный» [2, 54]. Но, во-первых, не хлебом единым жив человек. Во-вторых, многое зависит от того, как трактовать хозяйство, хозяйственный процесс. Да и саму человеческую жизнь и ее историю. С. Булгаков всегда настаивал на том, что «жизнь есть творчество, а поэтому и история есть творчество» [1, 305], а хозяйство «никогда не может ограничиться чисто утилитарными задачами... Хозяйство (в широком смысле) тоже ощущает себя как творчество...» [1, 309—310].

С. Булгаков рассуждает о сущности хозяйства не как о системе производства и потребления вещей, а, прежде всего, как о духовном производстве и самоутверждении жизни. И в этом — специфика его подхода к постижению сущности взаимодействия культуры и экономики. Точнее, он рассуждает о сложной духовной и материальной деятельности человека по борьбе за жизнь и за расширение возможностей ее утверждения (в далеко не благоприятных существующих условиях бытия). Ведь жизнь может утверждаться лишь в постоянной борьбе со смертью. «Окруженная кольцом смерти, постоянно угрожаемая раскрытым зевом небытия, жизнь робко и скупно ютится в уголках вселенной, лишь ценою страшных усилий спасаясь от окончательного истребления... Есть только жизнь, и все, что существует, существует лишь в свете жизни. Вещи... есть только минус жизни, отрицательный ее коэффициент», — подчеркивает С. Булгаков [2, 81]. Хозяйство же «есть выражение борьбы этих двух метафизических начал — жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма». Хозяйство «есть форма борьбы жизни со смертью и орудие самоутверждающейся жизни» [2, 85—86]. Труд человека — это не просто создание новых вещей или товаров, не расширенное воспроизводство вещного богатства, а сложная духовная деятельность по преодолению необходимости свободой. В этом и заключается эстетика творческого труда. Рассматривая хозяйство исходя из идеологии экономизма — лишь как систему вещей и их постоянного увеличения в рамках материального производства (т. е. исключительно как систему, обеспечивающую индивидуальный комфорт, но вовсе не «самоутверждение

жизни»), — мы существенно ограничиваем анализ трудовой деятельности лишь изучением проявлений неодоухотворенной природы. Ведь вещи «заметны лишь в свете жизни», — утверждает С. Булгаков [2, 81]. Символы современного «глобального общества потребления» ориентируют миллиарды людей исключительно на служение этому царству мертвых вещей, тем самым лишь способствуя замещению жизни небытием, то есть абсолютным ничем. В трудовой деятельности это выражается в примитивизации, выхолащивании культуры труда и, тем самым, в дальнейшем сокращении возможностей человека преодолевать необходимость свободой. Что касается богатства, то оно может служить переходу из царства необходимости в царство свободы, только если будет трактоваться как мощь, т. е. как возможность постоянного осуществления творческой деятельности по преобразованию материала, данного человеку природой, а не как система, нагромождение комфортных, но безликих вещей [2, 234—235]. Главное богатство человека — это возможность творческого труда. Экономизм, проявляющийся сегодня как идеологическая основа развития современной хозяйственной системы, напротив, стремится навсегда загнать человечество в царство «железной необходимости», превращая человека из свободного творца в «раба необходимости».

Впрочем, хозяйственная деятельность важна еще и потому, что в процессе труда воспроизводится, «творится» культура в целом и экономическая культура, в частности. То есть воспроизводится возможность человека постоянно ощущать себя человеком, осуществляя в процессе «расширения жизни» и свой духовный рост. «Культура, т. е. трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу... как свою основу. Природа без труда, без трудовой культуры не может выявить всех своих сил, по крайней мере в человеке... но, с другой стороны, и культура не имеет иных творческих сил, кроме заложенных уже в природе» [2, 88]. Духовность хозяйственной деятельности предполагает еще и его социально-исторический характер. Поскольку «возможность истории... хозяйства основана на способности к новому творчеству, идущему дальше простого воспроизведения или повторения старого» [2, 137—138]. И это не просто трудовое творчество отдельных индивидов, а совокупность творческих актов по расширению жизни, интегрированное единым трансцендентным субъектом хозяйства — Мировой Душой — Человечеством [2, 139, 145]. Хозяй-

ственная жизнь определяется множественностью человеческих сознаний. Но без внутреннего единства, придающего хозяйственной деятельности истинный, всепроникающий смысл, оно подобно разбитому на множество осколков зеркалу, «из которых каждый по-своему и самостоятельно отражает мир». Внутреннюю связь, единство обеспечивает духовная сущность человека, тем самым «весь мир представляет собой как бы художественное воспроизведение предвечных идей» [2, 148—149]. Все человечество, рассматриваемое С. Булгаковым как «динамическая сумма индивидуальностей», в каждой из которых по-своему отражается, «преломляется» его духовная сущность, может ощутить себя в общности дела «обладающая силами природы». «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой», но «путем хозяйства природа опознает себя в человеке» [2, 153—155].

Человеческое трудовое творчество наполнено, прежде всего, духовным смыслом в основании, но не в конкретных проявлениях, продуктах и самом хозяйстве. Одухотворенными конкретные проявления, продукты хозяйственной жизни делает сам человек, участвуя в постоянной борьбе за утверждение жизни перед небытием, проходя тернистый путь, состоящий как из ошибок, неудач, конфликтов, но и из побед над природой, собой и детерминированностью (часто носящей характер или искусственно преподносимой как предопределенность). Из этой одухотворенной осмысленности, софийности черпает творческие образы человек, преобразуя мир вокруг себя, и, тем самым, утверждая жизнь, осуществляя «натиск на омертвелое». Именно поэтому так важно сохранение свободы творческого труда, которая и позволяет человеку оставаться человеком, «ибо несвободное творчество есть не творчество, но механизм, работа машины» [2, 156]. Стремление же к достижению или утверждению вещей лишь убивает творчество. «Становясь царством объектов, мир делается материальным. На него опускается косая тяжесть материального бытия с его безжизненностью. Если жизнь и сохраняется в нем, то только потому, что семена жизни, посеянные Творцом, неистребимы...» [2, 168]. Однако современный индустриальный мир, эксплуатируя эстетику трудового творчества, превращая восприятие трудового процесса в товар, подменяя ее эстетикой потребления и культом технологий, все больше ограничивает свободу этого творчества. Подобным путем творческий потенциал человека в современном обществе ставится в жесткие рамки необхо-

димости. Творческие образы, безграничным источником которых является духовная жизнь, начинают иссякать. Иначе говоря, человеческий капитал, считавшийся ранее безграничным производственным ресурсом, становится все более ограниченным. Причем это ограничение искусственно создается и воспроизводится самой же современной экономической системой.

Мировой исторический процесс, неотъемлемой частью которого является и развитие экономики, — это стремление человека и человечества к победе над механицизмом и вещностью бытия во имя торжества духа, жизни, свободы. Экономика — это пронизанный единой Мировой Душой трудовой творческий процесс и одновременно продукт творческого труда, а не совокупность безликих вещей, технологий и механизмов их изобретения и/или изготовления. Тем более что и сами технологии — продукт эстетики трудового творчества. Технологии — прежде всего часть культуры, производное от эстетики творческого труда. Согласно С. Булгакову, технология — это «трудовой выход субъекта в объект», их «живое единство», т. е. творческий акт. Ведь «живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим я в мир реальностей и неразрывно соединяющим его с этим миром, является труд, — человеческая актуальность, объективирующаяся вовне и тем объективирующая для нас этот мир» [2, 126—127]. Ну а вещи, как и результат их применения в производстве, могут быть осмыслены, одухотворены лишь самим человеком. Лишь понимаемая таким образом трудовая деятельность, строящаяся на основе христианской эстетики трудового творчества, способна преодолеть эстетику экономического страха и вывести человечество за жесткие рамки современного глобального царства необходимости. Такая трудовая деятельность действительно может явить собой синтез свободы и необходимости, столь важный в современной системе индустриальных отношений, наполненных конфликтами, чувством отчаяния и безысходности, которые испытывают сейчас миллиарды людей во всем мире. Философия С. Булгакова не только объясняет нам сущность многих трансформаций в культуре и этике современного индустриального общества, но и позволяет найти пути выхода из тесных рамок нашего современного опыта и устоявшихся социальных практик.

Присутствует ли интерес к вышеизложенным идеям С. Булгакова у современных исследователей? Интерес к философии С. Булгакова существует в настоящее время в европейском богословии.

Поль Вальер уделяет внимание рассмотрению работы «Философия хозяйства» в рамках нового направления русской теологии. Сложность христианского взаимодействия с современной цивилизацией показывает необходимость более глубокого понимания социально-культурного процесса. По мнению Вальера, в «Философии хозяйства» Булгаков обращается к этой потребности, предлагая общую теорию культурной деятельности. Вальер пишет: «Философия хозяйства также реагирует на растущее признание социологами роли личного творчества в формировании экономики» и сравнивает направления работы Булгакова с Вебером [20, 255]. Также Вальер указывает, что один из мотивов «Философии хозяйства» — необходимость понять экономический материализм современной цивилизации. «Мнение о том, что жизнь — это прежде всего экономический процесс “гипнотизирует современные умы”, побуждает их принять науку об экономике как “авторитетного законодателя” не только по экономическим вопросам, но и по другим вопросам» [20, 255].

Катрин Евтухов также сравнивает позицию Булгакова с Вебером по изучению экономической жизни и роли христианства: «По мнению Булгакова, христианство стало стимулом для творческой деятельности в этом мире как в эстетическом, так и в материальном смысле» [18, 184—185]. Бернис Глатцер Розенталь дает оценку Булгаковым исторического и экономического развития: «Он отверг рационализм Просвещения и его онтологическую базу, ньютоновскую мировую машину и заменил рационалистов историцизмом взглядом на историю и космический процесс» [19, 160]. Роберт Берд отмечает системность взглядов Булгакова в экономике и богословии «Булгаков, как и большинство русских религиозных мыслителей, стремился построить логически связную систему общественного развития» [17, 222]. Таким образом, религиозно-философские взгляды Булгакова на труд и экономику являются частью европейской социальной науки [16]. Идеи Булгакова основываются на практике Православной церкви и дополняют исследования взаимосвязи труда и религии — в протестантизме, например. Это позволяет добиться комплексной оценки западной и восточной христианской мысли на проблему труда. Изучение творчества Булгакова позволяет восполнить пробелы в социальной науке на основе изучения наследия христианской философии, которое часто игнорируется со стороны социологии религии. Его труды, как справедливо отмечает Н.А. Ваганова, —

«это мощная попытка философско-богословского синтеза» [3, 40], а также изучения влияния его творчества на идеологию [14].

Не прекращается и социально-философское осмысление идей С. Булгакова отечественными учеными. Н.Г. Кабанова, например, обращает внимание на вопросы осмысления С. Булгаковым культуры и цивилизации, приходя к выводу о том, что он рассматривает культуру как хозяйство, одухотворенный труд, творчество человека [5, 139]. Философские идеи и принципы С. Булгакова способствуют гуманизации человеческого бытия — то есть реализации одной из важнейших и крайне сложно решаемых задач социально-экономического развития современной цивилизации [7].

С. Н. Булгаков вызывает интерес в современной российской социологии, где необходимо выделить прежде всего работы Н.Ю. Матвеевой [8, 9]. Использование философских идей С.Н. Булгакова возможно в социальной политике (см.: [6, 34]). Б.К. Тебиев указывает на использование идей Булгакова, говоря о социальной рыночной экономике и экономической этике для преодоления морального и экономического кризиса, вызванного переходом от социализма к рыночной экономике в России [13, 87]. Булгаков не создал теории христианской социологии, но он задумал религиозный подход к современной науке изучения человека [10, 180]. Современные отечественные исследователи подчеркивают вклад С. Булгакова и в изучение трудового потенциала современной экономической системы [4]. Нами были рассмотрены также трансформации идей С.Н. Булгакова в условиях современной организации и культуры труда [16]. Булгакова называют русским европейцем из-за синтеза подходов различных наук и взглядов, и его идеи могут быть реализованы для решения современных проблем как инструмент экономической социологии в разных культурах.

Благодаря изучению творчества С. Булгакова мы можем лучше понять все сложные противоречия современной экономической и духовной жизни в условиях радикальных глобальных изменений. Имманентно присущий дискурсу глобализации экономизм разрушает традиционную культуру труда. Мы можем наблюдать в современной жизни разных обществ процесс товаризации восприятия человеком труда. Параллельно развитию суперсовременной индустрии, создающей вещи для все более комфортной жизни, осуществляется процесс вытеснения духовности из трудовой деятельности. Происходит замещение духовной сущности труда, как про-

цесса «возделывания души», экономизированной и примитивизированной его сущностью. Создававшаяся в течение многих веков религиозного воспитания трудовая эстетика — эстетика творца — превращается в главный товар на рынке труда. Страх современного человека перед бедностью, безработицей, разными формами трудовой дискриминации усиливает такое восприятие труда. Современная глобальная экономика вместо эстетики творческого, христианского труда воспроизводит лишь эстетику экономического страха. Идеи С. Булгакова показывают человечеству путь его преодоления.

Литературы

1. *Булгаков С.Н.* Первообраз и образ // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Свет невечерний. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», М.: «Искусство», 1999. 416 с.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. Трагедия философии. Труды. Т. 1. М.: Издательство «Наука», 1993. 590 с.
3. *Ваганова Н.А.* Таинство, догмат и антиномия в софиологии прот. С. Булгакова // Вестник ПСТГУ. 1: Богословие, Философия. 2013. Вып. 4 (48). С. 40—51.
4. *Вахтев И.Ю.* Философия хозяйства С.Н. Булгакова и модернизация экономики // Novainfa.ru. 2016. № 50. С. 1—5.
5. *Кабанова Н.Г.* Эволюция представлений о культуре и цивилизации в период становления С.Н. Булгакова как религиозного философа // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). Сер. Философия. Социология. Культурология. Вып. 23. С. 136—139.
6. *Катаева В.И.* Социальное проектирование. М.: РГСУ, 2011. 272 с.
7. *Майданская И.А.* Русские философы о принципах гуманизации человеческого бытия // Научный результат. Сер. «Социальные и гуманитарные исследования». 2015. Т. 1. № 4 (6). С. 45—50.
8. *Матвеева Н.Ю.* Анализ ценностного содержания социальных идей в творчестве С.Н. Булгакова // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 114—122.
9. *Матвеева Н.Ю.* С.Н. Булгаков как социолог. М.: Инфра-М. 2011. 100 с.

10. *Микешина Л.А.* Современные темы в философии науки С.Н. Булгакова // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV. № 2. С. 179—185.

11. *Петров А.В.* Социокультурные коммуникации в контексте глобальных экономических трансформаций // Современные проблемы социологии. Сб. науч. тр. / Под ред. Р.А. Костина, С.И. Бояркиной. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. С. 15—22.

12. *Петров А.В.* Человеческий капитал и отношение к труду как основной ресурс экономического развития в условиях глобальных трансформаций // Десятые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 13—15 ноября 2015 г. / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 593—595.

13. *Тебиев Б.К.* Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944) // Экономический журнал. 2014. Т. 36. № 4. С. 80—88.

14. *Хироюки Х.* Был ли «социализм» идеалом священника Сергея Булгакова в первом десятилетии XX века // Вестник ПСТГУ. 1: Богословие, Философия. 2016. Вып. 2 (64). С. 57—72.

15. Экономическая социология: теория и история / Под ред. Ю.В. Веселова, А.Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012. 760 с.

16. *Baynova M.S., Evstratova T.A., Petrov A.V., Petrova A.A., Volchenkova O.A.* Modern Transformation of Labor Culture and Aesthetics in the Light of Sergei Bulgakov's Religious Philosophy // The Social Sciences. 2016. No.11. P. 1414—1421.

17. *Bird R.* The Tragedy of Russian Religious Philosophy: Sergei Bulgakov and the Future of Orthodox Theology // Orthodox Christianity and Contemporary Europe: Selected Papers of the International Conference Held at the University of Leeds, England, in June 2001. Sutton Jonathan, van den Bercken William Peter, Peeters Publishers, UK, 2003.

18. *Evtuhov C.* The Cross & the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy. Cornell University Press, UK, 1997.

19. *Rosenthal B.G.* The nature and function of Sophia in Sergei Bulgakov's prerevolutionary thought // Russian Religious Thought. Edited by Judith Deutsch Kornblatt, Richard F. Gustafson. Univ. of Wisconsin Press, USA, 1996.

20. *Valliere P.* Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov. Orthodox Theology In A New Key. Edinburgh: T&T Clark Ltd., UK, 2000.

References

1. *Bulgakov S.N.* Pervoobraz i obraz // Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. T. 1. Svet nevechernij. SPb.: OOO «INAPRESS», M.: «Iskusstvo», 1999. 416 s.
2. *Bulgakov S.N.* Filosofiya khozyajstva. Tragediya filosofii. Trudy. T. 1. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1993. 590 s.
3. *Vaganova N.A.* Tainstvo, dogmat i antinomiya v sofiologii prot. S. Bulgakova // Vestnik PSTGU. 1: Bogoslovie, Filosofiya. 2013. Vyp. 4 (48). S. 40—51.
4. *Vakhtev I.YU.* Filosofiya khozyajstva S.N. Bulgakova i modernizatsiya ehkonomiki // Novainfa.ru. 2016. № 50. S. 1—5.
5. *Kabanova N.G.* EHvolyutsiya predstavlenij o kul'ture i tsivilizatsii v period stanovleniya S.N. Bulgakova kak religioznogo filosofa // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4 (258). Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 23. S. 136—139.
6. *Kataeva V.I.* Sotsial'noe proektirovanie. M.: RGSU, 2011. 272 s.
7. *Majdanskaya I.A.* Russkie filosofy o printsipakh gumanizatsii chelovecheskogo bytiya // Nauchnyj rezul'tat. Ser. «Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya». 2015. T. 1. № 4 (6). S. 45—50.
8. *Matveeva N.YU.* Analiz tsennostnogo sodержaniya sotsial'nykh idej v tvorchestve S.N. Bulgakova // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 9. S. 114—122.
9. *Matveeva N.YU.* S.N. Bulgakov kak sotsiolog. M.: Infra-M. 2011. 100 s.
10. *Mikeshina L.A.* Sovremennye temy v filosofii nauki S.N. Bulgakova // EHpistemologiya i filosofiya nauki. 2010. T. XXIV. № 2. S. 179—185.
11. *Petrov A.V.* Sotsiokul'turnye kommunikatsii v kontekste global'nykh ehkonomicheskikh transformatsij // Sovremennye problemy sotsiologii. Sb. nauch. tr. / Pod red. R.A. Kostina, S.I. Boyarkinoj. SPb.: Izd-vo SPbGUSEH, 2011. S. 15—22.
12. *Petrov A.V.* CHelovecheskij kapital i otnoshenie k trudu kak osnovnoj resurs ehkonomicheskogo razvitiya v usloviyakh global'nykh transformatsij // Desyatye Kovalevskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii 13—15 noyabrya 2015 g. / Otv. red. YU.V. Asochakov. SPb.: Skifiya-print, 2015. S. 593—595.

13. Tebiev B.K. Sergej Nikolaevich Bulgakov (1871—1944) // *Экономический журнал*. 2014. Т. 36. № 4. С. 80—88.

14. КИроюки КИ. Был ли «социализм» идеалом свыашхенника Sergeya Bulgakova v pervom desyatiletii XX veka // *Vestnik PSTGU. 1: Bogoslovie, Filosofiya*. 2016. Vyp. 2 (64). С. 57—72.

15. *Экономическая социология: теория и история* / Pod red. YU.V. Veselova i A.L. Kashina. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. 760 s.

Г.В. ЗАДОРЖНЫЙ

Уномика и глобалистика как оконеченные судьбоносные науки о личности и хозяйстве*

Аннотация. Рассматривается новое фундаментально-человечное спасительное мировоззрение, в основании которого лежит формирующаяся новая человекомерная фундаментальная наука — уномика. Показывается, что уномика развертывается посредством духовно-ценностного мышления в глобалистику, которая предстает как высшая судьбоносная интегральная человекомерная наука. Ее предмет состоит в выявлении и обосновании смысло-благо-несущих оснований жизнедеятельности человечества как духовно-спасительной свободно-ответственной планетарной общины ради жизнесохранения.

Ключевые слова: уномика, глобалистика, уном человечности, личность, духовно-био-социальная природа человека, свобода-ответственность, духовно-нравственная константа антропного принципа.

Abstract. A new fundamental humane saving worldview is considered, based on the emerging new human-scale fundamental science — unomics. It is shown that the unomy unfolds through the spiritual-value thinking in the globalistics, which appears as the highest fateful integral human-dimension science. Its object is to identify and substantiate the

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Задорожный Г.В. Уномика и глобалистика как оконеченные судьбоносные науки о личности и хозяйстве // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 61—70.

meaning-good-bearing foundations of humanity's vital activity as a spiritually-saving, free-responsible planetary community for the sake of survival.

Keywords: unom, globalism, unicity of humanity, personality, spiritual-bio-social nature of man, freedom-responsibility, spiritual-moral constant of the anthropic principle.

УДК 330.1
ББК 65.5

Поскольку человеку присущ вполне определенный уном, как контражность генома и мемона, и этот уном соразмерен и рекуррентен жизненному пути человека, постольку и в творениях человеческих уном концентрируется, воспроизводится и выражается.

В.Н. Тарасевич

Глобалистика выглядит судьбоносной дисциплиной, и мир будет таким, каким будет глобалистика.

М.И. Чешков

Выход из дрящегося ныне глобального кризиса-лабиринта пока не предвидится, прежде всего потому что, как обосновывали нобелевские лауреаты Морис Алле и Амортия Сен, *кризис* имеет *духовную причину*, а духовный мир игнорируется традиционной механико-материалистической наукой уже не одно столетие. Найти и обосновать пути и механизмы выхода из кризиса можно и нужно, лишь кардинально изменив методологию постижения целостной реальности, в которой не просто живет современный человек, но и своими в приоритете неразумными, порой и катастрофичными действиями проявляет свою противочеловечность и интеллектуально безответственно творит антижизненность в естественном природном мире.

Созданный человеком искусственный машинно-техносный мир втянул в себя человека, сначала превратив его в свой придаток, а ныне, вдохновленный разворачивающейся НБИК-конвергенцией, — «выплюнуть» человека из жизни за его ненужностью. Но вместе с тем и жизнь превращается в нежизнь, где основными обитателями этого антижизненного антимира станут *киборги* с самовоспроизводящимся искусственным интеллектом на

небиологическом-голографическом носителе-субстрате. Радетели трансгуманизма пока поют зазывно и даже с явным восторгом свою смыслонепонимающую песню. Поминальную... по человеку. А сам человек, зомбированный вековыми догмами о своей *биосоциальной* природе и *экономической свободе индивида*, отученный критически осмысливать этот зомбизм, отдает себя на откуп создателям искусственного интеллекта, беззаботно «проглатывают» все искусственное как гламурное новопрогрессивное.

Мыслящие, а их явно ничтожное меньшинство даже среди «ученой братии», пытаются «зреть в корень», но, привыкшие барахтаться в тех же вековых *материалистических догматах*, никак не поймут, что, мечтая о новых научных горизонтах, явно забывают о себе как о *человеке*. Они забывают, а порой и не знают то, о чем писали выдающиеся умы далекого и недалекого прошлого, поняв, что, с одной стороны, остается непонятным, что сама наука не имеет научной теории личности, пользующейся хоть каким-то признанием. Незнание человека — сегодня это наиболее сильное незнание в современной науке (В.В. Налимов). С другой стороны, истинная наука (физика) должна включить всестороннего человека в цельное представление о мире (П. Тейяр де Шарден). А с третьей стороны, судьба субъекта, индивидуальности, личности важнее судеб мира, она выше коллектива, выше диктатуры пролетариата. От личности исходит все великое и прекрасное. Без личности все — карточный домик. Абстракция не может заменить живого человека. Потому ради спасения человека и выживания человечества необходимо переходить в тот формат размышлений, где человеческая *личность* — *верховная святыня* и является *священной и верховной целью в себе* (М.И. Туган-Барановский).

Эти три стороны-ориентира постижения реальности помогают увидеть тот *новый формат смысловых размышлений*, который предоставляет действительную возможность, более того — *вызывает жизненную необходимость* раскрыть истинные врата постижения *человека-личности* в реальности как главного *базового творческого свободно-ответственного субъекта* благоносных для него самого *целостных хозяйственных трансформаций*. Возможно это посредством преодоления догмы о диалектическом мировидении, которое изначально зародилось как вредоносно-умервляющее мировоззрение, игнорирующее *живую* действительность мира и человека. Любые две стороны диалектических умоманипуляций какого-

либо процесса или явления неизбежно оборачиваются их безжизненностью. Отсюда и проистекает тот действительный антижизненный вред, задающийся-обосновывающийся диалектическим мировоззрением материалистов, в котором так «преуспел» марксизм.

Противоречие между сторонами, которое марксизм навязывал как движущую силу развития, на поверку оказалось лишь *манипулятивным средством умерщвления жизни*, а столь разрекламированный *прогресс-развитие* в конечном итоге оборачивался *античеловечностью*. И эта изначально задаваемая умертвленность диалектики как метода познания объясняется прежде всего тем *полнейшим игнорированием наличия духовного мира личности*, который, по сути, восстанавливает *целостность реальности*, оплодотворяет *живое единство* мира.

В этом свете становится очевидным, что *вне духовного мира* никакого истинного постижения синкретичной изначально, целостной реальности быть не может. Грубая, вредоносная диалектика при своем описании *извращает мир*, отвергая его *триипостасность*, которая является *кодом Творения*, ибо сам Творец имеет *триипостасную природу*, которую Он передал всему, Им сотворенному. Односторонняя механико-материалистическая наука со своим господствующим методом материалистической диалектики сама зашла в тупик, а по сути завела человечество в тупик нынешнего глобального кризиса. Выход из этого тупика возможен и необходим посредством метода *триалектики*, который позволяет расшифровать и канализировать *триипостасность человека*, который, как весьма убедительно показали религиозные философы Серебряного века, предстает, прежде всего, как *дух*. Исследовать *человека вне его духовности* — это недопустимая непростительная *ошибка*, которая всегда оборачивается вредоносными последствиями для самого человека. Бездуховная наука — всего лишь *поверхностная волна*, которая не имеет понятия о том, что творится на глубине, в истоках жизни и целостной хозяйственной деятельности человека.

Новая *личностная методология* исходит из признания *триипостасной* — *духовно-био-социальной* природы человека, специфика которого как представителя особого сознательного природного рода определяется *человечностью*, в которой заложена *свобода-ответственность личностного благостного творчества*. Триипостасная природа человека, его человечность отражаются в *уноме* как исходном глубинном коде человеческого жизнеразвертывания и

включают в себя *геном* — собственно биологическое — и *мемон* — собственно культурное, социальное. И поскольку человеку присущ вполне определенный уном как контражность генома и мемона, и этот уном соразмерен и рекуррентен жизненному пути человека, постольку и в творениях человеческих уном концентрируется, воспроизводится и выражается (В.Н. Тарасевич).

Но в этом общем утверждении о соразмерности и рекуррентности унома *жизненному пути человека*, нам представляется, необходимо выделить *две стадии развертывания унома*. Первая стадия охватывает процесс развертывания унома от момента зачатия через физическое рождение до момента второго духовного рождения, когда сформировалась личность человека как всестороннее проявление его нравственной ответственности в поступке. Вторая стадия начинается с момента жизнедеятельности человека как сформированной личности, критерием чего является проявление в каждом поступке личности своей свободы-ответственности как специфического качества, когда налицо жизнедеятельность человека как вполне человека.

Именно *вполне человек* обладает качеством человечности, реализующейся в нанесении вреда ближнему, понятие которого позволяет соотнести с собой всех людей в самой *человеческой сущности*. Ближний — это человек как таковой, как *сама ценность личности* вне всякого соотношения с той или иной общностью или обществом, когда принимается во внимание лишь *само человеческое начало*, носителем которого является как всякий «другой» человек, так и «я» сам (Кароль Вайтыла). В этом плане можно говорить, что понятие «ближний» есть выражение, за которым скрывается *человечность как уном*, присущий каждому из людей. Но сам потенциал унома-человечности в полной мере каждый раз раскрывается-реализуется лишь в *поступке личности*, в котором свобода-ответственность за(при)дает *нравственный смысл* и наполнение.

Поступок личности свидетельствует, с одной стороны, что личность внутренне духовна, нравственно свободна, ибо самостоятельно, исходя из своих внутренних ценностей и мотивов выбирает вектор и коридор своих решений-действий; с другой стороны, что эта внутренняя духовно-нравственная свобода заключает в себе *нравственную ответственность*, которая сочетается с тихим голосом *со-Вести* как вести о внутренней человечности каждой личности. Тем самым мы можем утверждать, что разговоры о свободе в

отрыве от ответственности — это искажение глубинного понимания человека, непонимание того внутреннего *кода-унома*, который соотносится с *истинной человечностью*.

Уном предопределяет жизнеутверждающее и развертывающее восходящее живое движение к поступку, в котором всегда представлена триипостасность духовно-био-социальной внутренней природы человека. *Уном* — *предначальное* свойство-качество человечности, которое потенциально исходно задает специфику человека как особого сознательного биологического рода, у которого ценности жизнеутверждения развертываются в целостную хозяйственную жизнедеятельность через самопостижение и самореализацию своего свободно-ответственного поступка-творчества.

В *уном* каждого человека потенциально заложена *духовно-нравственная константа антропного принципа*, которая не просто определяет его физические константы, но изначально задает человеку его фундаментально специфическое основание-свойство-качество — человечность. Она проявляется-наследуется в коллективном бессознательном — *архетипе «свобода — ответственность»*.

Уном характеризует именно то основание-качество, которое позволяет живому существу становиться *человеком*. Упрощенно говоря, это можно объяснить тем, что ни одна обезьяна, вовлеченная в процесс «общения» и «научения», так и не стала человеком. Такое, казалось бы, весьма примитивное понимание явно и доказательно свидетельствует, что в человеке духовная ипостась его природы определяет его человечность, которая не присуща ни одному живому виду. По сути человечность есть процесс реализации-развертывания духовно-нравственной, всеопределяющей жизни константы антропного принципа.

Заложенный в информационно-волновое *поле зачатия* человека исходно-фундаментальный *код человечности* представляет *уном* — потенциальное *универс-качество* жизненного процесса развертывания личности из оплодотворенной яйцеклетки. Это развертывание достигает своей высшей формы в каждом поступке личности, когда ее самореализация обретает личностное качество свободы-ответственности, которая есть выражение *со-Вести* человека.

Уном заключает и отсвечивает в себе *геном* — собственно биологическое — и *мемон* — собственно культурное, социальное в

жизнеотправлении человека-личности, который имеет триипостасную духовно-био-социальную природу.

Уномика — новая судьбоносная наука о человечности, которая имеет своей целью исследовать и обосновывать *благостный формат жизнедеятельности-поступка* личности-микрокосма, исходя из понимания-развертывания синкретичной размерности ценностно-смыслового Универсума (макрокосма).

Уномика является человекомерной наукой о самореализации целостной личности в своем свободно-ответственном поступке, который отражает-творит единичную ситуацию жизнедействия.

Уномика как фундаментальная наука о самопостижении и самореализации личности становится основанием познания универсумно-глобальной действительности в координатах *ценностной рациональности*, которая призвана задавать целерациональность для преобразования-трансформации мира жизнедеятельности человечества как духовно-смыслового единства субъектов хозяйствования.

В этом плане уномика трансформируется в *глобалистику* как судьбоносную *интегральную человекомерную науку*, предмет которой заключается в выявлении и обосновании *смысло-благо-несущих оснований* жизнедеятельности человечества как духовно-спасительной свободно-ответственной планетарной общины (собора) жизнесохранения, а не простой суммативной совокупности «делков», стремящейся к торговле и конкуренции как глобальным процессам присвоения наращиваемой прибыли.

Глобалистика требует духовно-нравственного формата смыслопостижения выживания человечества, который должен фиксировать новое понимание развития современного мирового хозяйства как человекомерного комплекса.

Глобалистика изучает *продуктивные целостные практики человека-личности*, призванные свободно-ответственно творить глобальный хозяйственный мир ради спасения и выживания человечества.

Это есть самая общая формулировка предмета *глобалистики*, но именно в ней «схвачена» суть актуальной потребности-деятельности для дальнейшей жизнеутверждающей судьбы человечества. Если же глобалистику сводить лишь к техно-экономическому ракурсу (ресурсу) рассмотрения жизнедеятельности человеческого сообщества, то истинный смысл глобального хозяйствотворения неизбежно теряется, искажается, ибо односторон-

ность всегда чревата разрывом, распадом, умерщвлением живого органичного единства бытия. Поэтому-то и сама глобалистика уже не собственно наука в традиционном понимании, но нечто намного большее и сущностнее в миропостижительном значении и практическом хозяйственном жизнетворении.

Основная специфика формирующейся глобалистики как понимание целостной сферы глобальной реальности — действительности — мирового хозяйства — состоит не в самой ее *научности*, а в *мудрости* жизнетворения. Без мудрости невозможно говорить о гармоничности, счастье и процветании. Поскольку же мудрость, мудролюбие предстают философским осмыслением жизни, то вполне закономерно, что главной метаметодологией глобалистики как постижения целостного глобального мира является философия хозяйства, предметное, методологическое и смысловое пространство которой предстает как динамическая иерархия, образуемая общением трех миров: «экономика — жизнь (хозяйство) — мудрость».

При этом базисным феноменом в неолиберальной парадигме науки является экономика. Но глобальный кризис во многом развивается из такой господствующей тенденции, когда финансово-интеллектуальная власть стремится к всеобщему господству над человеком и обществом. Но жизнь четко диктует, что для своего самосохранения господство экономики является вредоносным основанием-фактором кризисной действительности. Жизнь и ее сохранение требуют от человека/человечества мудрости как господства духовной власти. Уномика и глобалистика могут размышляющему человеку подсказать мудрые решения и действия для выживания человечества.

В коридоре мудрости «глобалистика выглядит судьбоносной дисциплиной, и мир будет таким, каким будет глобалистика» (М.И. Чешков). Но для глубинно-всестороннего формирования и понимания глобалистики как судьбоносной науки этого тезиса совершенно недостаточно, ибо сама глобалистика будет такой, какой ее создает человек-личность, обладающий целостным человеческим мировоззрением. Поэтому ценностно и целенаправленно размышлять о глобальности и глобалистике необходимо в благостном человеческом формате, где человек не вмененно-упрощенно, схематично-манипулятивно воспринимается как средство, пусть даже интеллектуальное, наращивания прибыли и капитала, но как высшая цель

(само)развития, являясь *творчески-ответственным ядром человекомерного комплекса* — хозяйства: будь то семья, ее хозяйство, фирма или мировое хозяйство. Понять это возможно, если *уномика* вооружит человека, желающего жить, знаниями его *внутреннего духовного мира*, в котором находятся *сакральные коды и ключи жизнеутверждающего спасения* человека/человечества от апокалиптического кризиса-лабиринта глобализма [1, 4].

Уномика и глобалистика представляют собой оконеченные судьбоносные видения-понимания формирующейся целостной науки о личности и хозяйстве в современном глобальном мире. Уномика и глобалистика являются двумя взаимопереходящими и взаимопроницаемыми основаниями-сторонами *единого цельного — университетского — знания* о единой живой реальности. Между уномикой и глобалистикой не просто находятся все специальные науки, но и, образно говоря, простирается единая многоуровневая смыслопонимательная сфера (по)знания, которая (при)открывается мыслящему человеку, томимому духовной жаждой постижения себя и мира, себя в мире.

Уномика как наука о наиболее глубинных смыслах жизнедеятельности человека, вслед за генетикой, открывшей содержание генома человека, становится наукой о расшифровке божественных чертежей Творения, прежде всего человека. Исходя не просто из признания существования духовного мира (сознаниевого, информационно-волнового, голографического), возникшая ныне уномика ставит своей главной целью исследование человечности реальности, эволюция которой осуществляется не просто в рамках физических констант антропного принципа, но самореализуется посредством всеобще исходно-заложенной духовно-нравственной константы антропного принципа. Такая константа предопределяла размерность физических констант, благодаря чему были сотворены условия для жизни и человека как высшей точки (формы) эволюции.

Современный этап развертывания эволюции сопряжен с процессами глобализации, суть которой определяется тем, что человеческое сознание становится новым предметом труда. И весьма важно, как будет использоваться-развиваться человеческое сознание: во благо или во зло человеку. Глобалистика как судьбоносная для человечества наука должна наполняться духовно-нравственными ценностями, открывать возможность человеку кардинально изменить свое сознание, перейти в формат постижения-реализации ценност-

ной рациональности. Уномика именно и призвана вооружить знаниями *чело-вечных* ценностей, которые человечеству исходно задают размерность жизнеутверждения и самоспасения человека.

Литература

1. *Задорожный Г.В.* Глобалистика — междисциплинарная человекомерная наука о развитии современного мирового хозяйства // Сучасні тренди трансформації світового господарства: Збірник наукових праць викладачів і студентів. Харків: Точка, 2014.

References

1. *Zadorozhnyj G.V.* Globalistika — mezhdistsiplinarnaya chelovekomernaya nauka o razvitii sovremennogo mirovogo khozyajstva // Suchasni trenди transformatsii svitovogo gospodarstva: Zbirnik naukovikh prats' vkladachiv i studentiv. KHarkiv: Tochka, 2014.

М.Г. ДЕМИНА, В.С. КРАВЧЕНКО, О.Р. ЧЕПЬЮК

От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации*

Аннотация. С помощью инструментария социальной философии и философии хозяйства показывается, каким образом эмоции стали неотъемлемой частью товарного предложения, и более того — конечной целью потребления. «Эмоциональный прагматизм» креативной экономики проявляет себя в тотальной визуализации, в том числе и тех, что относятся к области сознания. Эта наглядность является необходимым для онтологизации происходящих процессов,

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Демина М.Г., Кравченко В.С., Чепьюк О.Р. От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 70—79.

для утверждения экономической реальности, центральным элементом которой является субъект-потребитель. В свете трансгуманизма, оправдывающего любые улучшения когнитивных, эмоциональных, социальных качеств человека, эмоциональный модус экономического субъекта становится технологически детерминированным «качеством реакции» на внешние раздражители. Такая трактовка открывает двери для дальнейшего развития нейроэкономики и эстетического капитализма. В них субъект, принимающий хозяйственные решения, из идеального рационального субъекта (экономикс) превращается в «машину», чьи реакции предсказуемы и автоматизированы, и даже кантовские эстетические суждения обращаются для него в детерминированные экономическими условиями.

Ключевые слова: экономический субъект, философия хозяйства, экономика эмоций, капитализм, экономическая коммуникация, креативная экономика, глобальная культура.

Abstract. Emotions have become not only a mechanism for influencing the consumer (marketing and advertising), but also the ultimate goal of consumption. «Emotional pragmatism» of the creative economy manifests itself in total visualization, including those that belong to the field of consciousness. This visibility is necessary for the ontologization of the economy, for the establishment of an economic reality with the consumer in its center. In the light of transhumanism, which justifies any "improvement" in the cognitive, emotional, social qualities of a person, the emotional mode of an economic subject becomes a technologically determined "quality of reaction" to external stimuli. This interpretation enables the further development of neuroeconomics and esthetic capitalism. An ideal rational Homo oeconomicus turns into a "machine" whose reactions are predictable and automated, and even Kant's aesthetic judgments are addressed to him in context of deterministic economic conditions.

Keywords: economic subject, philosophy of economy, economy of emotions, capitalism, economic communication, creative economy, global culture.

УДК 101.1::316
ББК 87.6

Монетизация культуры в современном обществе происходит со стремительной скоростью, охватывая все новые аспекты творческой деятельности человека. По оценкам международных организаций, так называемая «креативная экономика», родившаяся как результат взаимодействия культуры и экономики [11, 16—18], в динамике и растущих масштабах международной торговли, превосходит все другие отрасли. Она обеспечивает даже слабо развитые страны 5%-ым ростом валового внутреннего продукта [13], предоставляет рабочие места уже 1% населения Земли [14, 15]. «Креативная экономика» определяется как «целостная концепция взаимодействия между культурой, экономикой и технологиями в современном глобализованном мире, в котором преобладают символы, тексты, звуки и изображения» [10, 8]. Эта развернутая трактовка соответствует постмодернистской концепции «мира как текста» (Ж. Деррида): и не случайно Ф. Джеймисон еще в 1984 г. в своей программной публикации называет весь постмодернизм «культурной логикой позднего капитализма» [12]. Эстетические суждения, все то «прекрасное», удовольствие от которого И. Кант называл единственно «незаинтересованным» и «свободным удовольствием»² [5, 210], т. е. не связанным с конкретными потребностями человека, так или иначе обретают экономическое измерение.

Изначально эмоции в экономическом контексте рассматривались как способ дополнительного воздействия на когнитивные механизмы принятия потребительских решений. Эмоциональные переживания потребителя, которые не брались в расчет в отношении рационального субъекта («человек» в парадигмы У. Меклинга, RREEMM [16]), стали основным инструментом маркетинга, привели к развернутым теориям брендинга, продвижения и рекламы. В этом направлении развивалась вся индустрия рекламы. Она эволюционировала от рациональных сообщений, «предлагавших» потенциальному читателю лишь «объективизированную информацию, к манипулятивным технологиям воздействия на подсознание, использующим изощреннейшие способы ритмической, гармониче-

² И. Кант пишет: «Можно сказать, что из всех этих трех видов удовольствия (“приятное, прекрасное, доброе”. — *О.Ч.*) единственно лишь удовольствие от прекрасного есть незаинтересованное и свободное удовольствие, так как здесь никакой интерес — ни интерес [внешних] чувств, ни интерес разума — не нуждается [у нас] одобрения» [5, 210].

ской, цветовой, интонационной, визуальной, структурно-композиционной, обонятельной, осязательной, галлюциногенной и пр. суггестии» [7].

Однако эмоциональное воздействие на субъекта-потребителя не исчерпывает современного прагматического подхода к статусу эмоции как деятельностного модуса человека в системе экономических отношений. Эмоции стали неотъемлемой частью товарного предложения, и более того — конечной целью потребления. Максимизация удовольствия, жизнь, доведенная «до предела», которая «все ближе к точке невозврата» (Р. Джеймс), не только «укладывается» в теорию максимизации полезности. Процессы, наблюдаемые в пространстве культуры и экономики, ставят под сомнение перспективы философии акселерационизма (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Внутренние противоречия капиталистической экономики и волны экономических кризисов регулярно раздвигают границы мыслимого и допустимого, обновляя отрицательные экономические рекорды. Привычными становятся не только растущий глобальный долг [3], виртуальный по своей сути, но и усугубляющаяся проблема бедности, или Большое тихоокеанское мусорное пятно, которое предлагают признать отдельным государством [1]. Все это подкрепляется апокалиптическими настроениями в киноискусстве и литературе: обычным и прибыльным бизнесом стали изображения катаклизмов, катастроф, многочисленных сценариев «конца света».

Можно выделить несколько ключевых аспектов, которые не только характеризуют процессы, происходящие в границах экономики эмоций, но и «роднят» их с глобальной культурой постмодернизма. Во-первых, следует отметить изменяющееся отношение к самому труду. Как справедливо отмечает американский исследователь культуры С. Шавиро, труд и субъективность в этой ситуации становятся частью (компонентом) капиталистического производства, вследствие чего появляются такие понятия, как «человеческий капитал», «социальный капитал» [17], также вошедшие в практику «ресурсы культуры», «интеллектуальные ресурсы», «культурный бренд», «бренд территории» и пр. Мы видим, что в обществе изменилось отношение к творчеству как одному из аспектов трудовой деятельности человека: оно заменяется «креативностью». В отличие от творческого акта, креативность автора направлена на создание «продукта» (товара, услуги), обладающего потребительской ценностью и имеющего сравнимые (сопоставимые) отличия. Это

различие должно быть установлено в измеримых параметрах, и не всегда связано с оригинальностью и самобытностью. Креативность — способность человека к компиляции, поиску необычных и нестандартных комбинаций, как правило, уже созданных кем-то элементов (произведений). Связь между «творческим произведением» и его «создателем» была почти сакральной. В свою очередь, креативность, как справедливо отмечается другими исследователями культурных аспектов постмодернизма [1, 61; 8], далека от акта Божественного творения и, скорее, связана с личной потребностью к самореализации [4, 222—226]. «Креативность» и «автор» логически соединяются правовым механизмом собственности: креативность есть компетенция, позволяющая автору создавать произведение, которое является результатом его интеллектуальной деятельности и становится его личным активом (имуществом) с момента создания (авторское право) или соответствующей регистрации (ноу-хау, промышленная собственность). В современной глобальной экономической культуре, если писатель теперь и не автор (Р. Барт) и с нами говорит не он, а «язык» (С. Малларме), он, как минимум, собственник, чье произведение может приносить доход.

Эмоции отождествляются с некоторыми символическими образами, рожденными визуальным пространством. «Эмоциональный прагматизм» современной экономики проявляет себя в тотальной визуализации (т. е. плоскостном, двухмерном изображении) любых феноменов, в том числе и тех, что относятся к области сознания. Сюда можно отнести не только эпистемологические особенности экономики, в которой для исследования сложных явлений по-прежнему применяется упрощенный язык — цифр и сопоставимых категорий, но и свойства современной материальной продукции. В условиях перепроизводства в этом «обществе изобилия» (Дж.К. Гэлбрейт), где мало времени и много вариантов выбора, продукция и люди должны быть «сопоставимы» (как по цене, или по заработной плате, так и по характеристикам, или компетенциям), сразу привлекать внимание (бренд товара и личный бренд), а все скрытые смыслы выведены наружу (быть упакованными). Визуальное восприятие процессов существенно облегчает проблему выбора, одновременно обесценивая качество, внутреннее содержание, лишая человека возможности «культурного созерцания» (И.А. Ильин). В этой связи кино как «грубое искусство с очень большой силой воздействия и с простым механизмом» [0], а следом и вся ви-

деопродукция не только становятся локомотивами продаж, но и органично связывают современную культуру и экономику.

Экономическая социальность, основанная на визуализированном мышлении, порождена специфической экономической культурой и не позволяет сконцентрироваться на человеке. Например, современный визуализированный образ ученого — это Альберт Эйнштейн. Его знаменитый фотопортрет, где он показывает язык (1951 г., автор — А. Сассе), давно разошелся по футболкам и разнообразной сувенирной продукции. Для «интеллектуалов» подойдет образ Сократа, для архитекторов — статуя Давида Микеланджело, символом художника стал автопортрет Сальвадора Дали. Нарочитый символизм, контрастность презентации являются необходимыми условиями продажи и вносят в повседневность отчетливый императив: контраст между телом и образом.

Как отмечает Ф. Джеймисон, «эстетическое производство сегодня встроилось в товарное производство в целом» [12]. Нарождающийся из креативности *эстетический капитализм* предлагает вполне конкретные продукты для получения эмоционального переживания. Речь идет не столько о рекламе, привлекающей внимание, или вещах, дающих статусы (Ж. Бодрийяр), сколько об опредмечивании эмоциональной жизни человека, возможности прожить «эмоции» через доступные процессы «обладания», «приобретения», «использования». Так, например, чтобы почувствовать себя счастливым, предлагается датский стиль жизни «хюгге». Этот культурный феномен воссоздания атмосферы датского уюта описывается как «приятные и высоко ценимые повседневные ощущения безопасности, равенства, личной целостности и спонтанного социального потока» [15]. В пространстве экономики «хюгге» превратилось в поток определенной товарной продукции — для хобби, домашнего быта, кулинарии, которая имеет определенную стоимость и входит в соответствующие списки и инструкции. Сюда же относятся растущая в объемах индустрия праздников и выходного дня, готовых решений для хобби и жизни на природе и множество других «креативных индустрий» или направлений для создания «бизнеса в стиле фанк» [6].

Смысловым стержнем экономических отношений становится коммуникация: акцент смещается с результатов (удовлетворение голода, решение проблемы безопасности) на процесс (уютная домашняя жизнь, простое и яркое хобби, «удобное» и «безопасное»

нахождение на природе). Это, в свою очередь, ведет к легитимации экономики как бытийно оправданного пространства для «второго рождения» человека, его квази-духовного становления [9]. Манипулятивная сущность такой подмены может быть скрыта и воспроизводится с помощью массового повторения одних и тех же социокультурных стереотипов. Здесь по-новому звучат рассуждения о «социально-ориентированной экономике», которые на практике скрывают ее суровую антисоциальность и квазигуманизм.

Экспликация эмоций и соответственно анализ, рефлексия переходят в сферу виртуального, в социальные сети, в мир «неявной социальности». Пользователь, сидящий у экрана компьютера, может быть спокойным в психологическом и физиологическом планах, зато его виртуальное «альтер эго» в тот же момент в состоянии переживать различные человеческие страсти. Априорная *презентационность* эмоционального самовыражения перерастает в *претенциозность* форм и способов его экспликации: апокалиптические ощущения «последнего дня», вселенский масштаб переживаний утраты гаджета, другими словами, «буря в стакане воды», — все это становится полем для эмоциональной самотождественности экономического субъекта.

Если трансгуманизм, проникающий в область биомедицины, оправдывает свое существование «производственной» необходимостью, с возможностью улучшения когнитивных, эмоциональных, вообще — социальных качеств человека, то исследуемый эмоциональный модус экономического субъекта можно воспринимать не как следствие мутации сознания, а как технологически детерминированное «качество реакции» на внешние раздражители. Такая трактовка открывает двери для дальнейшего развития нейроэкономики. В них субъект, принимающий хозяйственные решения, из идеального рационального субъекта (экономикс) превращается в «машину», чьи реакции предсказуемы и автоматизированы, и даже кантовские эстетические суждения обращаются для него в детерминированные экономическими условиями.

В области психологии искусства выделяются три основных сферы познания: восприятие, чувство, воображение (Л.С. Выготский). В пространстве «креативной экономики» восприятие — визуальное и плоскостное, чувства — сведены к конкретным эмоциям, программируемым на принципах «импульс — реакция», а воображение — креативно и глобально. Наглядность эконо-

мических процессов становится необходимым, существенным элементом для онтологизации экономики, формирования новой экономической реальности. Здесь искусство как область человеческой деятельности, которое изначально имело целью достижение полноты бытия (через соизмерение человека с идеалом, поиск гармоничного существования) производит новые ресурсы для акселерации производственных процессов, для удержания нормы прибыли, которая имеет тенденцию к понижению (К. Маркс). Перспективы развития креативных индустрий связаны не с расширением географии, а лежат в области изменения структуры потребления: они обращены к эмоциональной стороне человеческой жизни, которая «включается» в экономические процессы. И стоит задаться вопросом: не находимся ли мы на пороге, когда эта растущая экономика потребления приступит к потреблению самого человека?

Литература

1. *Барينو А.* Тихоокеанское мусорное пятно предлагают признать государством // National Geographic. Россия. [20.09.2017]: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/1135224-tikhookeanskoe-musornoe-pyatno-predlagayut-priznat-gosudarstvom/> (дата обращения: 15.04.2018).
2. *Беляева Е.В.* Нравственные ценности эпохи постмодерна // Философия и социальные науки. 2010. № 1. С. 60—64.
3. Бродский В. Грубое искусство в опасной зоне // Эксперт. 2017. № 24 (565): [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2007/24/selyanov/> (дата обращения: 15.04.2018).
3. Долговая проблема как феномен XXI века: монография / Под ред. А.А. Пороховского. Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Макс Пресс, 2014. 288 с.
4. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia; Наука, 1998. 640 с.
5. *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. М.: «Мысль», 1966. 564 с. С. 161—529.
6. *Нордстрем К.* Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие / Кьел Нордстрем, Йонас Риддерстрале; пер.с англ. [Кристоф Вагнер]; Стокгольмская школа экономики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. 328 с.

7. *Фортуатов А.Н.* Ритмическая организация телевизионных новостей как этико-смысловая проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2008. № 2. С. 238—242.

8. *Хусяинов Т.М.* Тенденции геймификации и креативизации в трудовых отношениях эпохи постмодерна // Философия хозяйства, 2017. № 2. С. 93—105.

9. *Чепьюк О.Р.* Информационно-коммуникативные истоки стагнирующей экономики / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортуатов // Ценности и смыслы. 2016. № 3 (43). С. 112—119.

10. Creative Economy Report 2008: The challenge of assessing the creative economy towards informed policy-making. 2008. 333 p.: [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

11. *Cunningham S., Banks J., Potts J.* Cultural economy: The shape of the field // In The Cultural Economy. The Cultures and Globalization Series 2 / Н. Anheier and Y.R. Isar (eds.). London: SAGE Publications. 2008. 661 p. P. 15—26.

12. *Jameson F.* Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Duke University Press, 1991. 438 p.

13. *Isar Y.R.* Creative Economy Report: Widening Local Development Pathways. 2013. 186 p.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf> (дата обращения: 13.04.2018).

14. *Lhermitte M. Blanc S. Perrin B.* Cultural times. The first global map of cultural and creative industries. [E-publication]. Ernst and Young. [December, 2015]. 120 p.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/%24FILE/ey-cultural-times-2015.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

15. *Linnert J.T.* Interweavings: A cultural phenomenology of everyday consumption and social atmosphere within Danish middle-class families: дис. — Syddansk Universitet. Det Samfundsvidenskabelige Fakultet, 2010. 296 p.

16. *Meckling W.H.* et al. Values and the Choice of the Model of the Individual in the Social Sciences // Swiss Journal of Economics and Statistics (SJES). 1976. Т. 112. № IV. P. 545—560.

17. *Shaviro S.* Accelerationist Aesthetics: Necessary Inefficiency in Times of Real Subsumption // e-flux 46, 2013: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-flux.com/journal/46/60070/accelerationist-aesthetics-necessary-inefficiency-in-times-of-real-subsumption/>.

References

1. *Barinova A.* Tikhookeanskoe musornoe pyatno predlagayut priznat' gosudarstvom // National Geographic. Rossiya. [20.09.2017]: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/1135224-tikhookeanskoe-musornoe-pyatno-predlagayut-priznat-gosudarstvom/> (data obrashheniya: 15.04.2018).
2. *Belyaeva E.V.* Nravstvennyye tsennosti ehpokhi postmoderna // *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2010. № 1. S. 60—64.
3. *Brodskij V.* Gruboe iskusstvo v opasnoj zone // *EHkspert*. 2017. № 24 (565): [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://expert.ru/expert/2007/24/selyanov/> (data obrashheniya: 15.04.2018).
4. *Dolgovaya problema kak fenomen XXI veka: monografiya / Pod red. A.A. Porokhovskogo; ehkonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. M.: Maks Press, 2014. 288 s.*
5. *Inozemtsev V.L.* Za predelami ehkonomicheskogo obshhestva: postindustrial'nye teorii i postehkonomicheskie tendentsii v sovremen-nom mire. M.: Academia; Nauka, 1998. 640 s.
6. *Kant I.* Kritika sposobnosti suzhdeniya // *Kant I. Soch. v 6 t. T. 5. M.: «Mysl'», 1966. 564 s. S. 161—529.*
7. *Nordstrem K.* Biznes v stile fank navsegda: Kapitalizm v udovol'stvie / K'el Nordstrem, Jonas Ridderstrale; per.s angl. [Kristof Vagner]; *Stokgol'mskaya shkola ehkonomiki. M.: Mann, Ivanov i Fer-ber, 2008. 328 s.*
8. *Fortunatov A.N.* Ritmicheskaya organizatsiya televizionnykh novostej kak ehtiko-smyslovaya problema // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. N. Novgorod, 2008. № 2. S. 238—242.*
9. *KHusyainov T.M.* Tendentsii gejmifikatsii i kreativizatsii v tru-dovykh otnosheniyakh ehpokhi postmoderna // *Filosofiya khozyajstva, 2017. №2. S. 93—105.*
10. *CHep'yuk O.R.* Informatsionno-kommunikativnye istoki stag-niruyushhej ehkonomiki / O.R. CHep'yuk, A.N. Fortunatov // *TSennosti i smysly. 2016. №3 (43). S. 112—119.*

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.И. СЕЛИВАНОВ, С.Н. СИЛЬВЕСТРОВ, В.Г. СТАРОВОЙТОВ, Д.В. ТРОШИН

Новое качество общественного развития как вызов современной эпохи*

Аннотация. Исследуется соотношение понятий «экономический рост», «развитие», «устойчивое развитие». Утверждается, что концепции «экономического роста» и «устойчивого развития» являются устаревшими идейными конструктами Запада. Обосновывается, что на смену этому конструкту должно прийти новое — научное — понимание развития на базе диалектического материализма, вариант которого предлагается в науке и практике Китая, вырвавшегося вперед именно на основе использования этого подхода и концепции стратегического управления как его инструмента, а также постановки национально-патриотических целей.

Ключевые слова: экономический рост, развитие, устойчивое развитие, материалистическая диалектика, цивилизационно-культурный подход, конкурентоспособность, научное обеспечение стратегического управления, целеполагание.

Abstract. The correlation between the concepts of «economic growth», «development», «sustainable development» is investigated. It is argued that the concepts of «economic growth» and «sustainable development» are outdated ideological constructs of the West, which has become uncompetitive on the basis of its spiritual foundations, and this construct should be replaced by a new — scientific — understanding of development on the basis of dialectical materialism, the version of which is proposed in the science and practice of China, which has emerged

*Данная статья подготовлена в рамках исследований по общеуниверситетской комплексной теме Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2018—2020 гг. «Новая парадигма общественного развития в условиях цифровой экономики».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Селиванов А.И., Сильвестров С.Н., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. Новое качество общественного развития как вызов современной эпохи // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 83—103.

forward precisely on the basis of this approach and the concept of strategic management as its tool, setting national-Patriotic goals.

Keywords: economic growth, development, sustainable development, materialistic dialectics, civilizational and cultural approach, competitiveness, scientific support of strategic management, goal setting.

УДК: 330.34 (338.22, 124, 116)
ББК 65в

В течение последних 4—5 лет мировая динамика претерпевает качественные трансформации. На первый взгляд это обусловлено множеством взаимосвязанных причин объективного свойства, пересечением нескольких трендов и разнонаправленной активности множества субъектов. И это действительно так. Речь идет, как минимум, о таких трендах, как:

- разрастание и углубление конфликтов интересов различных держав и деловых кругов в разных регионах планеты (на Ближнем Востоке и Дальнем Востоке, в Восточной Европе и Южной Америке, Юго-Восточной Азии и Африке), в различных отраслях хозяйства (от традиционных, таких как сельское хозяйство, машиностроение, финансовая деятельность, до инновационных, формирующихся в пятом и шестом технологических укладах и связанных с робототехникой, цифровыми новациями, в том числе связанных с возникновением криптовалют), на различных уровнях, включая геополитический и геоэкономический; использование в конфликтах средств манипулирования массовым сознанием и технологий «мягкой силы» в региональном и глобальном масштабах;

- нарушение существующих балансов и углубление старых и новых дисбалансов в экономике, технологиях, социально-экономическом уровне существования различных стран, регионов планеты, слоев и групп населения на планете в целом и в каждой отдельно взятой стране, как следствие — начинающее «полевение» всей мировой динамики, возникновение цивилизационных столкновений, которые, разумеется, нельзя относить к экстремизму и терроризму;

- изменение соотношения личности и общества (и как государства, и как корпоративно-деловых структур, и как гражданского общества) в связи с «оцифровыванием» человеческого бытия, быстрым ростом возможностей систем и технологий искусственного ин-

теллекта, роботизацией целых отраслей производства; высвобождение в связи с этим огромной массы рабочей силы, необходимость решения проблемы занятости этого населения;

- истощение природных ресурсов и одновременное углубление их переработки, появление технологий, качественно расширяющих возможности использования ресурсов;

- различные аспекты динамики биосферы и геосферы Земли в целом, динамика экологических проблем, связанных в первую очередь с утилизацией отходов производства и человеческой жизнедеятельности.

Казалось бы, пересечение этих трендов, столкновение социальных групп и слоев населения планеты, современные и перспективные интересы которых они затронули, являются сущностью происходящего, определяют напряженные ситуации, возникновение неопределенности и турбулентностей, обуславливают попытки различных субъектов решить те или иные проблемы, в том числе за счет других — как сегодня за счет России, Сирии, Ирана, КНДР, Венесуэлы, чуть ранее — СССР, Югославии, Ирака, Ливии, Украины.

Однако указанные и не указанные технологические, социально-экономические и гуманитарные тренды и причины трансформации мировой динамики не вскрывают всей глубины и сущности проблемы, ухватывая лишь ее феноменальную данность и отражая лишь стороны стержневой специфики современной трансформации мировой динамики антропогенного процесса последних десятилетий, особенно заострившегося в последние годы — *изменения фазы и качества процесса развития человечества*. Действительно, фаза развития, в которую вошло человечество, проявляется и характеризуется несколькими взаимосвязанными и потому одновременно происходящими качественными переходами в технологиях, экономике, социальной сфере, демографии, сфере ресурсов. Но речь должна идти о качественном изменении процесса развития человечества, сопоставимом по воздействию на него в эпоху «осевого времени», а также о степени готовности различных стран и культур ответить на эти вызовы нового качества процессуальности. Попытаемся раскрыть связанное с этим поле проблем и расшифровать некоторые загадки современности.

Современность: от парадигм «устойчивого развития» и «экономического роста» к парадигме «нового качества развития»

В середине XX в. человечество в лице его наиболее развитых стран, находясь под общим зонтиком «холодной войны», форсированно развивалось и само разгоняло себя в собственном развитии. Источником и движущей силой развития было противостояние двух наиболее могущественных на тот момент блоков — советского и буржуазного. И вплоть до 1980-х гг. в «развитых странах» не было проблем с мотивами и целями деятельности, с источниками и движущими силами развития, которые к тому же были вполне похожими, как и используемые механизмы. Сама объективная реальность толкала к развитию, а природа была способна обеспечить это развитие необходимыми ресурсами.

Первые симптомы проблематизации развития были зафиксированы в формулировке концепции «пределов роста», которые стали симбиозом научного исследования и идеологических установок «Римского клуба». Были определены всего лишь два аспекта проблемы, связанные с имеющимися на планете ресурсами и экологией. Но это не остановило ни соперничества великих держав, ни технологического и экономического развития. Тем более что наукой постепенно выяснялось, что уровни ресурсных и экологических угроз были завышены и есть способы их преодоления в ходе технологического развития. На этой основе в 1990-е гг. сложилась концепция «устойчивого развития», предполагавшая, что проблемы, создаваемые человечеством в ходе своего развития, гармонично разрешаются естественным (жестко не регулируемым) путем, купируя негативные последствия. Это оправдывало и стимулировало неуправляемую частную инициативу, в том числе активность ТНК, которые вскоре стали экстерриториальными империями, не подконтрольными никакому государству и полностью подчинившими себе по крайней мере одно государство — США. Казалось, теперь оставалось лишь соревноваться в темпах развития, или в форматах национальных экономик в темпах «экономического роста».

Однако возник и второй этап проблем, когда, несмотря на все усилия наиболее развитых стран, темпы роста стали неуклонно снижаться и сегодня достигли столь низких показателей, что стали скрываться и камуфлироваться постоянной эмиссией денежной

массы. Более того, для обеспечения своего функционирования и развития национальные экономики стали постоянно нуждаться в заимствованиях. Это означало, что поддержание функционального состояния и обеспечение развития стоили все дороже и даже ресурсов наиболее развитых стран не хватало для обеспечения развития. Западный мир начал влезать в колоссальные долги, советский же мир — погружаться в омут нараставших проблем бытового потребления, роста дефицита. Мечта о построении справедливого общества солидарного творческого труда уступила место иллюзиям потребительского благоденствия. В итоге советская система разрушилась, а западная, получив в течение 30 лет возможность продержаться за счет поступления награбленного из постсоветских стран (материального, финансового, идеального, человеческого ресурсов), продолжила влезать в долговую яму, размеры которой сегодня просто потрясают воображение и не имеют никаких решений, кроме глобальной войны. Ситуация усугублялась масштабными финансовыми спекуляциями, спровоцированных финансовыми игрищами мировых кризисов, создавая феномен турбулентности и сильной неустойчивости мировой и региональных финансовых и экономических систем.

При этом постсоветская российская либеральная экономика и экономическая наука также сосредоточились исключительно на проблемах «экономического роста», ряда финансовых макроэкономических показателей и отошли от проблемы «социально-экономического и культурного развития». Сегодня понятно, что этот концептуальный выбор был сделан с отставанием на 15—20 лет, когда западная экономика уже исчерпала ресурсы этого этапа развития и встала перед проблемой его трансформации, когда характер мировой динамики уже начал изменяться, не вписываясь в концепцию «устойчивого развития» и «экономического роста». Однако стагнация в развитии российской экономической науки привела к консервации этого устаревшего выбора, и до сих пор частота использования концепта «экономический рост» на несколько порядков превышает использование концепта «экономическое (социально-экономическое) развитие» и в науке, и в практическом регулировании экономики.

Казалось бы, «рост» и «развитие» — всего лишь синонимы, обозначающие один и тот же феномен. Но это совершенно не так. Да, предметные области этих понятий пересекаются, поскольку

рост — это один из результатов функционирования и развития. Однако такой результат может быть как итогом развития, так и результатом, например, экспансии функционирования, экстенсивного использования имеющегося потенциала или новых территорий, расширения потребления ресурсов без качественного развития. При этом о развитии в России и в западном мире практически ничего не говорилось и не говорится по сей день. В концептуальном пространстве образовался вакуум, а среди экономистов не оказалось специалистов по теории и практике развития.

В чем же различия роста и развития? Развитие включает в себя а) качественные изменения трансформирующихся объектов и б) весь причинный комплекс процесса — ресурсы (природные, человеческие, технологические, капитал), механизмы осуществления развития, качество человека как главного двигателя развития, мотивацию его созидательной деятельности, существующие социальные противоречия как источник развития и т. д. Рост же является лишь фиксацией количественного итога процесса и не более. Поэтому рост не дает и не объясняет главного — механизмов и оснований экономических процессов, экономики в целом. Он не отражает качественного содержания результатов функционирования экономики и непосредственно не связан со смыслами и целями общественного существования и развития. И хотя все страны используют механизмы и индикаторы экономического роста, но последний является лишь результатом действия механизмов функционирования и развития и должен рассматриваться именно как таковой и только как таковой.

Кроме того, оказалось, что и «устойчивое развитие» как некая универсальная данность не существует. Мировое развитие в сущности своей предстает в виде множества различных процессов функционирования и развития, многие из которых неустойчивы и сильно неустойчивы, обусловлены множеством нетождественных детерминант. Именно поэтому развитие человечества в целом как интегральный процесс не является и не может являться постоянно устойчивым.

Несколько дополнительных слов о природе процессов развития. Как известно из философии и конкретных социально-гуманитарных наук, естественных наук, междисциплинарных наук (включая синергетику), процесс развития есть результат сочетания комплекса внутренних и внешних детерминантов, а в антропологи-

ческом разрезе — еще и сочетания объективных и субъективных детерминант. Разные мыслители по-разному оценивали их соотношение. Например, известно, что Г. Гегель и К. Маркс были уверены в абсолютном доминировании объективных законов развития, тогда как субъективные идеалисты и их последователи, в том числе позитивисты и др., на разные лады обосновывали значимость субъективного фактора, совершенно отвергая объективные исторические законы, не разобравшись в их существовании, отрицая связанность истории на больших исторических промежутках (например, К.Р. Поппер).

На деле общественное развитие есть симбиоз объективных процессов и закономерностей и субъективной активности. К субъектам развития относятся государства, корпорации, общественные структуры и даже отдельные выдающиеся личности, оказывающие влияние на социальную динамику. Соотносительная степень их влияния различна на разных этапах развития, в разных сообществах. Но понятно, что недопустимо отрицать необходимость и возможность субъекта действовать в рамках объективных процессов развития, активно влияя на них и даже осуществляя их корректировку и конкретизацию, формируя их. Причем та или иная человеческая общность оказывается способной или не способной «оседлать развитие», действовать в нем активно или просто слепо подчиняться объективности.

Теперь выделим некоторые принципиальные тенденции изменения процессов социального развития в современную эпоху.

Первая важнейшая тенденция современности — постоянное возрастание сложности мировой динамики, сложности и неопределенности всех процессов, в том числе собственно процессов развития, естественно, возрастание сложности составов создаваемых новых образований и их взаимодействия как главного эффекта развития.

Поэтому второй важнейшей тенденцией современного общественного развития является необходимость повышения уровня управляемости развития, постоянного роста масштабов усилий, как следствие — усиления роли и потребности участия в управлении развитием наиболее крупных и комплексных социальных образований — государств, а также межгосударственных организованных структур. Без сложных научно насыщенных структур, создание и координация которых возможны лишь при участии государства и

вовлечении широких народных масс, создание эффективных механизмов управления развитием невозможно. Именно поэтому во всем мире под эгидой государства осуществляется создание организационной инфраструктуры для организации коллективной интеллектуальной деятельности по конкретным направлениям и проектам (наиболее эффективные формы решения — институты Госплана и отраслевые институты в СССР, теперь в Китае, наукограды, «кремниевые» долины, корпорация РЭНД, DARPA¹, AHRB², различные центры по направлениям в различных странах) [2; 4 — 8; 14]. Причем эта проблема возникает даже в радикально либеральных странах. Поэтому, например, в одной из работ авторитетного и до недавнего времени либерала Ф. Фукуямы обосновывается необходимость усиления государственных институтов даже в либеральных странах Запада: «...для будущего мирового порядка самое важное — это обучиться построению государства... искусство построения государства будет ключевой составляющей национальной силы, столь же важной, как способность развертывать традиционную военную мощь для поддержания мирового порядка» [15, 199—200].

Еще одна объективная тенденция общественного развития идет в направлении все большего «оцифровывания» общественной жизни в разных отношениях с попыткой перевести решение тех или иных сложных задач и проблем в автоматизированный режим — от замены человека в производственных процессах и ряде функций мышления до расширения биологических возможностей человека или осуществления контроля над человеком. Это создает множество новых перспектив и одновременно новых противоречий, социальных и гуманитарных проблем, проблем обеспечения безопасности [1]. Те культуры и цивилизации, которые найдут более эффективный ответ в решения рождающихся в русле этой тенденции комплекса проблем (от собственно проблем оцифровывания до гуманитарных проблем, связанных с расширением этой практики), будут

¹ Аббревиатура от: Defense Advanced Research Projects Agency (Агентство прорывных оборонных исследовательских проектов).

² Аббревиатура от: Arts&Humanities Research Council (Совет исследований по культуре и гуманитарных исследований) — независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий в социально-гуманитарной сфере.

наиболее конкурентоспособными в ближайшем обозримом будущем.

Наличие этих тенденций трансформации процессов развития человечества есть объективная данность, которую невозможно отвергнуть или опровергнуть, по крайней мере, потому, что ни одному социальному субъекту, ни всей их совокупности остановить эти тенденции не под силу. Сами эти тенденции одновременно ставят задачу повышения сложности и необходимости консолидации усилий человеческих коллективов для решения задач, которые возникают, для ответа на новые вызовы и угрозы, для регулирования и управления процессами развития, которые уже являются прерогативой субъектов — коллективных человеческих образований и систем управления ими. Масштаб проблем и задач выдвигает на первый план национально-государственных субъектов, которые сегодня уже начали жесткое противостояние за управление развитием с корпоративными субъектами, наиболее сильные из которых в виде ТНК и МНК ведут схватку с государственными структурами с целью перехвата управления, обеспечения инициативы с нежеланием принять новое качество развития и стремлением законсервировать рассыпающееся «устойчивое развитие», отводя государству роль статиста «экономического роста». Однако государство должно создавать собственные институты и механизмы развития, которые не способны создать иные субъекты — меньшей мощности и меньшего уровня всеохватности. В противном случае тупики и турбулентности будут серьезно нарастать.

Новое качество мирового развития и различные парадигмы общественного развития: цивилизационный аспект

В связи с «выпадением» из научного поля в России понятия развития при принятии государственных решений у нас принципиально не обращается внимания на то, что механизмы развития и управления развитием не универсальны и в различной степени конкурентоспособны. Поэтому теоретическое осмысление мировой динамики и практическое участие в ней должны быть сильнейшим образом связаны с осмыслением культурно-цивилизационной природы конкретного действующего субъекта.

Культурно-цивилизационная природа субъекта обуславливает разное видение процессуальности, в том числе развития, разное отношение к происходящему, разное реагирование на него и ис-

пользование разных инструментов, разные смыслы, цели, мотивы, разные темпы развития и реагирования на новые условия объективного развития, разное субъектное воздействие на процессы, разные возможности в разные эпохи и условия развития — исходя из своей традиции, своей метафизики развития, наличных материальных, человеческих и духовных ресурсов. Это рождает различные парадигмы развития, желательные и возможные с точки зрения и потенциала той или иной культуры, цивилизации.

Так, западная система пока оказалась слабо способной встроиться в новое качество развития. Ее попытки компенсировать дефицит развития и конкурентоспособности сводятся к использованию таких механизмов, как создание управляемого хаоса в регионах мира, чтобы затормозить развитие конкурентов; широкое использование финансовых «игр», позволяющих удерживаться на плаву за счет эмиссии денежной массы, роста государственного долга, а также финансовых механизмов ограбления целых стран и регионов («экономические убийцы»); использование военно-политических механизмов и санкционного давления; последовательное и динамичное изменение правового и политического пространства для обеспечения работоспособности существующих механизмов; давление на международные организации, включая ООН; а также использование не свойственных капиталистическому Западу механизмов регулирования — активной поддержки со стороны государства (национальные проекты, государственные системы заказов, симметричная система «национализация-приватизация», дотации производителям, рост социальной защищенности своих граждан и т. д.). Однако эти механизмы в основном направлены на снижение конкурентоспособности других стран и культур по принципу «хватать за майку бегущего впереди». Они лишь несколько ослабляют негативные эффекты от внутренней ущербности и неспособности встроиться в новое качество развития. Но, как показывает практика, их недостаточно для обеспечения конкурентоспособности на удаленную перспективу, и Запад начал проигрывать соревнование за будущее. Это вызвало множество резких движений с целью серьезной дестабилизации мировой обстановки для сохранения собственных лидирующих позиций, остановки мирового развития, консервации западно-центрической модели мироустройства, в том числе военными методами.

Ключевым в ответе на вопрос, почему на Западе не говорят о «развитии» как комплексе, не понимают и не хотят понимать этого концепта, не способны его освоить, является тот факт, что механизмы функционирования в виде духовных основ западной цивилизации, основанная на ней система мышления и мотивации, комплекс организационно-правовых решений вообще не включают в себя развитие. Система базируется на субъективно-идеалистических протестантских, позитивистских и прагматических основаниях, которые не способны осмыслить развитие в его сущности и включить его в практику жизни и управления. В этом принципиальная слабость «мощных» стран Запада в понимании и освоении развития. Слабы для осмысления развития и используемые ими альтернативные философии и науке мистические метафики (мистические учения различных религий (христианская апофатика, буддизм, каббала), оккультизм, масонство и т. д.). Вернуться же к более эффективным научно-материалистическим и даже объективно-идеалистическим платформам Запад пока, или уже, не в состоянии.

Главным критерием эффективности и установкой является личный (частный) и корпоративный успех, формами организации — свободный рынок, жесткая конкуренция, ослабление либо отсутствие государственных регуляторов. Они открывают возможности лишь для отбора и массового производства уже существующего нового, существенно слабее обеспечивая сам процесс созидания нового (творчества). Это доказывает, например, то, что кадровое наполнение прорывных отраслей в подавляющем большинстве обеспечивается за счет квалифицированных специалистов из России, Восточной Европы, Индии, теперь Китая. Это обстоятельство обуславливает преимущественно функционирующий характер западных экономических систем, дефицит в них развития, как следствие — лишь тенденцию к пространственному и ресурсному экспансионизму (неоколониализм). Поэтому Англия и США разрабатывают и используют все новые социально-политические, финансово-экономические и военные технологии для усиления своего контроля над территориями, имеющими интересующие их ресурсы, расширения территорий и зон контроля, в том числе в отношении России как ресурсному региону. Геоэкономическая экспансия в пространстве и в разных сферах осуществляется целостным комплексом мероприятий и механизмов с использованием государственных ресурсов ряда стран, ресурсов общественных организаций

(в том числе неправительственных и некоммерческих организаций, неправительственных фондов), возможностей ТНК и МНК, других деловых структур, международных финансовых и банковских структур, международных криминальных сообществ. Эта деятельность осуществляется как в легальном, так и в нелегальном, в том числе теневом и криминальном, поле.

Поэтому во всех странах, кроме Англии и США, западный капитализм и элитарный либерализм резко тормозят развитие этих стран, вымывают из них материальные и человеческие ресурсы, превращая их в полунищие колониально зависимые компрадорские государства. Эта экспансионистская деятельность уже привела к целому ряду негативных последствий в захваченных странах, таким как расхищение ресурсов этих стран, утрата мотивации к творческому труду у населения, гигантская эмиграция в западный мир, развитие иждивенчества и гедонизма в условиях высокого уровня материального обеспечения в экономически развитых странах, разрушение традиционного отношения к семье и продолжению рода, сращивание аппаратов государственного управления с корпорациями и развитие компрадорского корпоративизма и политического коллаборационизма, стремящихся приватизировать функции государства, ведя к фактической ликвидации государственного суверенитета таких стран.

При этом многие страны мира в разных регионах планеты, даже некоторые европейские страны, используют иные комплексы развития. Так, в дальневосточных странах отказались от комплексов развития Запада, как не способных быть организующим и мотивирующим началом их стран (активно развивающиеся страны Дальнего Востока — Япония, Южная и Северная Корея, Китай): например, в Японии активная корпоративная политика и пожизненный найм работника, государственные программы и т. д. В Скандинавских странах — масштабные социальные программы и активная государственная политика. Специфическая политика у Ирана и КНДР, у арабских и южноамериканских стран и т. д.

Особый и принципиальный интерес вызывает политика развития Китая. В те же годы (с начала 1990-х и по сей день) и ровно в тех же условиях, как и у западных стран, при тех же и иных проблемах и кризисах в мире Китай, имея существенно большее количество внутренних проблем, связанных с численностью населения, и будучи в начале этого отрезка пути совершенно отсталой страной,

«вдруг» превратился в мирового лидера, который теперь уже практически на равных разговаривает с США. Может даже создаться впечатление, что развитие происходило в разных «условиях внешней среды». Однако условия, повторим, были примерно одинаковы, а стартовый уровень Запада — был просто несравним со стартовым уровнем Китая. Так в чем же дело? А дело — в понимании необходимости нового качества развития и осмысленном внедрении эффективных научно обоснованных механизмов развития, базирующихся на диалектике.

Базовое, принципиальное положение развития в Китае — строительство нового общества (симбиоза традиционного общества и социализма с китайской спецификой с элементами капитализма) — осуществляется на основе общегосударственной системы стратегического управления, основой которого является пятилетнее планирование. В Китае видна глубокая и всесторонняя проработка концепций и стратегий, базирующихся на патриотизме, народности и стремлении всестороннего развития китайского государства, общества, цивилизации, человека. Примером и квинтэссенцией такого подхода служит доклад Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК в октябре 2017 г. [13]. На основе такого управляемого государством развития в Китае за 25 лет из нищей, полуголодной, отсталой страны построена великая передовая могущественная держава, по темпам роста опережающая все страны мира, включая страны ЕС и США.

Таким образом, не только СССР и другие страны в XX в., но и Китай в XXI в. продемонстрировали, что национально-патриотическая народная демократия и социализм, государственное управление усиливают национальную традицию, мотивируют массы, рывком бросают страну вперед. Более того, на этой платформе Китаю удалось создать новые механизмы управления экономикой, которые С.Ю. Глазьев назвал «интегральным мирохозяйственным укладом», оказавшимся более эффективным, чем советский социализм и западный капитализм [1, 26].

Инструментом построения современного Китая является система научно обоснованного, народно-демократически и патриотически ориентированного стратегического управления. При этом большие фрагменты текста доклада Си Цзиньпина посвящены выводам из научных исследований современных процессов развития. В докладе, в частности, резюмируется, что необходимо «придерживаться новой концепции развития. Развитие — основа и ключ к ре-

шению всех проблем в Китае. Развитие должно осуществляться на научной основе», «необходимо непреклонно рассматривать развитие в качестве наиважнейшей задачи партии в деле управления государством и подъема страны», нужно «претворять в жизнь новую концепцию развития», предусматривающую переход от высоких темпов роста к высококачественному развитию», «замещению старых драйверов развития». Можно лишь сравнить эту установку на исследование развития и глубочайшее понимание развития как сути современной эпохи с глубочайшим непониманием этого и полным отсутствием осмысления феномена развития в России [9, 6—11].

Опыт Китая в современную эпоху, как и СССР в XX в., доказывает в очередной раз эффективность научно обеспеченной диалектико-материалистической платформы в осмыслении и освоении развития, управления им.

Таким образом, если обратиться к анализу мирового опыта, то единственным разумным выводом является следующий: разные цивилизации и культуры дают и дадут разные ответы на вызовы современной эпохи — исходя из своей традиции, своей метафизики развития, наличных материальных и духовных ресурсов. И Россия должна дать свой ответ (что, например, давно и всесторонне исследуется на страницах журнала «Философия хозяйства»). Россия должна выработать собственный комплекс механизмов развития и обеспечения национальной безопасности в новых условиях развития, базирующийся на собственной культурной традиции, научно-материалистической платформе и системе стратегического управления.

Обеспечение развития и национальной безопасности России в условиях нового качества мировой социальной динамики

Итак, развитие и национальная безопасность на данном этапе эволюции человеческого сообщества становятся органически связанными и взаимно обуславливающими данностями: эффективное развитие является условием, основой обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности нации в мировой системе отношений, обеспечение национальной безопасности — залогом продолжения успешного развития. При этом и развитие, и национальная безопасность невозможны без стратегического управления.

На волне идеологического противоборства и доминирования частно-корпоративных и криминальных интересов в России госу-

дарство отказалось от планирования в 1990-е гг., тогда как весь мир все активнее начинал осваивать и совершенствовать рациональные методы управления, развивать методы прогнозирования, планирования, проектирования. Так, именно в 1992 г. (удивительное совпадение!) в Риме прошла первая всемирная конференция по планологии «Плановая технология и плановые институты», доказавшая, в частности, объективный характер и неизбежность формирования единых народно-хозяйственных комплексов и целостных систем планового управления [3, 7]. В России после 20-ти летнего молчания об этом много пишут и пытаются на практике возродить систему государственного стратегического планирования. Однако, отметим, не комплексно и без ядра системы стратегического управления, ее «головы» — системы научного обеспечения в виде группы прикладных институтов (типа НИИ Госплана) и кафедр по научным исследованиям и подготовке научных и управленческих кадров в этой сфере. Сегодня стало понятно, что планирование — лишь один из сегментов современной системы стратегического управления, которая в своей комплексности включает в себя прогноз, цель, проект, программы, планы, контроль (в Малайзии, например, создано и успешно действует в нескольких направлениях на основе проектного управления Агентство по управлению эффективностью и обеспечению результата PEMANDU — Performance Management and Delivery Unit).

Напомним, что ключевой компонент стратегического управления — целеполагание, которое является самостоятельной сложной исследовательско-проектировочной процедурой и отнюдь не группой целей, пришедших в голову каким-либо отдельным людям или группам лиц.

На сегодня самое эффективное целеполагание в Китае. Цель там не просто есть, она ясна, научно обоснована, отчетливо осмыслена, стратегические концепции имеют научно обоснованные «деревья целей», начиная с генеральной цели в различных ее аспектах.

Так, в докладе Си Цзиньпина в разных местах читаем: «Первоначальной целью и миссией китайских коммунистов является борьба за счастье китайского народа и возрождение китайской нации», «построение социализма с китайской спецификой», борьба «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации», реализация «мечты народа о прекрасной жизни», «превращение Китая в модернизированную социалистическую державу,

богатую, могущественную, демократическую, цивилизованную, гармоничную и прекрасную» и т. д. Важно отметить, что на протяжении всего доклада красной нитью проходит мысль, что КПК должна «твердо стоять на позиции “народ — это центр”», буквально обязывание партией самой себя «на практике реализовывать основную цель партии — беззаветное служение народу, деятельность всех звеньев государственного управления должна быть пронизана партийной линией масс», потому что «коренной целью развития является повышение народного благосостояния», обеспечение положения народа как хозяина страны. Вот такая генеральная цель (подробнее см.: [10]).

Эта генеральная цель, как и требуется при построении программно-целевого комплекса в системе стратегического управления, носит совершенно конкретно-содержательный характер. Кроме того, она носит характер патриотический и народно-демократический (распространяется на все общество, весь народ), открытый (гласный), как и положено национально-ориентированной генеральной цели.

Эта цель далее конкретизируется в подцелях по сферам общественной жизни, которые тоже вполне конкретны: решение социальных проблем, повышение уровня национальной культуры, образования, здравоохранения, качества трудоустройства, системы социального обеспечения, обеспечение победы над бедностью, расширение экологического вектора и создание экологической цивилизации, а также внутрипартийные цели и цели государственного и партийного строительства — укрепление партии, совершенствование партийного и государственного строительства, укрепление системы государственного контроля и т. д.

Одновременно ведется постоянная работа по выдвижению новых концепций, идей, стратегий, ставятся все новые цели на более удаленные и новые эпохальные перспективы, с упреждением выявляются противоречия в их динамике. Так, сегодня разработан «двухэтапный план, рассчитанный на период с 2020 года до середины нынешнего века». На первом этапе — до 2035 года — «Китай поднимется до уровня стран-лидеров инновационного типа», а государство станет современным и демократичным. На втором этапе — до середины XXI в. — «предстоит превратить нашу страну в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую

державу», «Китай по совокупной национальной мощи и международному влиянию войдет в число стран-лидеров». И почему-то достижение этих целей не вызывает никаких сомнений.

Заметим, это именно *цели*, тогда как *средства* их достижения излагаются в докладе дальше — в виде претворения в жизнь новой концепции развития, создания модернизированной экономической системы, углубления структурной реформы в сфере предложения, форсирования создания государства инновационного типа, осуществления стратегии подъема села, осуществления стратегии согласованного развития регионов, совершенствования системы социалистической рыночной экономики, формирования новой архитектуры всесторонней открытости и их структурных компонентов. Некоторые (более мелкие) в этом концептуальном документе вообще не обсуждаются. Это — именно средства.

В России дело обстоит с точностью до наоборот. Вместо формулировки целей у нас блуждают в истории, идеологии, копировании практики других культурных миров, в дебрях бесконечного мирового многообразия. Никаких целей не формулируется ни на уровне государства, ни на уровне культуры. Вместо них иконизированы западные концепты «частная собственность», «рынок», «либерализм», «правовое государство». Не говоря об ошибочности и антитрадиционности самих этих концептов для России, это именно средства, а не цели. Причем средства, относительно которых более чем за 25 постсоветских лет уже доказано, что они имеют исключительно негативный эффект на всем постсоветском пространстве и пространстве Восточной Европы, да и во всех странах мира, кроме Англии и США, которые их породили из собственной культуры. Эти концепты, превращенные в лозунги-цели, антипатриотичны в отношении России и всего постсоветского пространства (включая Восточную Европу), являются ресурсом их постепенного уничтожения, поглощения и подчинения западному миру. Общественные цели в постсоветской России не прорабатывались, не сформулированы, а там, где они порой якобы присутствуют — они носят декларативный необоснованный характер, хаотичны, произвольно перемешаны со средствами и инструментами. В стране нет курса, который был бы обоснован, понятен обществу, развивал его, был честен перед обществом и бескорыстен.

Отсутствие общенациональной цели создает ситуацию отсутствия мотивации деятельности, недопустимо снижает роль государ-

ства, тогда как понятно, что снижение либо устранение государственного регулирования из многих сфер жизнедеятельности общества формирует колоссальные экономические риски и угрозы на ближайшую и отдаленную перспективу. Отсутствие общенациональной цели не позволяет мобилизовать ресурсы общества, в том числе на основе процессов самоорганизации, инициированных в соответствии с общенациональной целью гармонизировать развитие общества в соответствии с национальной культурной традицией, на основе культурной и гражданской идентификации членов общества.

Существуют и специальные аспекты обеспечения национальной безопасности, связанные с новым качеством развития, такие как ускорение и усложнение процессов развития [11, 12—17], переход к шестому технологическому укладу [12, 10—16] и к цифровой экономике [1].

В такой ситуации одними из важнейших функций государства становятся создание полноценной системы стратегического управления и осуществление комплексного мониторинга рисков и угроз. Для этих целей сегодня делается, конечно, многое, в частности, создается Федеральная система управления рисками (ФСУР) на федеральном уровне. Естественно, в ней и организующих ее моделях должен быть органически заложен принцип развития, предусмотрены варианты трансформации ситуации в связи с развитием, учтены детерминанты развития.

Однако необходимо идти дальше, разворачивая государственные системы стратегического управления и широкое фундаментальное и прикладное направление научных исследований развития. Для этого целесообразно формирование межведомственного органа в системе федеральных органов исполнительной власти (прототипом которого был Госплан СССР), создание прикладных институтов (прототипом которых были НИИ Госплана), создание специализированного института фундаментальных исследований развития и будущего в составе РАН (Института развития или Института будущего), сети специализированных научных и экспертных центров.

Необходима также активность государства на международной арене для создания и укрепления межгосударственных институтов управления развитием с сохранением и эффективным использованием специфики каждой страны и цивилизации. Здесь плодотворной основой может послужить интерес построения справедливого

многополярного мироустройства, реализация принципов не конкурентного, а паритетного сотрудничества стран, исключение военных инструментов и средств из международной политики, реализация взаимных интересов через диалог, а не в терминах власти. Это позволит сделать долгожданный шаг от идеологии достоинства великой державы, возрождаемой сегодня в России, к обретению этого статуса в реальности через развитие, эффективное национально-государственное стратегическое управление.

Литература

1. *Глазьев С.* Информационно-цифровая революция // Изборский клуб. Русские стратегии. 2017. № 8 (54). С. 12—27.
2. *Диксон П.* Фабрики мысли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 505 с.
3. *Иванченко В.М.* Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества. М., 2009.
4. *Комиссина И.Н.* Научные и аналитические центры Китая: Справочник. М.: РИСИ, 2012. 266 с.
5. *Комиссина И.Н.* Научные и аналитические центры стран Азии: Справочник: М.: РИСИ, 2013. 406 с.
6. *Комиссина И.Н.* Научные и аналитические центры стран Южной Азии: Справочник: М.: РИСИ, 2014. 360 с.
7. *Курносов Ю.В.* Аналитика как интеллектуальное оружие. М.: РУСАКИ, 2012. 613 с.
8. *Нарочницкая Н.* «Аналитические институты» — глаза, уши и мозг Америки // Наш современник. 2004. № 3.
9. *Селиванов А.* Развитие объектов. Наука управления будущим. М., 2016.
10. *Селиванов А.* Китайские уроки для России: [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/14960> (дата обращения 27.03.2018).
11. *Селиванов А.И.* Мониторинг экономической безопасности в условиях развития: постановка проблемы // Микроэкономика. № 3. 2017.
12. *Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В.* Экономическая безопасность в условиях перехода к шестому технологическому укладу: постановка проблемы // Безопасность бизнеса. 2017. № 6.

13. *Си Цзиньпин*. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад на 19-м съезде КПК 18.10.2017: [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.

14. *Сунян В.Б.* «Мозговые центры» США: их роль и эволюция как независимых исследовательских организаций // США. Канада: Экономика, политика, культура. 2010. № 1 (481). С. 4—17.

15. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

References

1. *Glaz'ev S.* Informatsionno-tsifrovaya revolyutsiya // Izborskij klub. Russkie strategii. 2017. № 8 (54). S. 12—27.

2. *Dikson P.* Fabriki mysli. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. 505 s.

3. *Ivanchenko V.M.* Planirovanie kak istoricheskij fenomen zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obshhestva. M., 2009.

4. *Komissina I.N.* Nauchnye i analiticheskie tsentry Kitaya: Spravochnik. M.: RISI, 2012. 266 s.

5. *Komissina I.N.* Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii: Spravochnik. M.: RISI, 2013. 406 s.

6. *Komissina I.N.* Nauchnye i analiticheskie tsentry stran YUzhnoj Azii: Spravochnik. M.: RISI, 2014. 360 s.

7. *Kurnosov YU.V.* Analitika kak intellektual'noe oruzhie. M.: RUSAKI, 2012. 613 s.

8. *Narochnitskaya N.* «Analiticheskie instituty» — glaza, ushi i mozg Ameriki // Nash sovremennik. 2004. № 3.

9. *Selivanov A.* Razvitie ob"ektov. Nauka upravleniya budushhim. M., 2016.

10. *Selivanov A.* Kitajskie uroki dlya Rossii: [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/14960> (data obrashheniya 27.03.2018).

11. *Selivanov A.I.* Monitoring ehkonomicheskoy bezopasnosti v usloviyakh razvitiya: postanovka problemy // Mikroehkonomika. № 3. 2017.

12. *Selivanov A.I., Starovojtov V.G., Troshin D.V.* EHkonomicheskaya bezopasnost' v usloviyakh perekhoda k shestomu tekhnolog-

icheskomu ukkladu: postanovka problemy // Bezopasnost' biznesa. 2017. № 6.

13. *Si TSzin'pin*. Dobit'sya reshayushhej pobedy v polnom postroenii srednezazhitchnogo obshhestva, oderzhat' velikuyu pobedu sotsializma s kitajskoj spetsifikoj v novuyu ehpokhu. Doklad na 19-m s"ezde KPK 18.10.2017: [Elektronnyj resurs]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.

14. *Supyan V.B.* «Mozgovye tsentry» SSHA: ikh rol' i ehvolyutsiya kak nezavisimyykh issledovatel'skikh organizatsij // SSHA. Kanada: EHkonomika, politika, kul'tura. 2010. № 1 (481). S. 4—17.

15. *Fukuyama F.* Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj porjadok v XXI veke. M., 2006.

В.Я. ИОХИН, И.В. ВАЩЕКИНА

О теории трудовой стоимости*

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению категории труда как всепроникающей сути бытия и жизнедеятельности человека, как основы хозяйствования и очевидного первоисточника созданного человеком мира духовных и материальных благ и как непостижимого содержания стоимостных отношений. Теория трудовой стоимости раскрывается в ракурсе триединства ценности, стоимости и цены, базирующихся исключительно на труде и позволяющих раскрыть содержание меновых отношений, не прибегая к категориям нетрудового характера. Исходя из сдвигов, происшедших в общественном производстве в сторону духовного производства и развития человеческого потенциала, в ней особое внимание уделяется духовно-интеллектуальному труду, что позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие различных видов труда и на их участие в создании общественного материального и духовного богатства в его натуральном и стоимостном выражении. В меновых отношениях труд представлен в многообразных формах своего прояв-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иохин В.Я., Ващекина И.В. О теории трудовой стоимости // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 103—117.

ления в стоимости и потребительной стоимости. Причем совокупная стоимость как выражение идеальной подвижной абстрактно-трансцендентной субстанции труда распределяется между всей массой произведенных благ через механизмы рынка, включая прежде всего законы спроса и предложения, и находит свое проявление в равновесных ценах.

Ключевые слова: материальное производство, духовное производство, труд, конкретный труд, абстрактный труд, квалифицированный труд, сложный труд, интеллектуально-духовный труд, живой труд, омертвленный (овеществленный) труд, воплощенный труд, воскрешенный (оживленный) труд, стоимость, потребительная стоимость, естественная потребительная стоимость, общественная потребительная стоимость, меновые отношения, спрос, предложение, ценность, цена.

Abstract. The article is devoted to the rethinking of the category of labor as the all-pervading essence of being and life activity of man, as the basis of management and the obvious primary source of the spiritual and material goods created by man and as an incomprehensible content of value relations. The theory of labor value is disclosed in the triune view of value, value and price, based solely on labor and allowing to reveal the content of exchange relations, without resorting to categories of non-labor character. Proceeding from the shifts that have taken place in social production towards spiritual production and development of human potential, special attention is paid to spiritual and intellectual labor, which allows us to take a fresh look at the interaction of various types of labor and their participation in the creation of social material and spiritual wealth in its natural and value terms. In the exchange relations, labor is represented in the various forms of its manifestation in value and use. And the aggregate value as an expression of the ideal mobile abstract-transcendent substance of labor is distributed among the whole mass of produced goods through market mechanisms, including, first of all, the laws of supply and demand, and finds its manifestation at equilibrium prices

Keywords: material production, spiritual production, labor, concrete labor, abstract labor, skilled labor, complex labor, intellectual and spiritual labor, living labor, dead (embodied) labor, embodied labor, resuscitated labor, value, use value, natural use value, public use value, exchange relations, demand, supply, value, price.

УДК 330.138
ББК65.01

Прежде чем перейти к рассмотрению стоимости, обратимся к человеку, основой бытия которого является труд, и только труд. Наш образ и подобие Творцу находят свое проявление прежде всего в труде, ибо только благодаря Божьему дару люди могут созидать, творить подобно своему Создателю. Труд — это та компонента жизнедеятельности человека, без которой, собственно, нет и человеческого существа во всех ипостасях его бытия. Человек за исключением часов отдохновения находится в состоянии труда души, ума и плоти, которые проявляются в эмоциональной, нервно-психической, мыслительной, физической деятельности. Труд — источник не только достижения и исполнения желаний, устремлений человека в получении тех или иных идеальных и материальных благ, не только его самосовершенствования, но и духовно-интеллектуального и материального богатства, передаваемого последующим поколениям. Человеку присуще всегда трудиться в той или иной, явной или неявной форме. Русская православная этика усматривает в труде промысел Божий, благословение на спасение, созидание, одухотворение окружающего мира

Необходимо отказаться от абсолютизации труда как исключительно экономической категории, а видеть в нем ту форму бытия человека и общества, в которой только и проявляется во всей своей полноте их сущность как бесконечная множественность деяний, начиная с простейших примитивных и кончая наивысшими эмоционально-духовными. Причем это не только индивидуально обособленные акты, а одновременно и неотъемлемые составляющие их интегрированного абстрактно-трансцендентного единства. Поэтому создаваемое материальное или духовное богатство является исключительно результатом трудовой деятельности и ничего иного, а его величина и структура зависят исключительно от наращивания и совершенствования человеческого потенциала общества.

Нам не следует идти вслед за западным экономическим мышлением, отказывающимся рассматривать человека как целостную личность во всем ее богатстве и пытающимся его подменить экономическим уродом, которого почему-то мы должны воспринимать как образец своего рыночного и вне рыночного поведения. Это за-

камуфлированная форма навязывания материалистического социального дарвинизма, направленного на упразднение духовных ценностей, заповедей нашего Творца. Обращает на себя внимание и утвердившийся стереотип о труде как о способе зарабатывания средств существования, к которому мы уже привыкли и с которым даже сжились. В частности, в основе разграничения рабочего и свободного времени якобы лежат труд и безделье, иначе говоря, «кусочек хлеба». Все что за этим «кусочком» (жирным, обильным или постным, скудным) — свободное время — время хобби и прочих увлечений и развлечений. Оказывается, не будь этого «дамоклова» кусочка, человеку и труд-то ни к чему. В этом и заключается философия экономизма, низводящая труд к работе, тогда как работа заканчивается за рамками рабочего времени, а труд пребывает с человеком и во время работы, и вне ее. Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что работа проистекает из «царства необходимости», тогда как труд сопряжен с «царством свободы». Трудовая деятельность не знает границ, она не дискретна, а непрерывна в силу постоянного выполнения человеком той или иной ее функции.

Экономизированный подход наблюдается и при рассмотрении места человека в системе производительных сил. Сравнивая человека с лошастью, паровым двигателем, электродвигателем, компьютером, ему порой даются самые низкие оценки. И это вопреки тому, что именно человек, благодаря своей силе духа и интеллекта, создал, сотворил все эти вместе взятые производительные силы, которые позволили переходить обществу от одного состояния к другому. О засилье экономизма свидетельствует и так называемая пирамида Маслоу, в основе которой лежит принцип возвышения потребностей. Эта пирамида — элемент идеологии по формированию «общества потребления», идеал которого есть «... благополучие и сытность, что есть единый мировой желудок, и нет других богов, кроме него» (М.А. Волошин). Это инструмент самовозрастания капитала и порабощения им человека, так как ему отказывают в праве на возвышенное проявление своей сущности до тех пор, пока он не преодолеет дискомфорт материального недостатка.

Если обратиться к окружающему нас миру материальных и духовных благ, созданных человеком, то объединяющим их началом, делающим их однородными, является воплощенный в них человеческий труд в его конкретной и абстрактной формах своего бытия. Уже в глубокой древности, когда рыночные отношения еще

выступали в простых формах обмена товарами, обращали внимание на их общую, однородную природу происхождения — труд, который вполне обоснованно считали общим мерилем, мерой для выявления соотношения между обмениваемыми товарами. В частности, уже Конфуций и его последователи (коллективный трактат «Гуаньцзы», VI—V в до н. э.) считали труд источником и богатства общества, и могущества государства. При этом была сформулирована идея эквивалентного обмена между «мастерами» и «земледельцами» продуктами как результатами их труда.

Литературный памятник Древней Индии «Артхашастра» (IV III в. до н. э.) свидетельствует о том, что величина стоимости вещей определяется количеством «дней работы», а вознаграждение за труд ставится в зависимость от его результатов. Арабский мыслитель Ибн-Хальдун (1332—1406) обратил внимание на то, что «стоимость труда» зависит от «количества труда», от «его места среди других трудов» и «от потребностей людей в нем». Достоинством данной точки зрения является и то, что она содержит указание на многоплановый, многоуровневый характер стоимости, стоимостных отношений, которые довольно полно были раскрыты К. Марксом в его «Капитале» в соответствии с экономическими реалиями своего времени. Его предшественники и основоположники политической экономии (В. Петти, А. Смит, Д. Риккардо) также разрабатывали и отстаивали принципы теории трудовой стоимости.

Переход от экономики к хозяйству требует переосмысления, обновления и обогащения теоретических основ экономики. Как отмечает Ю.М. Осипов, экономика, будучи надстройкой хозяйства (базиса), задает тон всей системе хозяйственных отношений в искаженной виртуально-спекулятивно-финансовой форме [5, 253]. На несоответствие теоретических установок реальной экономической действительности обращается внимание и в докладе Римского клуба [6]. Исходя из того, что экономика еще продолжительное время будет довлеть над хозяйством, необходимо вернуться к теоретическим основам меновых отношений, базирующихся на труде. Это позволит предложить более обоснованную теорию современной экономики и перейти к развернутой разработке теории хозяйства, центральным моментом которого является человек с его трудом — единственным источником его жизнедеятельности, определяющим способом его существования.

Несмотря на относительно глубокий и всесторонний анализ категории «труд», в «Капитале» К. Маркса, она требует переосмысления, исходя из новых реалий. В связи с тем, что современная действительность и характер труда отличаются не только от XIX, но и от XX в., необходимо по-новому раскрыть содержание отношений труда и капитала, тем более, когда речь идет о переходе от экономики к хозяйству. Если прежде труд в подавляющей своей части был связан с производством материальных благ, то в настоящее время — с производством духовных благ. Поэтому вряд ли правомерно предъявлять претензии к экономическим исследованиям той эпохи, куда важнее сохранить методологические подходы, имеющие ценность для современной экономической науки.

В прежние времена можно было относительно четко проводить границу между производительным и непроизводительным трудом, руководствуясь тем или иным критерием, а сам процесс труда воспринимать как его овеществление непосредственно в создаваемых благах. Причем труд представлялся как материализованная субстанция в виде потребительной стоимости (конкретный труд) и стоимости (абстрактный труд) этого же блага. Отсюда происходило несоответствие цен товаров с их стоимостью, обусловленное подвижностью первой под воздействием законов спроса и предложения и застывшей второй в виде материализованной в них трудовой субстанции. В результате возникали ситуации, когда цена частично не содержала трудовой субстанции (при превышении стоимости), либо когда цена в какой-то степени не покрывала трудовой субстанции (была меньше стоимости). В те времена взаимосвязи между работниками материальной и нематериальной сфер в силу малой значимости последней были слабыми. В настоящее время изменившееся соотношение между ними требует исследования участия нематериального производства в выпуске как отдельных благ, так и национального продукта.

Если в материальном производстве имеется взаимодействие живого труда с воплощенным (овеществленным) трудом в средствах производства, то в духовном производстве происходит взаимодействие живых видов труда: с одной стороны, воздействующего труда на человека, с другой — реагирующего (откликающегося) труда на это воздействие. И если в материальном производстве в процессе труда создается определенный продукт, то в духовном производстве — лишь потенциал для нового вида деятельности у

реципиента. При этом с точки зрения процесса труда в материальном производстве формально происходит взаимодействие переменного капитала (труда) с постоянным капиталом (средствами производства), тогда как реально — умножение труда в результате взаимодействия непосредственно живого труда работника с оживленным трудом всех предшественников, причастных к созданию используемых средств производства (омертвленного в них труда). Поэтому капитал выступает в качестве условия создания продукта и его стоимости, а товар — и его стоимость вместе с прибавочной стоимостью (прибылью) от начала до конца — результат труда в различных его ипостасях, включая, конечно, и труд предпринимателя (капиталиста).

С целью дальнейшего развития теории трудовой стоимости необходимо обратить внимание прежде всего на разграничение методологии, антологии и аксиологии. И если в отношении первых двух вопросов не возникает, то в отношении третьей надо заметить, что она в теории трудовой стоимости как бы оставалась в тени, хотя явно и присутствовала. В современной западной экономической теории аксиология вышла на передний план с ее субъективными оценками в рамках теории полезности. В последней полезность рассматривается как оценка покупателей важности, значимости тех или иных благ, т. е. речь идет об их ценности.

Что касается марксистской теории, то в ней присутствует триединство ценности, стоимости и цены, общей основой которых является труд. Причем ценность почему-то либо игнорируется, либо рассматривается как равноценная стоимости, либо предлагается ею заменить стоимость, в связи с чем иногда рекомендуется использовать такую «нетрудовую» категорию, как полезность [2]. Однако в теории трудовой стоимости функцию ценности уже выполняет категория «общественная потребительная стоимость». Поэтому следует проводить четкое разграничение двух ипостасей потребительной стоимости: естественной потребительной стоимости и общественной потребительной стоимости. Первая указывает на природный, а вторая — на социальный ее характер.

Естественная потребительная стоимость есть сама суть продукта, которая заключается в свойстве блага удовлетворять ту или иную потребность человека, вне зависимости от того становится оно товаром или нет. Общественная потребительная стоимость свойственна товарам как естественным потребительным стоимо-

стям, которые были куплены и тем самым оценены рынком (покупателями) как необходимые обществу. Она проявляется лишь в рыночных отношениях, связанных с реализацией как естественной потребительной стоимости, так и стоимости. Тем самым происходит признание ценности для общества как конкретного труда, представленного естественной потребительной стоимостью, так и абстрактного труда, содержащегося в стоимости, цене товара.

Если то или иное благо не находит сбыта, то оно не утрачивает свою естественную потребительную стоимость и может быть потреблено, минуя рынок. Но его ценность как товара (потребительной стоимости) для общества окажется нулевой, а затраты труда на него — безвозвратными. Приобретение естественной потребительной стоимости трансформирует ее в общественную потребительную стоимость (ценность) и одновременно свидетельствует о признании затрат абстрактного труда, субстанционально содержащегося в стоимости как результат перераспределенного идеального абстрактно-трансцендентного труда всего общества. Можно сказать и по-другому: если цена предложения товара превышает цену спроса, то заключенная в нем стоимость не станет равной равновесной цене и не будет реализована, равно как и его ценность, выраженная общественной потребительной стоимостью [1, 86]. Нет, и не может быть другого способа оценки блага, кроме как через обмен посредством цены. Всякие попытки найти эталон для измерения затрат или экономии труда ничего общего не имеют с измеряемым объектом — трудом.

Таким образом, общественная потребительная стоимость должна вытеснить такую неопределенно понимаемую категорию, как «полезность», и ее модификацию — «предельную полезность». Но именно на их основе в рамках экономикса сформулированы законы и принципы потребительского поведения покупателей, несмотря на то, что они базируются на ложной аксиоме относительно предельности, которая не применима к абсолютному большинству товаров и услуг.

При изучении стоимостных отношений необходимо не только осуществлять разграничение между конкретным и абстрактным трудом (первый связан с производством конкретных благ, второй — однороден во всех благах), но и неразрывную взаимосвязь между ними, проявляющуюся через потребительную стоимость и стоимость как проявление квалификации и сложности труда. Квалифи-

кация находит свое выражение в качестве естественных свойств произведенных товаров и затем проявляется в их оценке как общественной потребительной стоимости. Сложность труда проявляется в величине стоимости товаров как затрат абстрактного труда, которые находят свою оценку в меновых отношениях в рамках совокупных общественных его затрат, исходя из объемов и структуры совокупного спроса. При переходе от обмена отдельными товарами на отраслевой, а затем на межотраслевой и макроэкономический уровень, становится все более очевидной неприемлемость трудовой субстанции стоимости в ее физиологической трактовке [3, 415—420].

Рассматривая труд и стоимость, Ю.М. Осипов совершенно правильно указывает на нематериальность труда и на трансцендентность стоимости [5, 15—17, 156, 165], но не останавливается на связи между ними. Несомненно, Юрий Михайлович прав, когда говорит, что труд нематериален. Мы лишь добавим, что пытаться искать овеществленную, материализованную трудовую субстанцию в благах равносильно поискам души в плоти человека. Такая характеристика их природы позволяет раскрыть глубинную связь между ними. Для этого необходимо всесторонне рассмотреть процесс трудовой деятельности во всех ее разнообразных формах существования при единстве их содержания.

При восхождении на более высокие уровни исследования становится все очевиднее значимость социальной составляющей стоимости, которая обнаруживает изъяны в ее физиологической интерпретации. На макроуровне выясняется необходимость учета соотношения между видами труда и выявления рациональности их затрат в социологическом смысле, исходя из сложившихся объемов и структуры совокупных общественных потребностей, удовлетворяемых с помощью рынка. Любые несоответствия объема и структуры совокупных общественных затрат труда объему и структуре совокупных общественных потребностей начинают корректироваться с помощью механизмов цен спроса и цен предложения, вызывающих перемещение, «перелив», трудовой абстрактно-трансцендентной субстанции в пределах произведенной товарной массы, тем самым выравнивая стоимость товаров с их равновесными ценами. Следовательно, равновесные цены товаров всегда соответствуют их стоимости.

Таким образом, всеобщая совокупная стоимость распределяется между всей массой созданных благ в соответствии со сложившимися объемами и структурой совокупного спроса. Стоимость каждого блага определяется не величиной непосредственно воплощенного в нем труда в физиологическом смысле, а в результате распределения всех совокупных общественных затрат труда в социальном смысле через механизмы спроса и предложения. Иначе говоря, общественная стоимость благ формируется посредством «перелива» идеальной абстрактно-трансцендентной трудовой субстанции в соответствии с их ценностью, или общественной потребительной стоимостью при сложившихся объемах и структуре совокупного спроса.

Другим важным аспектом обсуждаемой проблемы является тот факт, что любые блага, какой бы характер они ни носили, прежде всего являются продуктами творческого духовно-интеллектуального труда, благодаря которому сначала возникают идеи, образы продуктов, способы их создания, и лишь затем в повседневной трудовой деятельности начинают тиражироваться те или иные блага. Обращаясь к духовному производству, прежде всего необходимо отметить принципиальное отличие его продукта от продукта материального производства. В первом случае речь идет об идеальном, невещественном его форме, во втором — о материальном. Но главное заключается в том, что потребительная стоимость и стоимость продукта духовного производства имеют многомерный характер, тогда как продукт материального производства — одномерный.

Потребительная стоимость духовного производства способна одновременно удовлетворять многие потребности. Кроме того, в процессе потребления она не только не утрачивает свои качества и исчезает, но, напротив, улучшает свои свойства и обогащается, становясь потребительной стоимостью более высокого порядка и еще более востребованной, чем прежде. Многомерность потребительной стоимости духовного продукта проявляется в том, что она одновременно материализуется в технике и технологиях, придает продукту новые потребительные свойства, участвует в выработке новых знаний, формирует человеческий потенциал, новую рабочую силу,

Обращает на себя внимание и специфика научно-исследовательской деятельности, заключающаяся в сочетании совместного и всеобщего труда. Если совместный труд находит свое

проявление в кооперированной форме труда современников, то всеобщий труд воплощен в результатах интеллектуально-духовной деятельности всех предшественников, которые используются современниками. Совместный труд свидетельствует о коллективном характере труда вне зависимости от организационных форм научной деятельности, так как она сопровождается непрерывным процессом обмена информацией. И хотя те или иные достижения персонифицируются определенными личностями, тем не менее их достижения неразрывно связаны с научной деятельностью как современников, так и близких и отдаленных предшественников. Результаты исследований не исчезают, а становятся достоянием всех и источником новых идей, в зарождении которых неизбежно проявляется научный труд предшественников в его ожившей, воскресшей форме. Все это указывает на неприемлемость распространения стоимостных отношений на данную сферу в силу невозможности обособления одних процессов и явлений от других.

Тем не менее, учитывая распространение коммерциализации на данную сферу, необходимо обратиться к выявлению специфики меновых отношений в ней. Рассматривая стоимость духовного (научного) блага, следует выделить ряд ее составляющих. Прежде всего речь идет о стоимости, связанной с идеями, принципами, представленными в виде патентов, лицензий, опыта, знаний. Это прямое и непосредственное стоимостное проявление научного труда. Вторая составляющая заключается в сбережении материальных и трудовых ресурсов в процессе использования потребительной стоимости продукта науки, что указывает не на затратный, а на экономный характер формирования общественной стоимости. Причем, данную экономию не следует приписывать капиталу, так как данный эффект — результат проявления совместного труда современников и ожившего, воскресшего всеобщего труда в материальном и нематериальном производстве.

При этом работники, которые занимаются эксплуатацией новых технологий и техники, прежде чем приступили к производственной деятельности усвоили новые знания и опыт, которые являются результатом научно-технического труда на всех предшествующих стадиях создания и использования продуктов научного производства. Таким образом, рост производительности ресурсов есть не что иное, как проявление синергизма всех видов научно-технико-производственного труда современников и предшествен-

ников, который находит свое проявление на всех стадиях научных исследований, разработок и производства, начиная с фундаментальных исследований и завершая непосредственным производством товаров и услуг.

Это — одна сторона духовного производства, другая же сопряжена с формированием и развитием человеческого потенциала, который по вполне апологетическим соображениям выдается буржуазной экономической наукой за человеческий капитал. В условиях кардинального сдвига общественного производства в сторону нематериальной сферы (наука, образование, просвещение, культура, здравоохранение) особого внимания заслуживают общественные блага, участвующие в формировании и развитии человеческого потенциала, от состояния которого зависит будущее страны. При этом само состояние человеческого потенциала зависит от общедоступности получения общественных благ для всех и каждого, возможности развития дарованных свыше способностей и талантов, воспитанной трудолюбия в освоении получаемых благ, нахождения сородной природе каждого человека вида трудовой деятельности

Живой труд работников этой сферы, воздействуя на усваивающих их знания и умения и воплощаясь в них, в дальнейшем находит свое проявление в живом труде последних в процессе производства. Это указывает на опосредованное их участие в создании и умножении национального богатства, решающим и определяющим элементом которого, согласно православной этике, является сам человек со всеми его физическими, интеллектуальными и духовными достоинствами, который является первоисточником всех остальных составляющих национального богатства. В духовном производстве происходит взаимодействие не только живых видов труда донора и реципиента, но и с трудом как других современников, так и оживленным, воскрешенным трудом близких и далеких предшественников в виде использованной информации.

Человеческий потенциал — это результат синтеза взаимодействия нескольких типов труда. Причем на выходе имеем различные результаты в силу индивидуальной специфики участия живого труда реципиентов в синтезе получения, восприятия, переработки и усвоения информации. При этом нельзя упускать из вида, что в процессе живого труда обладателя человеческого потенциала в конкретной деятельности происходит воскрешение, оживление труда и доноров, и современников, и предшественников, что находит свое

проявление в синергетическом эффекте роста общественной производительности труда. Уже это позволяет констатировать идеальный абстрактно-трансцендентный характер и труда, и стоимости.

Несомненно, все виды труда имеют производительный характер и являются неотъемлемыми составляющими единого общенационального процесса воспроизводства и создания общественного продукта. Непроизводительного труда в обществе как такового нет, так как любой труд тем или иным способом, в той или иной форме сопряжен с созданием, сохранением, защитой национального богатства. Протекая в конкретно-абстрактных формах своего бытия, труд носит нематериальный, трансцендентный характер, а духовно-интеллектуальный труд по своей природе имеет еще всечеловеческий глобальный во времени и пространстве характер и его продукт является всеобщим результатом и достоянием и не может присваиваться, быть собственностью кого бы то ни было.

Такое понимание трудовой деятельности и общественных отношений возможно лишь при отказе от экономического империализма в общественных науках и при вытеснении экономики хозяйством. Источником, субъектом, объектом и целью хозяйства является человек с его духовно-интеллектуальным потенциалом. Хозяйство предполагает полное использование главного источника развития — трудовых ресурсов общества, обеспечивая формирование и развитие потенциала человека и общества и их самореализацию в процессе общественного воспроизводства.

При этом стоимость необходимо рассматривать в производственном аспекте в единстве микроэкономических и макроэкономических процессов. Объединяющим и единственным связующим звеном в длинной цепи разнообразных производственных процессов является труд. Именно с ним сопряжены создание и наращивание богатства, которое в соответствии с православной этикой признается праведным, если оно достигнуто благодаря труду. При чем не всякое крупное богатство есть несправедливое, так как необходимо учитывать колоссальные различия в характере труда, в его содержательности и продуктивности в зависимости от вида деятельности.

Осознание исключительности трудовой абстрактно-трансцендентной субстанции любого общественного богатства позволяет неизменно иметь точку опоры при любых феноменологических изменениях. Давайте не забывать, что труд, — это не только

нечто экономическое, это шире и глубже даже социального, ибо он заключает в себе духовный, божественный источник к творчеству. Труд — это не только материальная и идеальная, но и нравственно-духовная категория. Именно поэтому надо говорить не только о прошлом или живом труде, но и о воскресающем духовно-интеллектуальном труде, который оживляется трудом современников и соединяется с ним, образуя новую — умноженную — производительную силу труда.

Несовершенство существующего механизма экономики и возрастающая роль человеческого потенциала свидетельствуют о необходимости новой парадигмы социально-экономического развития и пересмотра системы ценностей, определяющее место в которой должен занять труд, а не потребление как порождение самовозрастающего капитала. Экономика, базирующаяся на капитале, вытесняет традиционные духовно-культурные ценности и навязывает этику утилитаризма, что ведет общество к расчеловечиванию и ставит его на грань рукотворной катастрофы. Такая экономика загоняет человечество в социоэкологический тупик, тогда как ориентация на развитие человеческого потенциала открывает простор для деятельности вне ограничений, ибо она направлена прежде всего на производство духовно-интеллектуальных благ, являющихся источником развития человека и общества и их материально-технической базы. Нарастающая ориентация на создание данного сегмента богатства будущего человечества, очевидно, и является движением от экономики к хозяйству [4].

Нам трудно предугадать характер будущего общества, но не вызывает сомнения, что незыблемым его основанием будет труд. Стоимостная форма может покинуть его, но нестоимостная форма останется. Отказ от трудовой субстанциональности стоимости в одночасье лишает человека и общество стержня их жизнедеятельности, ибо на уровень с трудом и даже выше можно поставить любую авантюру, любую спекуляцию и т. п. И все оказывается справедливым, ибо то, что достигнуто с помощью рынка, через рынок с точки зрения экономизированного мышления есть высшая степень справедливости. Именно из-за такой справедливости «цивилизованный» центр становится все богаче, а периферия — все беднее, а внутри стран усиливается социальное расслоение общества.

Литература

1. *Вацкекин А.Н.* Математическое моделирование процесса ценообразования на розничных и оптовых торговых предприятиях // Вопросы статистики. 2003. № 5. С. 86—87.

2. *Емельянов В.Я.* От парадигмы стоимостной. к парадигме потребительско-стоимостной // Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб.: Петрополис, 1996. С. 211—220.

3. *Иохин В.Я.* Об одном из аспектов новой парадигмы развития экономической теории. // Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: Юрист, 2002. С. 412—428.

4. *Иохин В.Я.* Экономика и хозяйство // Философия хозяйства. 2006. № 6. С. 25—34.

5. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть. М.: ТЕИС, 2017. 318 с.

6. *Weizsaecktr E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet // A Report to the Club of Rome. 2017. Springer.

References

1. *Vashchekin A.N.* Matematicheskoe modelirovanie processa cenobrazovaniya na roznichnyh i optovyh trgovyh predpriyatiyah // Voprosy statistiki. 2003. № 5. S. 86—87.

2. *Emel'yanov V.YA.* Ot paradigmy stoimostnoj. k paradigme potrebitel'sko- stoimostnoj // Ehkonomicheskaya teoriya na poroge XXI veka / Pod red. YU.M. Osipova, V.T. Pulyaeva. SPb.: Petropolis, 1996. S. 211—220.

3. *Iokhin V.YA.* Ob odnom iz aspektov novej paradigmy razvitiya ehkonomicheskoy teorii // Ehkonomicheskaya teoriya na poroge XXI veka — 3 / Pod redakciej YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj. M.: Yurist", 2002. S. 412—428.

4. *Iokhin V.YA.* Ehkonomika i hozyajstvo // Filosofiya hozyajstva. 2006. № 6. S. 25—34.

5. *Osipov YU.M.* Ehkonomika kak est'. M.: TEIS, 2017. 318 s.

Д.Ю. АФАНАСЬЕВ

**Философская проблема понимания капитала
как общественной категории***

Аннотация. Статья посвящена проблеме понимания капитала как общественной категории. Понимание и трактовка явлений — одни из главных проблем философии, в то время как капитал и связанные с ним концепты как сущность являются центральными вопросами экономической науки. До сих пор ни философы, ни экономисты не приняли единой теории капитала, что связано во многом с разнообразием их методологии. Экономика как форма общественного бытия изобилует целым рядом проблем, поэтому данное исследование актуально. Автор решает вопрос с точки зрения нарративного подхода, который недостаточно распространен среди экономистов. Категорически предлагается рассматривать капитал как общественную категорию в широком и узком смыслах. Капитал в широком смысле — имущественное выражение привилегии в обществе. Капитал в узком экономическом смысле — конкретная для каждого момента истории форма общественных отношений в виде суммы материальных и нематериальных благ, могущая «самовозрастать».

Ключевые слова: капитал, нарративы, экономическая теория, мировая экономика, человеческий капитал.

Abstract. This article is devoted to the problem of understanding the capital as a social category. Understanding and interpreting phenomena is one of the main problems of philosophy, while capital and related concepts as an entity are central to economic theory. So far neither philosophers nor economists have adopted a unified theory of capital, which is connected in many ways with the diversity of their methodology. Economics as a form of social life is full of a number of problems; so this study is relevant. The author solves the problem from the point of view of the narrative approach, which is not widely used by economists. It is strongly suggested that capital should be considered as a social category in a broad and narrow sense. Capital in a broad sense is the property ex-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Афанасьев Д.Ю. Философская проблема понимания капитала как общественной категории // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 118—137.

pression of privilege within society. Capital in a narrow economic sense is a form of social relations, specific for each moment of history, in the form of a sum of material and non-material goods, which can «self-increase».

Keywords: capital, narratives, economic theory, world economy, human capital

УДК 330.14.01
ББК 65в

Определения того, что есть понимание вообще, различаются в зависимости от подходов философов к изучению данного феномена. По мнению одних философов, понимание достигается расшифровкой смыслового содержания конкретных результатов человеческой деятельности. Другие исследователи предлагают рассматривать понимание в качестве универсального способа бытия личности в мире. Третьи трактуют его как интерпретацию, придание смысла тому, что не имело смысла без этого процесса.

Понимание как философская проблема получило теоретическую и практическую разработку благодаря развитию герменевтики. Истолкователи пользовались почетом и уважением с древнейших времен. Достаточно вспомнить толкователей снов праведного Иосифа в Египте и пророка Даниила в Вавилоне. В античном мире данный вопрос развивал Аристотель в работе «Об истолковании». Христианское богословие приспособило герменевтику к толкованию Священного Писания. Религиозные войны дали новый импульс размышлениям о понимании. В дальнейшем герменевтику углубили философы Нового времени, а затем и философы науки.

Очевидно, что понимание реальности и выделение определенных терминов, которые призваны обозначить определенный уровень познания данной реальности, представляют собой одни из главных задач философии в целом и философии отдельных познавательных дисциплин, в том числе экономической теории.

Экономика окружает человека со всех сторон и влияет на жизнь непосредственно. В этом отношении можно утверждать, что теоретическое осмысление именно экономической действительности, что предлагает экономическая теория, является актуальным всегда, поскольку, как ни пытались, фундаментальные проблемы хозяйствования так и не были устранены. «Царство необходимости»

до сих пор не преодолено (если это вообще возможно — скорее нет).

Понятие капитала является ключевым в экономической теории, поэтому тема настоящего исследования является актуальной.

Проблема сводится к тому, что представление о капитале, как и обо всех общественных отношениях по поводу производства, потребления, обмена и распределения, у разных мыслителей разное из-за их различия в методологии. В данном отношении необходимо предложить универсальный метод, в котором и резюмируется, по выражению Гегеля, вся философия.

Понимание капитала как экономической категории в различных экономических школах

Мировая экономика все новыми вызовами свидетельствует о своей нестабильности, которая связана *in spe* с внутренними дисбалансами системы. Возникновение дисбалансов общественного устройства — в нашем понимании — связано с дисбалансами идей, господствующих в душах разных человеческих общностей. Идеи же могут быть как истинными, так и ложными. Ложные идеи неминуемо ведут к неблагоприятным следствиям. Ложная идея входит в противоречие с основами мироздания, не соответствуя им, — данное утверждение справедливо для законов природы и для социальных законов. Задача философии вообще, в том числе философии экономики, вовремя распознать ошибку мышления касательно того или иного аспекта человеческого бытия с тем, чтобы исправить категорическую ошибку действия, рождаемую ошибкой мышления. В экономической сфере данная взаимосвязь чувствуется очень остро, так как ошибка проявляется в проблемах хозяйства, которое заключает в себе сферу материального благополучия человека [2].

Так, капитал является ключевой философской категорией при капиталистическом способе производства. Данный термин описывается исследователями с точки зрения их общего представления о мировой истории и общественных, в частности, экономических отношениях, что до сих пор ввиду множества методологических подходов оставляет пространство для научной дискуссии в рамках данной проблематики.

Ответ на вопрос «что есть капитал?» позволит проникнуть в его суть и, возможно, разрешить ключевые противоречия международных общественных, в том числе экономических, отношений се-

годня и в будущем; по крайней мере, ясный и правдивый взгляд на вещи всегда лучше привлекательных заблуждений.

Происхождение термина «капитал» неоднозначно. Специальное изучение данного вопроса мы оставляем специалистам по семиотике, ограничившись интерпретациями, необходимыми для разъяснения сущности слова в рамках нашей проблематики. Так, марксистская школа считает, что слово «капитал» в настоящем значении впервые было употреблено в начале XVI в. в Англии в сочетании «капитальный дар» (*capital grant*) как обозначение предоставления землевладений от короля; т. е. данное землевладение представляло собой изначально собственную, с которой была также связана и власть [16].

Другие эксперты полагают, что термин «капитал» происходит от латинского «*caput*», что значит «голова»; в экономическом смысле это слово понималось как голова крупного рогатого скота. В свою очередь, стадо, которое дает приплод, являлось одним из символов процветания в Древнем Риме [8].

Следует добавить еще одну трактовку уже слова «*caput*», которое понадобится нам в дальнейшем. «*Caput*» в некоторых интерпретациях означает «разум», «рассудок» (*incolumi capite es? — Да ты в своем уме?*), а также «человек», «лицо» (*exaction capitem — подушная подать*) [5].

В целом, очевидно, что термин «капитал» означает что-то основательное, важное, монументальное, главное. Данная сентенция красной нитью проходит практически через каждый вариант его употребления.

Необходимо отметить, что методологически мы не принимаем в чистом виде теорию общественно-экономических формаций и считаем, что капитал в широком смысле как философский феномен определенной формы человеческой жизнедеятельности существовал на протяжении большей части человеческой истории. Но прежде чем изложить нашу трактовку капитала, необходимо привести мнения исследователей данного вопроса.

Экономические школы по-разному понимают феномен капитала. С одной стороны, отличные друг от друга точки зрения в экономической науке, создают сложности для философского обобщения концепции; с другой — разномыслие позволяет полнее взглянуть на картину развития определенных общественных отношений. Философ Канке отмечал, что «постижение смысла экономических

явлений осуществляется не в одной теории, а в научно-теоретическом ряде» [4, 62].

Приведем ключевые вехи экономической мысли касательно интересующего нас вопроса.

Меркантилисты (Антуан Монкретьен де Ваттевиль, Жан-Батист Кольбер, Томас Ман) особенно не принимали во внимание капитал как отдельную экономическую категорию. Их интересы были заключены в определении и обосновании способов приращения богатства (капитала в широком смысле) как такового. Задача владельца земли, товаров, денег (в случае ростовщиков) состояла в том, чтобы в итоге обеспечить положительное сальдо денежных потоков от обращения той или иной формы богатства. А так как национальная власть понималась меркантилистами и их современниками как волеизъявление конкретных лиц (знати), то и экономические вопросы не рассматривались в отрыве от интересов данных лиц, которые тогда совпадали и интересами общественными, по крайней мере, в международных делах.

Физиократы, в частности, Франсуа Кенэ, стали искать причину приращения богатства в самом процессе производства. Главным выражением богатства (капитала в широком смысле) для физиократов являлась земля, которая «прирастала» посредством земельной ренты. Сам Кенэ, сын землевладельца, а потом и придворный врач, в своих работах обосновывал абсолютную власть монарха и разделение общества на специфические классы, отдавая приоритетное место классу крупных землевладельцев, которые, по его мнению, «создавали» богатство для всего общества. За такую постановку вопроса марксисты его сильно критиковали. Сами же воззрения вполне могли быть результатом его зависимого положения от французской аристократии. Тем не менее, Кенэ оказал влияние на следующее поколение исследователей.

Адам Смит, философ и экономист, положил начало концептуальному единству проблематики экономической науки. Под капиталом Смит, как и другие представители классической политэкономии, понимает реальные блага (имущество), которые, с одной стороны, потребляются в процессе жизнедеятельности, а с другой стороны, могут быть используемы для извлечения прибыли в форме спекулятивного дохода (покупка и перепродажа товаров) — циркулирующий (оборотный) капитал — или усовершенствования зе-

мельных угодий и покупки машин и оборудования — фиксированный (основной) капитал [13].

Адам Смит также ввел понятие первоначального накопления капитала, т. е. образования у определенных социальных групп благ, не потребляемых полностью в процессе жизнедеятельности; фактически такой имущественный излишек означал начало становления капитала как экономического феномена, развившись в дальнейшем и как само общественное отношение (например, наемный труд, финансовый рынок), и как материальная форма выражения данных отношений (например, заработная плата, акция как финансовый инструмент и пр.).

Давид Рикардо, экономист и биржевой маклер, теоретик и практик, развивал и критиковал идеи Адама Смита. Рикардо написал книгу «Начала политической экономии и налогового обложения», которая, по выражению Пола Самуэльсона, составила его славу. Рикардо в целом придерживался трудовой теории стоимости, считая ее удобной формой изображения реальности. При этом он, будучи практиком, добавлял: «Но если мы принимаем труд за основу стоимости товаров, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения действительной или рыночной цены товаров от их первичной и естественной цены» [17].

Что касается общественного устройства, Рикардо разделил общество на экономические классы, которым соответствуют виды доходов: лендлорды (землевладельцы) получают земельную ренту; собственники денег и капитала — прибыль; а рабочие, занятые в производстве — заработную плату.

Капитал, по Рикардо, как экономическая категория это «часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимая, чтобы привести в движение труд». Конечно, теоретический подход Рикардо к пониманию капитала является классическим с точки зрения экономического проявления данного феномена, что объясняется, в первую очередь, характером экономических отношений того времени.

Давид Рикардо внес свой вклад и в теорию ренты, и в теорию денег, и в теорию воспроизводства, теорию международной торговли. Он также выявил тенденцию нормы прибыли к понижению. Главной задачей политической экономии экономист считал определение законов, управляющих распределением доходов. Однако оче-

видно, что, как и Смит, он не смотрел на экономическую область всесторонним философским взглядом, следовательно, и не мог писать о капитале как о явлении общественном, выражающем определенные отношения между отдельными людьми и группами людей. В целом, идеи Рикардо сегодня до сих пор актуальны в аспекте проблемы нормы накопления капитала и влияния на эту норму соотношения факторов производства.

Маржиналистская революция второй половины XIX в. ознаменовалась появлением трудов К. Менгера, Л. Вальраса и А. Маршалла, а также У.С. Джевонса. С точки зрения экономической теории маржиналисты внесли существенный вклад — предельный анализ, методологический субъективизм, понятие экономической рациональности, математизацию, статичность и равновесность как характеристики экономики. Однако философски для понимания капитала как общественной категории использование опыта маржиналистов крайне ограничено: предельная полезность и эффективность капитала говорят нам об узком проявлении данного феномена, но не показывают сущности рассматриваемого экономического отношения.

Учение Джона Мейнарда Кейнса, немного философа, теоретического экономиста, трейдера-спекулянта на валютных курсах и рынке акций, сына профессора, стало новой вехой экономической науки. В целом Кейнс пытался выработать универсальные положения экономической науки в противоположность, как он считал, «частным аргументам классической теории». Действительно, такая методология прослеживается и в названии его главного труда — «Общая теории процента, занятости и денег», уже только своим названием отсылая читателя к работе Альберта Эйнштейна.

Конечно, Кейнс критиковал больше не классическую теорию, а неоклассическую, с которой он был весьма хорошо знаком; одним из его преподавателей был Альфред Маршалл. Его критика не была отрицанием всего; скорее Кейнс предпринимал попытку направить ход производных рассуждений из неоклассического понимания экономики в нужное русло, не отвергая при этом базовых принципов неоклассиков. Он также использовал предельный анализ, понятие рациональности, но при этом, будучи философом, старался излишне не математизировать теорию и даже высказывал марксистские идеи при объяснении природы капитала, например, при рассуждениях о возможной ситуации в экономической системе, когда

избыток капитала приведет к падению его доходности до нуля — вариант тенденции нормы прибыли к понижению Маркса [10].

О капитале как экономической категории Кейнс пишет с точки зрения сбережений, образующихся вследствие превышения доходов над расходами. Кейнс не фокусируется на природе капитала, его характеристиках, останавливаясь более на следствиях. Фундаментальным вкладом Кейнса в экономическую теорию с философской точки зрения можно считать введение категории экономических ожиданий как фактора определения экономических ценностей. Данное положение необходимо подчеркнуть. В настоящее время идея Кейнса так или иначе развилась в теорию нарративов и всячески используется в концепциях поведенческих финансов.

Австрийская экономическая школа (Карл Менгер, Ойген фон Бем-Баверк, Людвиг фон Мизес, Фридрих фон Хайек, Мюррей Ротбард) использует закон предельной полезности и выводит субъективную теорию стоимости. Опять же философски представители австрийской школы не уделяют должного внимания общественной природе капитала, говоря больше о его временной структуре и полезности с точки зрения личного потребления. Для представителей австрийской школы капитал представляет собой совокупность благ, которые не потребляются в настоящем для того, чтобы их можно было в большем количестве потребить в будущем. Прирост капитала и его временная стоимость зависят от длительности производственного цикла, т. е. от величины периода, за который блага увеличивают свою стоимость. Такой подход естественным образом нашел себе критиков в лице марксистов. Так, Н.И. Бухарин в книге «Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы» пишет: «Его рассуждения (Бем-Баверка. — Д.А.), быть может, годятся для объяснения психологии “заблудившегося путника”, “поселенца”, “человека, сидящего у ручья”, да и то лишь постольку, поскольку все эти “индивидуумы” лишены возможности производить. В современном же хозяйстве такие мотивы, какие предполагает Бем, были бы психологической невозможностью и бессмыслицей» [6].

Карл Маркс и его последователи предложили уникальный вариант понимания капитала как общественной категории. Маркс определил капитал как «самовозрастающую стоимость», притом специально не выделяя какой-либо вид имущества, подчеркивая совокупно характер общественных отношений, приводящих к тако-

му самовозрастанию. По Марксу, «капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы» [12]. Маркс методологически разработал новую теорию, рассматривая экономические отношения исторически, в их противоречивом развитии.

Маркс описывает диалектику владения и использования капитала. Так, стадия свободной конкуренции характеризуется дифференцированным владением средствами производства, поэтому существуют противоречия между прибылью промышленной, финансовой и торговой. Но с развитием капиталистических отношений обостряется проблема концентрации и централизации капитала в руках монополий, и разница между видами капитала постепенно стирается — капиталисты всех родов сближаются друг с другом, концентрируя в своих руках средства производства. Владельцы всех видов капитала становятся «господствующим классом».

Так появляется феномен финансового капитала, начало изучению которого экономической наукой было положено в начале XX в. К числу главных экспертов по данному вопросу следует отнести, главным образом, представителей той же марксистской школы — В.И. Ленина, Дж. Гобсона и Р. Гильфердинга; для них рассматриваемая теоретическая проблема была предметом политической борьбы.

Рудольф Гильфердинг, австрийский и немецкий экономист, министр финансов Веймарской республики, вносит значительный вклад в теорию капитала. Он пишет, рассуждая об экономической и властно-иерархической природе капитала: «Гегельянец сказал бы здесь от отрицания отрицания: банковский капитал был отрицанием ростовщического капитала и, в свою очередь, сам отрицается финансовым капиталом. Последний представляет синтез ростовщического капитала и банковского капитала и на бесконечно более высокой ступени экономического развития присваивает себе плоды общественного производства».

Финансовый капитал — новый качественный этап развития капитала как общественно-экономического отношения, его доминирующая форма в эпоху монополий и акционерных обществ. Так, в начале XX в. произошел процесс слияния банковского, промышленного и торгового капиталов, в результате которого появился новый господствующий класс — «финансовая олигархия». Финансо-

вый капитал сконцентрировал в своей власти *modus operandi* всех сфер экономической деятельности. По Гильфердингу, собственно финансовый капитал является органическим плодом развития капиталистических отношений. Финансовый капитал в большей степени обладает всеми характеристиками капитала как экономической категории.

В нашем понимании самое важное в теориях марксистского направления — именно рассмотрение капитала как феномена прежде всего общественного, а уже потом конституированного в той или иной материальной форме. Этим положением мы воспользуемся в дальнейшем. Мы не согласны с марксистами в том, что капитал возникает на определенной стадии развития производственных отношений, так как капитал в широком смысле — термин для выделения категории общественных отношений, могущей быть использованной для приобретения чего-либо в материальной и нематериальной форме и в некоторых случаях служащей мерилom общественного положения человека. Капитал — символ, но не закон. Материалистическая диалектика поставляет человека и общество в суровую необходимость следования определенным путем; любое явление может быть истолковано данной теорией, но в этом и ненаучность, некая религиозность такого миропонимания. Так, теорию Маркса можно критиковать и с позиции Карла Поппера, и шире — с позиции Пола Фейерабенда. Пользуясь инструментарием Маркса, мы не отдаем себя в рабство марксизму.

Еще необходимо привести точку зрения американского экономиста, представителя неоклассического направления, представителя глубинного государства профессора Ирвинга Фишера. Эксперт не проник в сущность капитала, но прекрасно описал его форму, что для нашей проблематики важно, так как сущность и форма — два предмета для понимания явления. Фишер в своей книге «Природа капитала и дохода» писал, что капитал — все, что генерирует поток услуг с течением времени. Востребованность услуг влияет на величину дохода, который они приносят, за вычетом затрат на поддержание и возмещение основной суммы капитала. Сам капитал и доход на него — не одно и то же, но они связаны ставкой процента (доходностью капитала). Уровень заработной платы в таком случае представляет собой процент на человеческий капитал. Так, основные положения теории Фишера сегодня доминируют в экономической мысли и практике международных финансов.

Новые подходы к пониманию феномена капитала

В современном научном дискурсе появляются новые теории капитала, что связано с возможностями и вызовами перехода к постиндустриальному обществу в странах капиталистического центра. Основными трендами развития в постиндустриальном мире принято считать высокую роль знания, порождающую феномен экономики знания, и переосмысление личных и общественных ценностей, в том числе с экономической точки зрения [11].

Постиндустриальное общество подразумевает доминирование инновационного сектора в экономике, которая характеризуется высоким уровнем производительности труда в промышленности, развитой сферой услуг и переходом к качественному экономическому росту. Наука рассматривается в таком обществе как главная движущая сила индустрии знаний, объявляя самыми ценными качествами уровень образования, творческие способности, профессионализм, т. е. личность человека.

В таком обществе меняются критерии подразделения общества на классы. В постиндустриальном обществе господствуют «креативный класс», интеллектуальная элита [14]. Идеолог постиндустриализма Дэниэл Белл писал: «постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [4]. Физический труд в таком обществе постепенно исчезает; все большее количество людей задействуется в интеллектуальной сфере; качество жизни повышается; человек преодолевает материальную нужду и фокусируется на собственном развитии, т. е. на смену «царству необходимости» приходит «царство свободы». Критерий общественного положения в таком обществе — человеческий капитал, т. е. наличие полезных знаний, умений, способностей, здоровья и пр. [15].

Помимо индивидуального человеческого капитала различают человеческий капитал фирмы и национальный человеческий капитал [18].

Такой подход сразу же ставит новые вопросы. Например, какие именно знания, умения и качества личности считать ценными для общества и кто будет определять критерии ценности; учитывая проблему имущественного и властного расслоения общества в контексте финансового капитала, стоит задуматься, не станет ли ос-

новным обладателем человеческого капитала и выгодоприобретателем от сложившейся системы узкая группа населения? и т. д.

Существует еще одно понятие — социальный капитал, являющийся выражением социальных связей и социальных сетей, которые используются для достижения каких-либо целей в общественной жизни.

Таким образом, оценивая существующие теории капитала, справедливо утверждать, что имеются категорически два подхода — широкий и узкий. Широкий подход подразумевает рассмотрение капитала как общественного феномена, в конечном счете определяющего способность его владельца достигать своих целей в обществе. Данная трактовка капитала находит свое выражение во всеобъемлющих теоретических и философских работах.

Узкий подход характерен больше для практиков и представителей неоклассической школы. Он подразумевает понимание капитала как формы экономической действительности, имеющей специфические характеристики, социальную принадлежность и используемой для воспроизводства самой себя.

Капитал в широком смысле и нарративный подход

Теперь мы предложим свое видение капитала как общественной категории, но сначала необходимо обозначить нашу позицию касательно общественных отношений вообще.

Общество — группа людей, объединенных чем-либо. Люди в обществе естественным образом образуют определенный тип человеческих отношений, который зависит от многих факторов — окружающей среды, физического наследия предков, культурного и психологического наследия (область ума и характер), особенно языка и пр. [3]. Несомненно, что как не существует общества без человека, так и общественных отношений нет без их носителя.

Одним из главных вопросов общественного устройства является вопрос о природе власти. В данном смысле мы придерживаемся натуралистического подхода (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк) в следующем смысле. Различия между людьми существуют, и они по большей мере заключены в самой природе человека. Данные различия порождают разделение между людьми относительно вопроса власти на тех, кто господствует, и тех, кто подчиняется. Господствующую группу мы назовем «знатью», подчиненную — «простонародьем». Знать пользуется льви-

ной долей привилегий общества, простонародье же обеспечивает знать данными привилегиями (материальное вознаграждение, социальный статус) в обмен на что-то. Сам по себе вопрос отношения между знатью и простонародьем требует отдельного исследования, так как очевидно, что такие отношения могут осуществляться в различных формах и иметь на разных исторических этапах весьма различающиеся характеристики. Но для настоящей работы важно зафиксировать именно характер данных отношений в общем виде.

По нашему мнению, на протяжении всей истории человечества существует такое разделение, исходя из которого формируются все прочие разновидности общественных отношений — политические, экономические, культурные, психологические и пр.

Конечно, с экономической точки зрения главным атрибутом знати следует считать владение капиталом. Так, по нашему мнению, капитал является имущественным выражением привилегии в обществе, в экономическом смысле означает причастность к знати. При чем капитал как категория общественных отношений может проявляться в различных формах.

Капитал является капиталом постольку, поскольку его конкретная форма признается сторонами общественных отношений. Поэтому капитал — всего лишь инструмент, который используется его владельцами для достижения определенных целей. Данные цели определяют и интенции капитала, т. е. направленность развития данной формы общественных отношений (например, валютный курс, формы денег, ценность товаров и пр.).

Для нас форма отношений — ничто, но сущность их, намерения — все.

На наш взгляд, общественные отношения и события, связанные с их проявлением в истории, можно изучать с точки зрения нарративного подхода. Нарратив как понятие в философии постмодерна фиксирует процесс осуществления текста как способа его бытия. Изначально термин использовался в историографии в рамках концепции «нарративной истории», согласно которой исторические события возникают в контексте рассказа и его интерпретациях о них, а не в результате железных законов исторического развития.

Нарратив — история, побуждающая к действию отдельного человека и массы в целом. Нарратив рождает интенцию и наоборот так же, как слово рождает эмоцию. Теоретически вопрос о взаимо-

связи нарратива и интенции остается открытым для будущих исследований.

Нарративный подход активно используется исторической, филологической, психологической и некоторыми другими социальными науками. В этом плане экономисты недостаточно внимания уделяют данному методу исследования, который мог бы позволить дать ответ, в том числе и на поставленную нами проблему.

Так, главным нарративом для капиталистического общества является стремление к увеличению богатства (по мнению д.э.н., профессора Катасонова [9,73]), но такая позиция не совсем точна. Богатство — не обязательно капитал, так же как и золото и серебро — не обязательно деньги. Для капитализма, в котором существует сегодня большая часть планеты Земля, важен именно капитал, который самовозрастает. Самовозрастание капитала может происходить различными способами. Главная форма приращения капитала — капиталовложение, или инвестиция.

Интенции капитала проявляются экономически в необходимости постоянного получения прибыли фактически любой ценой. Если же рассматривать капитал в широком смысле, то он стремится господствовать над всем обществом, все больше аккумулируя символы привилегии. А в условиях глобализации данные намерения распространяются, во-первых, вертикально — на все сферы человеческих взаимоотношений (политика, экономика, культура, наука и пр.); во-вторых, горизонтально — за рамки национальных границ, достигая глобальных масштабов. Процесс цифровизации жизни усугубляет тенденцию, во многих аспектах ускоряя концентрацию и централизацию капитала в широком смысле в руках интернациональной знати.

Конечно, данный нарратив не может не оставлять дисбалансов общественного развития. Наиболее же остро дисбалансы проявляются и чувствуются в экономической сфере.

Капитал в узком смысле

Капитал в узком экономическом смысле — конкретная форма общественных отношений, часто сумма материальных и нематериальных ценностей, которая может быть использована или используется для извлечения материальной выгоды.

Глобализация мировой экономики стала причиной трансформации форм движения капитала, но его основная интенция осталась без изменений, только приобрела всемирный характер.

Социальная природа власти, по Макиавелли, сводится к борьбе «знати» и «простонародья», а основными инструментами власти являются право («хорошие законы») и сила («хорошее войско»). С этим можно согласиться, но следует добавить, что на современном этапе мирохозяйственных отношений понятие власти политической, экономической, а что еще важнее — идеологической и культурной, с трудом отделимы друг от друга. В этом смысле, модифицируя марксистскую формулу, можно утверждать, что господствующая социальная группа доминирует или стремится доминировать во всех сферах человеческих отношений. Финансовый капитал в данном понимании является лишь экономическим проявлением власти «знати», которой обладают отдельные социальные группы, как на национальном, так и наднациональном уровне.

Финансовый капитал как апофеоз диалектики капитала, о котором уже велась речь выше, только инструмент, оформленный институционально, связанный с реализацией отношений власти — подчинения между «знатью» и «простонародьем» в экономической сфере. Причем финансовый капитал, в нашем понимании, как феномен, лишен политической и идеологической окраски; для каждого субъекта управления форма финансового капитала индивидуальна (зависит от этнической принадлежности элиты — «души расы», по выражению французского мыслителя Гюстава Лебона). Однако в целом финансовому капиталу присущи общие черты.

Самая главная черта — стремление к приращению. Сегодня указанная характеристика стоит перед вызовом ввиду глобальных дисбалансов. Например, можно говорить о невозможности размещения инвестиций как основы экономического процветания выгодно и безопасно ввиду следующих проблем. Глобальный вопрос сохранения сбережений усугубляется наличием огромного количества ликвидности центральных банков. Количественные смягчения (как монетарная политика Банка Англии, ФРС США, ЕЦБ, Банка Японии) размыли ценообразование на финансовых рынках, что создало прецедент стимулированного инвестирования, несмотря на фундаментальные основы стоимости (пример — Государственный пенсионный фонд Японии, Национальный банк Швейцарии) [1, 10].

Институциональная структура современной мировой финансовой системы сформирована финансовым капиталом и оказывает влияние на него, способствуя развитию двух характеристик: обезличенности и абсолютной мобильности.

Абсолютная мобильность подразумевает возможность находить точки приложения, невзирая на национальные границы и природу финансового инструмента. Трансграничные инвестиции в недвижимость, акции, облигации, деривативы, криптоактивы становятся равнодоступными.

Обезличенность проявляется в форме существования финансового капитала — инвестиционные фонды различной природы, скрывающие конечных владельцев. Пресловутая «собственность институтов». Помимо коммерческих организаций в рамках нашей классификации включены также благотворительные и трастовые фонды. Среди коммерческих организаций рассматриваемые фонды различаются по классу активов, отношению к конъюнктуре рынка, региональной направленности инвестиций etc. Особый тип инвестиционных единиц в современных условиях представляют фонды абсолютной доходности, иначе хедж-фонды. В мире наблюдается тенденция повышения интереса к ним.

Капитал и будущий облик мировой экономики

Как мы показали, капитал проявляет себя в разных формах, определяя векторы, по крайней мере, экономического развития человечества на ближайшее будущее. В целом существует два прогноза будущего развития мировой экономики. Первый сводится к тому, что достижение высокого уровня инноваций и производительности труда технологической позволит людям меньше времени уделять работе; они смогут посвящать время отдыху — быть художниками, поэтами, философами, проводить время с семьей и пр. Предпосылка такого будущего состоит в том, что преимущества технологического изменения и роста производительности труда будет разделять все общество.

Другой подход высказывает в своих лекциях Нуриэль Рубини. Так, если технологический сдвиг по своей сути является капиталоемким, и основные выгоды от инноваций извлекают владельцы капитала (в широком смысле), то тогда получится, что очень узкая прослойка мирового населения сможет жить в земном рае, остальные же будут довольствоваться примитивными работами с очень

низкой оплатой, если еще таковая останется после внедрения повсеместного машинного производства. Кроме того, даже само по себе представление о том, что человек в высоком уровне человеческого капитала сможет работать меньше, опровергается современной практикой — по мнению Рубини, он представляет из себя очень ценный ресурс для мира, но такая востребованность заставляет его работать по 12 час. в день; его друзья, инвестиционные банкиры Уолл-стрит со схожими личностными характеристиками, тоже работают по 100—120 час. в неделю.

На наш взгляд, представленный подход понимания капитала как общественной категории в широком смысле позволяет с большей вероятностью сказать, что владельцы человеческого капитала будут, как и прежде владельцы финансового капитала, присваивать общественный продукт (т. е. результаты общественного труда) в большей мере, чем те, кто не имеет доступа к такому капиталу.

Но следует заметить, что владение капиталом может быть обусловлено «в новом технологическом мире» именно личностными характеристиками — готовностью служить и выполнять заказ общества в том виде, в котором оно его потребует.

Если подумать, то так было всегда, но как бы скрыто. В «новом мире» человеческая сущность (человеческий капитал) будет явно отождествлена с положением человека в обществе.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что понимание капитала как экономической категории вовсе неоднородно в массе экономических теорий, разработанных до текущего момента. Во многих аспектах капитал понимается исходя из общей картины мира того или иного исследователя.

Меркантилисты, физиократы, представители классической школы и неоклассики, так же как и в некотором отношении Кейнс, придерживаются узкого подхода в понимании термина «капитал», распознавая его только как имущественный комплекс, использующийся для получения прибыли.

Маркс предложил концепцию капитала как общественного отношения, возникающего в период зарождения капиталистического способа производства. Следуя логике материалистической диалектики, Маркс подчинил развитие капитала строгим законам, обусловливающим генезис данного феномена.

В данной работе приведены начала нарративного подхода, который может быть использован для определения сущностных характеристик капитала с точки зрения широкого и узкого подходов. Так, предлагая свое видение общественных отношений, мы определили, что капитал является имущественным выражением привилегии в обществе, в экономическом смысле означает причастность к знати. Главным же нарративом в капиталистическом обществе является приумножение привилегий.

Капитал в узком экономическом смысле — конкретная форма общественных отношений, часто сумма материальных и нематериальных ценностей, которая может быть использована или используется для извлечения материальной выгоды.

Также в работе приведены новые подходы к пониманию капитала, связанные с вызовами и возможностями перехода к постиндустриальному обществу; дано определение человеческого капитала как наличия полезных знаний, умений, способностей, здоровья и прочих атрибутов личности.

Литература

1. *Афанасьев Д.Ю.* Влияние операций центральных банков на международные финансовые рынки // Банковские услуги. 2017. № 7. С. 10.

2. *Афанасьев Д.Ю.* Глобальная финансовая турбулентность и систематический риск: заблуждения профессиональных экономистов // Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен: кол. монография / Под общ. ред. и с предисл. Л.С. Ревенко; Моск. гос. ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. междунар. экон. отношений и внешнеэкон. связей. М.: МГИМО — Университет, 2017. С. 175—181.

3. *Афанасьев Д.Ю.* Душа народа и его история: заметки по прочтении трудов Гюстава Лебона: [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@afanasyev1/душа-народа-и-его-история-заметки-по-прочтении-трудов-гюстава-лебона-e120607b851>.

4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.

5. Большой латинско-русский словарь: [Электронный ресурс]. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php>.

6. *Бухарин Н.* Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Bukharin/index.html>.
7. *Канке В.А.* Философия экономической науки: Учеб. Пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 384 с.
8. *Катасонов В.Ю.* От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. М.: Издательский дом Кислород, 2014 448 с.
9. *Катасонов В.Ю.* Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2013. 408 с.
10. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
11. *Кузнецов А.В.* Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком // Философия хозяйства. 2013. № 5.
12. *Маркс К.* Капитал. Т. 1—3: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/>.
13. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: В 2 т. М.: Наука, 1993. 570 с.
14. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.
15. *Becker G.S.* Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
16. MIA: Encyclopedia of Marxism: Glossary of Terms: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/glossary/terms/c/a.html>.
17. *Ricardo D.* The Works and Correspondence / P. Sraffa, M. Dobb (eds.). Vol. 6. Cambridge, 1952.
18. *Shultz T.* Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.

References

1. *Afanas'ev D.YU.* Vliyanie operatsij tsentral'nykh bankov na mezhdunarodnye finansovye rynki // Bankovskie uslugi. 2017. № 7. S. 10.
2. *Afanas'ev D.YU.* Global'naya finansovaya turbulentnost' i sistemicheskij risk: zabluzhdeniya professional'nykh ehkonomistov // Mezhdunarodnye ehkonomicheskie otnosheniya: plyuralizm mnenij v ehpokhu peremen: kol. monografiya / Pod obshh. red. i s predisl.

L.S. Revenko; Mosk. gos. in-t mezhdunar. Otnoshenij (un-t) M-va inostr. del Ros. Federatsii, kaf. mezhdunar. ehkon. otnoshenij i vneshneehkon. svyazej. M.: MGIMO — Universitet, 2017. S. 175—181.

3. *Afanas'ev D.YU.* Dusha naroda i ego istoriya: zametki po prochtenii trudov Gyustava Lebona: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://medium.com/@afanasyev1/dusha-naroda-i-ego-istoriya-zametki-po-prochtenii-trudov-gyustava-lebona-e120607b851>.

4. *Bell D.* Gryadushhee postindustrial'noe obshhestvo. M.: Akademiya, 1999.

5. Bol'shoj latinsko-russkij slovar': [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php>.

6. *Bukharin N.* Politicheskaya ehkonomiya rant'e. Teoriya tsenosti i pribyli avstrijskoj shkoly: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Bukharin/index.html>.

7. *Kanke V.A.* Filosofiya ehkonomicheskoy nauki: Ucheb. Posobie. M.: INFRA-M, 2009. 384 s.

8. *Katasonov V.YU.* Ot rabstva k rabstvu. Ot Drevnego Rima k sovremennomu kapitalizmu. M.: Izdatel'skij dom Kislod, 2014. 448 s.

9. *Katasonov V.YU.* Religiya deneg. Dukhovno-religioznye osnovy kapitalizma. M.: Kislod, 2013. 408 s.

10. *Kejns Dzh.M.* Obshhaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe. M.: EHksmo, 2007. 960 s.

11. *Kuznetsov A.V.* Svoboda tvorchestva protiv svobody potrebitel'stva: vybor za chelovekom // Filosofiya khozyajstva. 2013. № 5.

12. *Marks K.* Kapital. T. 1—3: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/>.

13. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov: V 2 t. M.: Nauka, 1993. 570 s.

14. *Florida R.* Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushhee. M.: Klassika-XXI, 2005. 430 s.

А.П. НИКИТИН

Социальные и антропологические последствия развития технологий денежного обмена*

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и антропологические эффекты от развития технологий денежного обмена. Под технологией денежного обмена подразумевается способ фиксации бинарного отношения, в котором каждому агенту приписывается числовое значение. Это числовое значение в процессе обмена увеличивается у продавца, на аналогичную сумму уменьшаясь у покупателя. В развитии технологий денежного обмена наблюдается общая тенденция, заключающаяся в его постепенной дематериализации. Первоначальная форма денежного обмена — это использование различных предметов как знака стоимости. Условием такого обмена является реальное присутствие денег-предметов в обращении. Современная система фиксации денежных знаков в форме электронного счета позволяет совершать финансовые операции без непосредственной передачи вещей. Такие операции совершаются как обмен информацией, закодированной определенным способом. В работе описываются основные этапы на пути к этой технической форме. Социальные последствия развития технологий денежного обмена выражаются, в первую очередь, в его влиянии на процессы глобализации и локализации. С одной стороны, унификация технологий денежного обмена и денежной формы обуславливает возможность создания единого валютного рынка. С другой стороны, виртуализация денежного обращения уменьшает эффективность государственного контроля в финансовой сфере, в результате чего возникают сообщества, использующие свои собственные системы расчетов в торговых операциях (LETS-сообщества). Антропологические последствия развития технологий денежного обмена выражаются в феномене сближения человека с деньгами: как в телесном смысле, так и в ментальном. В физическом смысле сближение мо-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Никитин А.П. Социальные и антропологические последствия развития технологий денежного обмена // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 138—150.

жет завершиться созданием формы, в которой человеческое тело станет предметом фиксации денежного счета. В ментальном смысле сближение может завершиться исчезновением любых материальных форм, регистрирующих наличие денег.

Ключевые слова: денежный обмен, технологии денежного обмена, дематериализация, глобализация, локализация, электронные деньги, LETS-сообщества, социальное доверие, философская антропология.

Abstract. The article deals with social and anthropological effects from the development of money exchange technologies. The technology of money exchange means a way of fixing a binary relation in which each agent is attributed a numeric value. This numeric value in the process of exchange increases at the seller and decreases at the buyer proportionally. The general trend in the development of money exchange technologies is its dematerialization. The first form of money exchange is the use of different objects as a sign of cost. The condition for such an exchange is the real presence of money-objects in circulation. The modern system of fixing of money signs in the form of an electronic account allows you to make financial transactions without directly transferring things. Such operations are performed as the exchange of information encoded in a certain way. The paper describes the main stages on the way to this technical form. The social consequences of the development of money exchange technologies are expressed, first of all, in its influence on the processes of globalization and localization. On the one hand, unification of the technology of money exchange and money form determines the possibility of creating a single currency market. On the other hand, the virtualization of money circulation reduces the effectiveness of state control in the financial sphere, therefore there are communities using their own systems of settlements in trade transactions (LETS-communities). The anthropological consequences of the development of money exchange technologies are expressed in the phenomenon of approaching of person to money in the bodily and mental sense. In the physical sense, the approaching may end in the creation of a form in which the human body becomes the object of fixing of money account. In the mental sense, approaching may end in the disappearance of any material forms that register the presence of money.

Keywords: money exchange, money exchange technologies, dematerialization, globalization, localization, electronic money, LETS-communities, social trust, philosophical anthropology.

УДК 141.3
ББК 87.6

Развитие технологий денежного обмена. Развитие технологий денежного обмена можно рассматривать в двух смыслах. Во-первых, как развитие технологической среды, обеспечивающей существование денег как таковых (технология монетного дела, печати банкнот, электронной кодировки и т. д.). Во-вторых, как развитие денежных форм, которые также являются техническим средством — средством социальной коммуникации, несущем экономическую информацию о стоимости. Первый аспект проблемы важен в большей степени для представителей технических наук, поскольку раскрывает особенности технологического процесса эмиссии денежных знаков. Второй — вызывает интерес как у экономистов с социологами, так и у представителей гуманитарных наук, так как затрагивает вопросы функционирования коммуникативной среды человеческого сообщества. Возможно со стороны философии техники анализировать проблему в комплексе, подразумевая под технологией денежного обмена способ фиксации числового значения валютных единиц, переходящих от одного агента к другому в процессе их рыночного взаимодействия.

В эволюции технологий денежного обмена наблюдается общая тенденция, заключающаяся в постепенной дематериализации денежных форм. Первоначальный исторический вид денежного обмена — это использование различных предметов как знака стоимости. Условием такого обмена является реальное присутствие денег в обращении, при этом номинальная стоимость валюты определяется количеством вещей, выступающих в ее качестве. Иметь деньги в количестве «10 зубов кита» означает иметь 10 зубов кита, платить кому-то цену «10 сигарет» означает отдавать ему 10 сигарет и т. д. Современная система фиксации денежных знаков в виде электронного счета позволяет совершать финансовые операции без реального присутствия предметов — носителей количественного номинала. Эти операции совершаются в виде обмена информацией, закодированной определенным способом. Как образно выразился В.О. Пеле-

вин, «богатство, к которому всю жизнь стремится человек, в наши дни означает не подвалы, где лежат груды золота, а совершенно бессмысленную для непосвященных цепочку нулей и единиц, хранящуюся в памяти банковского компьютера» [8, 387].

На пути к этому состоянию денежный обмен прошел ряд технологических преобразований, каждое из которых увеличивало скорость финансового обращения. Первым шагом был отказ от привязки ликвидности денег к количеству предметов. Начало этому процессу положило использование не предметов в их количестве, а количественной меры (веса, объема и т. д.) какого-либо объекта (шелкель зерна, мина серебра и т. п.). Внедрение монет, а затем банкнот привело к тому, что эта количественная мера трансформировалась в систему счета, существующую в качестве номинала, но не обязательно в качестве самого объекта. Иметь деньги в количестве «1 фунт стерлингов» стало означать иметь монету номиналом «1 фунт стерлингов», но стало вовсе не обязательно иметь при этом Остерлингское серебро весом в 1 фунт. Номинал банкноты тем более не отражает реальное наличие каких-либо элементов мира, хотя долгое время был связан с золотым стандартом.

Собственно, отказ от золотого стандарта, совершившийся в 1976 г., когда возникла Ямайская валютная система, — это второй шаг в рассматриваемом нами направлении. Данная система закрепила существование валют как счетных единиц, используемых при обмене, ничем не обеспеченных и обращающихся по отношению друг к другу без строгой фиксации своей стоимости. Если до этого владеть 1 долларом означало опосредованно владеть 1/35 тройской унции золота, то теперь стало означать просто возможность купить что-либо за 1 доллар. Тем самым в современных условиях говорить о наличии денег аналогично тому, что говорить о наличии имеющихся альтернативах материального обогащения, но только альтернативах.

Для полного понимания сложившихся финансовых условий представим себе гипотетическую ситуацию, в которой человеку предлагают взять в личную собственность что угодно, что весит не более 10 кг. Для этого ему вручается оформленная строгим образом бумага, удостоверяющая эту возможность, на которой написано «10 кг». Но эта возможность не предполагает того, что у него есть 10 кг чего-то, она предполагает только альтернативу взять что-то, что имеет вес не более 10 кг. Можно выразиться более кратко: у

него есть знак «10 кг», но нет 10-ти килограммового объекта. Современные фидуциарные деньги существуют в таком же смысле. Иметь 100 рублей (неважно в какой форме — сторублевую банкноту или запись в электронном счете) означает иметь возможность что-то купить, при этом потратив не более 100 рублей. По отношению же к товарам фраза: «Этот предмет стоит сто рублей» — будет означать возможность быть приобретенным тем, у кого есть не менее ста рублей. «Наличие денег, таким образом, есть наличие возможности в приобретении чего-то, но не присутствие самого материального богатства» [5, 62].

Выражая стоимость товаров и услуг, выступая как средство обмена и накопления, и в этом прагматическом измерении являясь функциональными, семантически современные деньги самореферентны [4]. Как отмечает Ю.М. Осипов, «деньги — это всего лишь идеальные (мыслимые) цифры, однако цифры, за которыми стоит не что иное, как общепризнанная экономическая (товарная) значимость, она же ценность (одна цифра — одна ценность, единица ценности, ее первичный и исходный эталон). Выходит, что деньги оценены (в цифрах), а цифры эти — как раз денежные цифры. Деньги оценивают сами себя — это сами-себе-деньги!» [6, 7—8].

Социальные последствия. Дематериализация денежного обмена выполняет очевидную общественную функцию — увеличение информационной эффективности экономических взаимодействий в социальном пространстве и времени. Этот процесс в разы уменьшает организационные издержки, формируя новые альтернативы экономического роста. По мнению П. Кокшотта, важным в этом информационном прогрессе денежного обмена является формирование записи, фиксирующей отрицательный баланс [10]. Денежный обмен в общем представляет собой бинарное отношение, в котором каждой из сторон приписывается числовое значение. Известные в истории формы денег представляют собой следующие друг за другом шаги в развитии технологий записи этого отношения. При использовании монет число, связанное с каждым человеком, закодировано числом монет, которые у него на руках. Но монеты не очень совершенная технология записи, поскольку они могут фиксировать только положительные числа. Индивиды не могут носить в кармане –50 фунтов стерлингов. В этом отношении компьютерные базы данных являются более усовершенствованными денежными технологиями, так как способны связать экономического актора с состоя-

нием кредита или дебета. Индивид по-прежнему не может иметь на руках –50 фунтов стерлингов, но он может иметь счет на такую сумму. Как в монетарной, так и в информационной экономике возможна фраза: «У меня нет 1000 рублей», но в монетарной экономике нельзя представить фразу: «У меня есть минус 1000 рублей».

Вместе с тем денежная система, технически построенная как электронная система учета долговых обязательств, не обязательно должна быть государственной. Именно с внедрением электронных денег в мире стали активно распространяться так называемые LETS-сообщества — сообщества, использующие торговые системы местного обмена (Local Exchange Trading System), представляющие собой механизмы взаимных расчетов с привлечением локальной валюты. По мнению известного финансиста Б. Лиетара [3], именно дополнительные денежные системы определяют конструктивность развития экономики в будущем. По его данным, скорость товарооборота без привлечения национальной валюты в качестве посредника увеличивается в три раза, а 1900 местных сообществ во всем мире в начале XXI в. «выпускали» собственную валюту. Эта цифра только увеличивается, в первую очередь за счет того, что «выпускать» здесь означает вводить в оборот обменную единицу в любой форме, в том числе виртуальной.

Типичный пример — системы взаимного кредита, основанные на учете обязательств, такие как швейцарский WIR, сардекс в Сардинии и др. В этих системах валюта функционирует как финансовая сеть — в бумажной форме деньги не существуют, а их электронная форма служит для клиринга и фиксации взаимного долга местными фирмами. Швейцарский WIR — наиболее успешный проект, существующий с 1930-х гг. и объединяющий на данный момент десятки тысяч фирм, занимающихся строительством, торговлей, гостиничными услугами и туризмом, сопровождением бизнеса и т. д. Начинаясь WIR как сообщество из 16 фирм, где все друг друга знают. Функционирует эта система по простому принципу, представляя собой клубную электронную систему учета взаимных долгов и открывающихся предложений. Идет торговля друг с другом в кредит, а организаторы ведут учет взаимных долгов. Результат — увеличение объема прибыли и взаимной торговли, при этом сделки проходят без наличности. Подобным путем развивался и сардинский сардекс, расчеты в котором построены на клиринговой системе, когда фирмы продают товары и услуги другим потребите-

лям по безналичному расчету, зарабатывая кредиты, которые тратят на приобретение нужных им товаров и услуг. Важным шагом к автономности системы стало согласие сотрудников предприятий, участвующих в проекте, получать заработную плату в сардексах.

Из существующих в России LETS-сообществ наиболее результативным оказался проект «100 друзей», созданный в Иркутске Сергеем Вагаевым. На данный момент количество участников клуба превысило 30 тыс. человек, а их география охватывает практически все крупные города России и стран ближнего зарубежья. Для обмена товарами и услугами между членами проекта используются обменные единицы, которые представляют собой фиксированный счет и не существуют в качестве наличности (система взаимного кредита). Задачей сообщества объявляется повышение благосостояния за счет эффективного обмена ресурсами. Участники оказывают друг другу услуги и предоставляют товары, получая за это О.Е. (обменные единицы), которые могут использовать для расчета за потребляемые товары и услуги с другими контрагентами, которые одновременно являются партнерами в общей коммуникативной сети.

Тем самым, одним из социальных эффектов развития технологий денежного обмена является формирование тенденций глобализации и локализации в равной мере. Национальная валюта в указанных тенденциях играет роль специфической медианы. Ее поглощение крупными мировыми валютами и глобальными платежными системами указывает на движение экономики в одну сторону; появление локальных валют — по отношению к национальным денежным единицам — демонстрирует движение экономики в противоположном направлении.

Здесь стоит отметить, что использование национальной валюты — это во многом вопрос национальной идентичности. Можно сколько угодно спорить об экономической эффективности поддержки национальной валюты, но для общественного сознания ее наличие — необходимый элемент государственной независимости, один из символов национального единства. Об этом говорит и символика самих банкнот — изображение российских городов на российских рублях, изображение американских президентов на американских долларах и т. д. При этом виртуальный рубль и виртуальный доллар эту функцию теряют, а широкое внедрение глобальных платежных систем, таких как WebMoney, PayPal и др., а также распространение криптовалют (Bitcoin, Ethereum и др.) позволяют го-

ворить, что национальным валютам как наличности в будущем вообще не будет места.

В принципе же возможно вообще не использовать никаких наименований для денежного расчета, кроме как числового индикатора. Как отмечает Дж. Серл, «на самом деле нетрудно представить себе общество, в котором есть деньги, но совершенно нет никакой наличности... Чтобы иметь деньги, нужна лишь система зафиксированных численных величин, с помощью которой человек (корпорация, организация и т.д.) приписывает чему-либо числовое значение, которое указывает в любой данный момент на количество денег, которое он имеет. Эти деньги можно использовать, изменяя числовое значение в пользу продавца, т. е. снижая его у себя и увеличивая у продавца» [9, 21]. Если же в качестве денежного расчета мы будем использовать просто набор цифр (не «100 рублей» или «50 долларов», а просто «100» или «50»), то о какой идентичности может идти речь, кроме той, что связывает нас с умением вести счет деньгам? Математика универсальна для всех стран, и гипотетическое единство денежной системы в этом отношении выглядит мощным фактором глобализации.

Но эта же виртуализация денежного обмена обуславливает создание множества локальных денежных систем, использующих свои собственные расчетные единицы в рамках сетевого взаимодействия. Эти локальные сообщества создаются как по региональному принципу (как сардинский сардекс), так и по групповому (как проект «100 друзей»). Они определяют правила обмена, курс по отношению к другим денежным единицам, принимают и исключают акторов хозяйственной деятельности из своих рядов, действуют как слаженная и эффективная система. Сотрудничество членов этих сообществ взаимовыгодно, что уменьшает диспропорциональность в распределении экономических благ. Трудность, с которой они сталкиваются, заключается в том, что как только начинается процесс их экспансии, включения все большего количества людей и организаций, то тенденции несоразмерности проявляются в той же степени, что у национальных и мировых валютных систем. Отсюда стремление сообществ, использующих свои собственные денежные единицы, к замкнутости. Растет их общее число, но количество членов каждого из них, достигнув определенного пика, увеличивается весьма медленно, что свидетельствует о локализации финансовой системы и социального пространства в целом.

Феномены глобализации и локализации финансовой системы в свою очередь непосредственно влияют на степень и уровни социального доверия внутри мирового рынка и экономических сообществ. Особенностью денежного обращения является его скрытая консолидирующая функциональность: «Одна из ключевых функций денег состоит в распределении доверия среди анонимных индивидов, которое создает необходимую основу для формирования больших рыночных сетей» [2, 69]. Это доверие — аналог той уверенности, которую мы испытываем, общаясь с носителем русского языка на русском языке: обращаясь к нему, мы верим, что он понимает нас адекватно и его реакция будет соответствующей. Точно также мы верим в то, что бумажки, на которых написаны слова «пятьдесят рублей», «сто рублей», «тысяча рублей» и т. д. будут приняты другими россиянами как средство оплаты и как ценность.

То, что участники рынка с помощью денег выражают свое доверие друг другу, показал Г. Зиммель в работе «Философия денег» [11]. Чем больше людей использует деньги, тем выше заинтересованность социума в воспроизводстве денежного обращения. Рыночные агенты создают концептуальный образ других агентов, которых рассматривают как надежных партнеров в аспекте признания ими денежных единиц. Формируется общий опыт, делающий возможным рыночную торговлю без необходимости прямого взаимодействия. Плодотворный результат функционирования денег заканчивается в тот момент, когда они начинают рассматриваться не в качестве средства обмена, а в качестве средства накопления богатства. Это пример того, как в процессе интеракции первичные социальные единицы создают элементы, которые приобретают независимую от них функциональность и опосредуют отношения между ними. «Деньги принадлежат именно к этой категории овеществленных социальных функций. Функция обмена, как непосредственного взаимодействия между индивидами, сосредоточивается в форме денег как независимой структуры» [11, 174]. Являясь всеобъемлющим средством обмена, деньги становятся главной целью для большинства людей, что превращает их в символ, регулирующий всю культуру.

Сама экономическая эффективность денежного обмена как технической среды, «кровеносной системы» рынка во многом зависит от доверия к валютным единицам. Аристотель обращал внимание на то, что «стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переме-

нить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу» [1, 392]. Естественным образом требуются психологические усилия, чтобы доверить свое благополучие знакам, ничем не обеспеченным, кроме общего соглашения либо институционального установления. Национальные валюты в этом отношении выглядят более привлекательными, поскольку их обращение находится под гарантией государства. Если брать проект «100 друзей» (локальный проект), то стоит только С. Вагаеву закрыть свой сайт, и люди, предоставившие услуги и продавшие товары за О.Е., останутся ни с чем — плодотворность этой сети обеспечивается, таким образом, чистотой намерений участников по отношению друг к другу. Но такой же результат может ожидать и участников глобальных проектов типа Bitcoin, например, в случае правового запрета системы.

Антропологические последствия. Не менее важны антропологические последствия развития технологий денежного обмена. Как известно, в эпоху существования товарных денег человек мог выступать в их качестве, если денежной единицей признавался раб. Эволюция денежных средств такова, что ситуация существования человека как денег может вернуться вновь, только в ином смысле, чем было при институте рабства (т. е. речь идет не о функционировании денежных единиц «1 человек» или «100 человек», что уже из области технической антиутопии). Сам процесс дематериализации денежного обмена непосредственно сближает человека с финансовыми средствами. Ношение зубов кита для покупки необходимой вещи — ситуация, в которой деньги не так физически удобны для человека, как если бы он носил кошелек с монетами. Банкноты в этом отношении еще более предпочтительны по легкости и транспортабельности. Кредитная карта казалась вершиной этой эволюции, но теперь мы можем пользоваться расчетами с помощью смартфона или любого устройства, в котором есть выход в интернет. С помощью Google glass можно совершить покупку, просто надев соответствующие очки. Технология DuoScin позволяет хранить данные о своем счете на переводной татуировке и расплачиваться с ее помощью. Рынок беспроводных гаджетов все более сближает деньги и человека, что говорит о нарастающей вероятно-

сти функционирования денежного обмена как обмена человеческими действиями, а не предметами.

Один из таких вариантов «антропологизации» денежного обмена представлен в фильме Э. Николла «Время» (2011). При всей художественной невыразительности фильма стоит обратить внимание на его философскую идею: если время — это деньги (как утверждал Б. Франклин), а человеческая жизнь временна, то ее можно выразить в денежном эквиваленте, где количество дней, отведенных на жизнь, отражает наличие денежных единиц «дни», содержащих в себе «часы», «минуты» и т. д. Купить что-либо — значит отдать за это некоторую длительность своего существования, получить деньги в размере «2 часа» — значит продлить себе жизнь на 2 часа, установить цену за товар — значит установить эквивалент его жизненной необходимости: вопрос «Сколько стоит?» осмысляется как вопрос «Сколько жизни необходимо на это потратить?». Можно только догадываться, читал ли Николл сочинения К. Маркса и представителей Франкфуртской школы, но в сюжетном фоне фильма легко читается аналогия с гуманистической трактовкой денег как фактора отчуждения человека от собственной жизни.

Этот пример интересен тем, что демонстрирует этические проблемы монетарной экономики, где наличие денег является необходимым условием нормального, здорового человеческого существования. Николл подчеркивает телесный контекст сближения денег и человека (в фильме у каждого индивида находятся подкожные светящиеся часы, которые показывают, сколько осталось времени ему жить и, соответственно, сколько у него денег). Но тенденция «антропологизации» денежного обмена может идти и по другому пути, например, по пути сближения человеческого сознания с интернет-сетями. Тогда передача денежных средств от одного субъекта к другому будет всего лишь делом передачи информации от одного сознания к другому с помощью определенного типа кодировки. Обменный акт в этом случае будет представлен как ряд перформативных высказываний, а рынок как коммуникативная сеть, где перформативы выступают в качестве сообщений.

Вспомним, что успешность перформативов, в соответствии со взглядами основателя теории речевых актов Дж. Остина, полна условностей и сопутствующих обстоятельств. Эта условность заключается в необходимости совершения определенных действий, являющихся контекстом высказывания. Перформатив «денежной

единицей в Российской Федерации является рубль» (гл. 3, ст. 75, п. 1 Конституции РФ) успешен в связи с действиями по принятию Конституции Российской Федерации. Можно выставить на продажу товар в 1000 рублей (перформатив «Продаю это за 1000 рублей»), но для этого необходимо иметь в собственности данный товар. «Трудно, как вы понимаете, сделать подарок, произнеся слова “Я тебе дарю это” и не имея при этом ничего в руках» [7, 21]. По Остину, в такой же степени трудно оплатить покупку в 1000 рублей, не имея в наличии соответствующей суммы. Говоря об «антропологизации» денежного обмена, мы рисуем перспективу, в которой эта условность перестанет быть необходимостью, а для заключения договора купли-продажи достаточно будет свершения речевых актов «Передаю сумму N субъекту X », «Подтверждаю получение суммы N от Y » и т. д. Такая перспектива таит в себе множество рисков и неожиданных сценариев как для самого человека, так и для общества, один из которых — отказ от денег в любой их форме, ликвидация денежного обмена как устаревшей технологии рыночного взаимодействия.

Литература

1. *Аристотель*. Соч. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Веннерлинд К.* О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 65—82.
3. *Лиетар Б.* Будущее денег. М.: АСТ, 2007. 493 с.
4. *Никитин А.П.* Прагматические аспекты семиозиса денежных знаков // Философия хозяйства. 2016. № 3. С. 57—64.
5. *Никитин А.П.* Семиозис денежных знаков как проблема социальной философии // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 54—63.
6. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.
7. *Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. 332 с.
8. *Пелевин В.О.* Истории и рассказы. СПб.: Азбука, 2015. 512 с.
9. *Серл Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5—27.

10. *Cockshott P.* Money and the form of value // Information, Work and Value. 2007. P. 223—256: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/238680935> (дата обращения: 11.04.2018).

11. *Simmel G.* Philosophy of Money. L., N. Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2005. 543 p.

References

1. *Aristotel'*. Sochinenija. T. 4. M.: Mysl' Publ., 1983. 830 p.
2. *Vennerlind K.* O chem molchit prezrennyj metall? Semiotika deneg i obshhestvennyj kontrol' // Voprosy jekonomiki. 2010. № 2. P. 65—82.
3. *Lietar B.* Budushchee deneg. M.: AST Publ., 2007. 493 p.
4. *Nikitin A.P.* Pragmaticheskie aspekty semiozisa denezhnyh znakov // Filosofija hozjajstva. 2016. № 3. P. 57—64.
5. *Nikitin A.P.* Semiozis denezhnyh znakov kak problema social'noj filosofii. // Filosofija hozjajstva. 2015. № 4. P. 54—63.
6. *Osipov Ju.M.* Jekonomika kak est' (otkrovenija Zoila, ili Sudnyj den' jekonomizma). M.: TEIS Publ., 2017. 318 p.
7. *Ostin Dzh.* Izbrannoe. M.: Ideja-Press Publ., 1999. 332 p.
8. *Pelevin V.O.* Istorii i rasskazy. SPb.: Azbuka Publ., 2015. 512 p.
9. *Serl Dzh.* Chto takoe institut? // Voprosy jekonomiki. 2007. № 8. P. 5—27.

Н.Л. СМЕЛИК

Формы количественно-качественных изменений: причинность и функциональность*

Аннотация. В статье рассматриваются формы количественно-качественных изменений. Предлагается формой количественно-качественного изменения считать пороговое состояние отношения,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смелик Н.Л. Формы количественно-качественных изменений: причинность и функциональность // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 160—160.

при котором меняется его качество. На основе обобщения выделены формы количественно-качественных изменений — появление, исчезновение, изменение уровня, сдвиг, скачок и разрыв. Рассматриваются причины и функции форм количественно-качественных изменений. Общая функция форм количественно-качественных изменений заключается в том, что они являются источником и содержанием цикла или его фаз (кризиса).

Ключевые слова: форма количественно-качественного изменения, причина, функция, появление, исчезновение, сдвиг, разрыв, скачок.

Abstract. This article discusses the forms of quantitative-qualitative changes. Proposed form of quantitative-qualitative change count threshold State of the relationship, which is changing its quality. On the basis of generalization of highlighted form quantitatively qualitative changes — appearance, disappearance, change, shift, leap and gap. Examines the causes and functions of the forms of quantitative-qualitative changes. A general feature of the forms of quantitative-qualitative changes is that they are the source and content of cycle or its phases (crisis).

Keywords: form of numerical and qualitative changes, cause, the function, the appearance, disappearance, displacement, gap, leap.

УДК 330
ББК 65

Категории «качество» и «количество» являются фундаментальными категориями диалектического метода Г.В.Ф. Гегеля, а именно, закона перехода количественных изменений в качественные [8]. Есть философское представление о том, что «количественные изменения предмета являются постепенными, а качественные — скачкообразными» [17, 157]. Поскольку разделение количественно-качественных и качественно-количественных изменений пока представляется невозможным, то в дальнейшем используется понятие количественно-качественных изменений как наиболее общее понятие.

Важно определить формы количественно-качественных изменений как пороговые состояния, момент устойчивости системы и ее элементов, в которых теряется старое и приобретает новое ка-

чество, выделить формы количественно-качественных изменений— появление, исчезновение, изменение уровня, сдвиг, скачок, разрыв.

Появление и исчезновение можно соотнести с видами движения по Аристотелю — возникновением и уничтожением. При этом Аристотель рассматривает эти категории как противоположные: «возникновение — это не уничтожение» [3, 48]. Появление, согласно Г.В.Ф. Гегелю, представляет собой возникающее, но пока не воспринимаемое, иное, приходящее на смену уходящему [8]. Появление определяется и как первая форма движения, как первичное явление [2]. Появление осуществляется как изготовление нового блага (нового источника сырья), внедрение нового способа, освоение нового рынка, конструирование, протезирование и импортирование новых институтов, производств [26; 20].

В рамках причинности появление определяется как активность по формированию будущего через изменение структуры, организованности системы, создающая возможности для отбора более ценных элементов через конкуренцию [5; 6].

С точки зрения функционального аспекта появление оценивается как, первичное явление, изменяющее организованность системы и создающее возможности для отбора более ценных элементов через конкуренцию, проявление баланса доминантных и миноритарных форм собственности [2; 18]. Кроме того, появление выступает источником циклической динамики параметров экономической системы. Так, в инновационных теориях длинных волн Й. Шумпетера, С.Ю. Глазьева, Ю.В. Яковца и др. в качестве причин циклической динамики рассматриваются импульсы нововведений [33; 9, 34]. Нововведение определяется как необратимое изменение способа производства вещей, имеющее историческое значение (появление новой техники, новых товаров, форм организации, новых рынков). Появление разных систем земледелия (примитивной, экстенсивной, переходной, интенсивной) становится причиной возникновения разных земледельческих циклов [7, 19].

Исчезновение проявляется изменениями формы движения, разрушением прежнего качества, ликвидацией отношений [5; 25]. Причинность исчезновения, согласно А.А. Богданову, вызвана появлением противоречий, ведущих к кризисам, а затем — к преобразованиям или разрушению [5, 35]. Функция исчезновения, как показано К. Марксом и Ф. Энгельсом, заключается в преодолении кри-

зиса (через уничтожение массы производительных сил и освоения новых рынков с основательной эксплуатацией старых) [19].

Изменение уровня широко используется в исследованиях и составляет основу экономико-статистического анализа. Еще Аристотель рассматривал рост как неумножение [3, 48]. Важнейшим предметом экономических исследований является вопрос роста уровня материальных и социальных человеческих потребностей [19]. Богданов объясняет процессы развития природы и общества на основе двух противоположных тенденций: повышения устойчивости (рост уровня. — *Н.С.*), вследствие интеграционных процессов, стремления к равновесию и понижения устойчивости (спад уровня. — *Н.С.*) [5, 35]. Изменением уровня является экономический рост, инфляция и др. [15; 12]. Так, в кейнсианской модели экономического роста выделены факторы, определяющие уровень национального дохода [13]. Инвестиционная теория цикла Э. Хансена раскрывает циклическую динамику на основе периодического роста и спада уровня инвестиций [30]. Длинные волны Кондратьева связаны с динамикой уровня мировых цен, номинальной заработной платы, добычи угля, золота, производства свинца, чугуна и т. п. [15].

Причинами изменений уровня являются появление и следующий за ним сдвиг в структуре. Так, неравномерный рост цен вызван диспропорциями общественного воспроизводства [21, 74]. Появление новой системы земледелия в совокупности систем земледелия вызывает рост уровня объемов производства [7, 29]. Функциональное значение изменения уровня заключается в достижении порогового значения, меняющего известное качество отношений, а также в содержании цикла.

Сдвиг в состоянии отношения заключается в изменении его структуры вследствие неравномерности темпов роста частей целого [12]. Проявляются сдвиги как изменения структуры, например, технологических укладов, [9]. Сдвиг как изменение доли (удельных весов) отдельных частей совокупности во времени носит циклический и нециклический характер [1; 10; 16]. Так, В.Г. Клинов определяет содержание длинной волны экономического развития как соотношение конструкторской и технологической ветвей НТП [14, 92].

Причиной сдвига считаются изменения количественных параметров экономической системы и ее функций (появление и исчез-

новение), взаимосвязей между ее элементами, законов взаимодействий, а также иерархического уровня их формирования [4; 14; 16].

Важная функция сдвига состоит в каузальности изменения уровня параметра. Г. Хаберлер выделяет среди причин экономического цикла сдвиги в спросе, в структуре производства [29, 7]. Причиной делового цикла, по Дж. Кейнсу, является изменение уровня спроса [13]. При этом изменение спроса связано со сменой настроений пессимистических оптимистическими, что можно рассматривать как сдвиг. К.А. Хубиев выделяет в современной экономике России большой трансформационный цикл (БТЦ), причиной которого считает гипертрофированное нависание финансового сектора над реальным сектором, т. е. сдвиг [31, 13]. К кризисам ведет снижение доли зарплаты в национальном продукте, как установлено К. Родбертус-Ягенцевым [22].

Сдвиг и изменение уровня являются основой формирования скачка. Впервые проблему скачка как всеобщей формы качественных изменений исследовал Г.В.Ф. Гегель [8, 151]. Скачок у Гегеля представляет собой снятие качества при разрушении старой определенности и неоформлении новой определенности. В диалектике скачок рассматривается «как перерыв постепенности», как «перерыв количественной постепенности», как выход за границы меры, как переход одного качества (вещи, состояния) в другое [11, 144]. Осуществляется скачок как состояние эволюции, социальной революции, промышленных, технических, технологических, аграрных, зеленой, компьютерной революций [24; 28].

Причинность скачка связывается с революционными изменениями, инвестированием, а функциональное значение — со сменой качества при разрушении старой определенности и оформлении новой [8; 32].

Для идентификации многократного увеличения признака за некоторый период времени используется понятие «разрыв» [33]. Разрыв состояния отношения имеет сложную структуру и представляет собой прерывность связей, функций и компаративность сопоставимых отношений внутри системы и между различными системами. Маркс в теории промышленных циклов и кризисов использует понятие разрыва (насильственного) в экономике при определении кризиса [19]. А. Дж. Тойнби в дискретно-стадиальном развитии цивилизаций выделяет надлом как стадию перед распадом [27, 85]. В кейнсианской теории дохода П. Самуэльсоном создана модель

равновесия между совокупными доходами и совокупными расходами («Кейнсианский крест»), в которой возникновение «инфляционного разрыва» или «дефляционного разрыва» ведет экономику к полной занятости [23].

Причинность разрыва связывается с субъектно иницируемыми действиями, нарушениями паритета отношений системы или элемента со средой, не соответствием действующих и инновационных институтов, ценностными противоречиями [5, 28]. Функция разрыва как перерыва в процессе ведет к разрушению качественно-состояния системы, становится причиной кризиса, развития посредничества и турбулентных состояний [19; 6].

На основе вышеизложенного можно выделить общую функцию форм количественно-качественных изменений, которая заключается в том, что они являются источником и содержанием цикла или его фаз (кризиса).

Литература

1. *Агапова Т.Н.* Методы статистического изучения структуры сложных систем и ее изменения. М.: Финансы и статистика, 1996. 198 с.
2. *Амирбегов М.Р., Амирбегов Ю.М.* Первопричина движения и время бытия. М.: Щербинская типография, 2010. 272 с.
3. *Аристотель.* Категории: С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля: Пер. с др.-греч. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2011. 86 с.
4. *Белокрылова О.С., Усатый П.С.* Структурные сдвиги в региональной экономике. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 2003. 160 с.
5. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. Кн.1. М.: Экономика, 1989. 300 с.
6. *Вахрушев Д.С.* Самоорганизация и динамическая устойчивость экономических систем: теоретико-методологические аспекты. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Кострома, 2004. 34 с.
7. *Гайсин Р.С., Кирюшин О.И., Ротенко Е.С., Мигунов Р.А.* Аграрные циклы: Монография. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2016. 143 с.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. СПб.: Наука, 2005. 800 с.

9. Глазьев С.Ю. Мировой кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26—38
10. Дедов Л.А. О некоторых причинах цикличности экономических процессов // Вопросы статистики. 2002. № 5. С. 65 — 66.
11. Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 298 с.
12. Казинец Л.С. Темпы роста и абсолютные приросты (Измерение и анализ). М.: Статистика. 1975. 191 с.
13. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.Г. Милейковского и И.М. Осадчей. М.: Прогресс, 1978. 494 с.
14. Клинов В.Г. Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства // Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Р.С. Гринберга. М.: Издательство «Учитель», 2016. С. 139—152.
15. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Кондратьев Н.Д. Избранные труды / Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Ред. кол.: Абалкин Л.И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю.В. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2002. 767 с.
16. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги в экономике. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. 164 с.
17. Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. 224 с.
18. Лукьянов Г.И. Отношения собственности в условиях неопределенности социальной трансформации / Г.И. Лукьянов, И.А. Чередниченко; ВПИ (филиал) ВОЛГГТУ. Волгоград: ИУНХ ВолгГТУ, 2015. 190 с.
19. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии / К. Маркс [Предисл. Ф. Энгельса; Пер. И.И. Степанова-Скворцова, провер. и исправ.]. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. 191 с.
20. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 445 с.
21. Протасов А.Ю. Циклическая динамика инфляции в экономике СССР: исторические тренды и распределительные конфликты // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 73—78.

22. *Родбертус-Ягцов К.И.* Исследование о капитале: торговые кризисы и государственное хозяйство. Пер. с нем. И.А. Давыдова. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2012. 208 с.
23. *Самуэльсон П.Э.* Экономика. Пер. с англ. М.: Вильямс, 2015. 1358 с.
24. *Селищева Т.А.* Трансформация структуры российской экономики. СПб.: СПбГИЭУ, 2005. 303 с.
25. *Сухарев О.С.* Структурные изменения в экономике: философия, институты, инвестиции. Брянск: Изд-во БГИТА. 1998. 287 с.
26. *Тамбовцев В.Л.* Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 83—96.
27. *Тойнби А.Д.* Постижение истории: Сборник: Пер. с англ / Сост. д.филос.н. Огурцов А.П.; Вступ. ст. д.и.н. Уколовой В.И. Заключ. ст. к.и.н. Рашковского Е.Б. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
28. XXI век: новые процессы и явления в экономике мира и России. Кн. 1: Хозяйственное переустройство современного мира и России. Институциональные преобразования в трансформируемых экономиках: монография / В.И. Гришин, Г.П. Журавлева, В.В. Смагина, В.М. Юрьев; М-во обр. и науки РФ [и др.]. М.: Тамбов, Изд-й дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 571 с.
29. *Хаберлер Г.* Процветание и депрессии: теоретический анализ циклических колебаний. Пер. с англ. О.Г. Клесмент, И.М. Осадчей, Р.Х. Хафизовой. Челябинск: Социум, 2005. 402 с.
30. *Хансен Э.* Экономические циклы и национальный доход // Классики неокейнсианства (Р. Харрод, Э. Хансен): В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 195—415.
31. *Хубиев К.А.* Большой трансформационный цикл и императивы посткризисного развития // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 13—20.
32. *Цветков В.А.* Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект / ИПР РАН. М.; СПб.: Нестор История, 2012. 504 с.
33. *Шумпетер И.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, ЭГ. Соловьева. М.: Эксмо, 2007. 864 с.

34. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. 382 с.

References

1. Agapova T.N. Metody statisticheskogo izucheniya struktury slozhnykh sistem i ee izmeneniya. M.: Finansy i statistika, 1996. 198 s.
2. Amirbegov M.R., Amirbegov YU.M. Pervoprichina dvizheniya i vremya bytiya. M.: SHHerbinskaya tipografiya, 2010. 272 s.
3. Aristotel'. Kategorii: S prilozheniem «Vvedeniya» Porfiriya k «Kategoriyam» Aristotelya: Per. s dr.-grech. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». 2011. 86 s.
4. Belokrylova O.S., Usatyj P.S. Strukturnye sdvigi v regional'noj ehkonomie. Rostov-n/D.: Izd-vo Rostovskogo uni-versiteta, 2003. 160 s.
5. Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshhaya organizatsionnaya nauka. Kn.1. M.: EHkonomika, 1989. 300 s.
6. Vakhrushev D.S. Samoorganizatsiya i dinamicheskaya ustojchivost' ehkonomicheskikh sistem: teoretiko-metodologicheskie aspekty. Avtoref. dis. ... d-ra ehkon. nauk. Kostroma, 2004. 34 s.
7. Gajsin R.S., Kiryushin O.I., Rotenko E.S., Migunov R.A. Agrarnye tsikly: Monografiya. M.: Izd-vo RGAU-MSKHA, 2016. 143 s.
8. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. SPb.: Nauka, 2005. 800 s.
9. Glaz'ev S.YU. Mirovoj krizis kak protsess smeny tekhnologicheskikh ukladov // Voprosy ehkonomiki. 2009. № 3. S. 26—38
10. Dedov L.A. O nekotorykh prichinakh tsiklichnosti ehkonomicheskikh protsessov // Voprosy statistiki. 2002. № 5. S. 65 — 66.
11. Dialekticheskaya logika / Pod red. Z.M. Orudzheva, A.P. SHEptulina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986. 298 s.
12. Kazinets L.S. Tempy rosta i absolyutnye prirosty (Iz-merenie i analiz). M.: Statistika. 1975. 191 s.
13. Kejns Dzh.M. Obshhaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Per. s angl. / Obshh. red. i predisl. A.G. Milejkovskogo i I.M. Osadchej. M.: Progress, 1978. 494 s.
14. Klinov V.G. Prichiny i posledstviya modifikatsii bol'shogo tsikla mirovogo khozyajstva // Krizisy i prognozy v svete teorii dlennykh voln / Pod red. L.E. Grinina, A.V. Korotaeva, R.S. Grinberga. M.: Izdatel'stvo «Uchitel'», 2016. S. 139—152.
15. Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya // Kondrat'ev N.D. Izbrannye trudy / Mezhdunarodnyj fond

N.D. Kondrat'eva i dr.; Red. kol.: Abalkin L.I. (pred.) i dr.; sost. YAkovets YU.V. M.: ZAO Izdatel'stvo «EHkonomika», 2002. 767 s.

16. *Krasil'nikov O.YU.* Strukturnye sdvigi v ehkonomie. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2001. 164 s.

17. *Levin G.D.* Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse. M.: Logos, 2007. 224 s.

18. *Luk'yanov G.I.* Otnosheniya sobstvennosti v usloviyakh neopredelennosti sotsial'noj transformatsii / G.I. Luk'yanov, I.A. Cherednichenko; VPI (filial) VOLGGTU. Volgograd: IUNKH VolgGTU, 2015. 190 s.

19. *Marks K.* Kapital: Kritika politicheskoy ehkonomii / K. Marks [Predisl. F. EHngel'sa; Per. I.I. Stepanova-Skvortsova, prover. i isprav.]. T. 1. M.: Politizdat, 1967. 191 s.

20. *Polterovich V.M.* EHlementy teorii reform. M.: EHkono-mika, 2007. 445 s.

21. *Protasov A.YU.* TSiklicheskaya dinamika inflyatsii v ehkonomie SSSR: istoricheskie trendy i raspredelitel'nye konflikty // Problemy sovremennoj ehkonomiki. 2015. № 2 (54). S. 73—78.

22. *Rodbertus-YAgetsov K.I.* Issledovanie o kapitale: torgo-vye krizisy i gosudarstvennoe khozyajstvo. Per. s nem. I.A. Davy-dova. M.: URSS LIBROKOM, 2012. 208 s.

23. *Samuehl'son P.EH.* EHkonomika. Per. s angl. M.: Vil'yams, 2015. 1358 s.

24. *Selishheva T.A.* Transformatsiya struktury rossijskoj ehkonomiki. SPb.: SPbGIEHU, 2005. 303 s.

25. *Sukharev O.S.* Strukturnye izmeneniya v ehkonomie: filosofiya, instituty, investitsii. Bryansk: Izd-vo BGITA. 1998. 287 s.

26. *Tambovtsev V.L.* Voznikovenie institutov: metodologo-individualisticheskij podkhod // Voprosy ehkonomiki. 2010. № 11. S. 83—96.

27. *Tojnbj A.D.* Postizhenie istorii: Sbornik: Per. s angl / Sost. d.filos.n. Ogurtsov A.P.; Vstup. st. d.i.n. Ukolovoj V.I. Zaklyuch. st. k.i.n. Rashkovskogo E.B. M.: Progress, 1991. 731 s.

28. KHKHI vek: novye protsessy i yavleniya v ehkonomie mira i Rossii. Kn. 1: KHozyajstvennoe pereustrojstvo sovremennogo mira i Rossii. Institutsional'nye preobrazovaniya v transformirue-mykh ehkonomikakh: monografiya / V.I. Grishin, G.P. ZHuravleva, V.V. Smagina, V.M. YUr'ev; M-vo obr. i nauki RF [i dr.]. M.: Tam-bov, Izd-j dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2011. 571 s.

29. *KHaberler G.* Prosvetanie i depressii: teoreticheskij analiz tsiklicheskih kolebanij. Per. s angl. O.G. Klesment, I.M. Osadchej, R.KH. KHafizovoj. CHelyabinsk: Sotsium, 2005. 402 s.

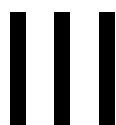
30. *KHansen EH.* EHkonomicheskie tsikly i natsional'nyj dokhod // Klassiki neokejnsianstva (R. KHarrodd, EH. KHansen): V 2 t. T. 2. M., 1997. S. 195—415.

31. *KHubiev K.A.* Bol'shoj transformatsionnyj tsikl i imperativy postkrizisnogo razvitiya // Problemy sovremennoj ehkonomiki. 2010. № 4. S. 13—20.

32. *TSvetkov V.A.* TSikly i krizisy: teoretiko-metodologicheskij aspekt / IPR RAN. M.; SPb.: Nestor Istoriya, 2012. 504 s.

33. *SHumpeter I.A.* Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. Per. s angl. V.S. Avtonomova, YU.V. Avtonomova, L.A. Gromovoj, K.B. Kozlovoj, E.I. Nikolaenko, I.M. Osadchej, I.S. Semenenko, EHG. Solov'eva. M.: EHksmo, 2007. 864 s.

34. *Yakovets YU.V.* Global'nye ehkonomicheskie transformatsii KHKHII veka. M.: EHkonomika, 2011. 382 s.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

А.Н. ФАТЕНКОВ

**Сотворение и порождение в диалектике мужского
и женского***

Аннотация. В контексте диалектики мужского и женского, не без доли иронии, сравниваются стратегии сотворения и порождения, креационизма и эманации. Выводится формула положительного мужского синтеза: творить порождая. Она подразумевает наличие натурно фундированного ума. Он обнаруживается, в частности, у А. Камю — в противовес рафинированному, с оттенками нигилизма, интеллекту Ж.-П. Сартра.

Ключевые слова: сотворение, порождение, мужское, женское, диалектика.

Abstract. In the context of the dialectics of male and female the strategies of creation and generation, creationism and emanation are being compared with a share of irony. The formula of positive male synthesis is being deduced: to create by generating. It implies a presence of nature-grounded mind. The mind of A. Camus can serve as a particular example of that — in contrast with the refined, with some shades of nihilism intellect of J.-P. Sartre.

Keywords: creation, generation, male, female, dialectics.

УДК 141.32
ББК Ю0/8

«Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь. / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверушку». В пушкинской строфе выражена главная, вернее, сразу следующая за главной претензия, которая может быть адресована женщине: дала жизнь не пойми кому. Но все-таки — из себя — дала жизнь: первейшее достоинство жен-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фатенков А.Н. Сотворение и порождение в диалектике мужского и женского // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 163—169.

ской природы остается непоколебленным (ни спиритуалистической «духовностью», ни технической «инноватикой» его не размыть).

«Ну сделай хоть что-нибудь!..» — уничижительная ремарка, бросаемая в сторону мужчины. Его немочь, нежелание, недееспособность презренны (чего ни за какими сожалениями и снисходительностью не скрыть). Когда же представитель сильного пола не чурается активности, на горизонте маячит другой укор: «Ну что ты творишь!..». Отбросив понукание, в котором сквозит намерение любыми средствами прибрать бедолагу к рукам, сохраним и подчеркнем (в пику безудержному активизму и гендерному умничанью) амбивалентность творчества-действия и асимметрию мужской и женской жизненных ситуаций. В появлении на свет уродливого существа виновата не обязательно женщина. В уродливом продукте с мужским клеймом никто более не виноват.

Где выше планка ответственности, там выше и потенциал свободы. Понятно, речь о мужчине — смотрящемся (за утренним бритьем: вполне достаточно) в экзистенциальное зеркало. С зазеркальем, инкорпорированным в посюсторонность, он потягается. Феминистские потуги и либеральную законосообразную уравниловку пошлет ко всем чертям, отправит в ярмарочный балаган, выставит на посмешище. Что бы ни декларировали мораль и право, эти эпифеномены социальной конъюнктуры, мужчина — в потенции — свободнее женщины. При этом, как ни парадоксально, мужская свобода, в сравнении с женской, имеет более четкие очертания, вполне обозримые пределы. (Беспредельность, оказывается, отнюдь не гарант и даже не предпосылочный атрибут земной свободы, а с другой человек вряд ли знаком.) Мужчина, возвращаясь к нему и к его возможностям, не способен натуральным образом из себя породить живое существо. Процедура клонирования, технически осуществимая, вероятно, сегодня, все равно даст именно технический результат: что естественно для клетки и композиции клеток не всегда естественно для организма (об иерархии сущего никак забывать нельзя).

Клонирование — это биотехнологическая экстериоризация «другого Я»; псевдонатурализация рефлексии, неотличимой от шизофрении. И это сугубо мужской проект. Несомненно. Гетеросексуальной женщине копия не нужна: лишняя соперница, и поопаснее «лучшей подруги». Гетеросексуальному мужчине, напротив, клон не помеха: он позволит разнообразить интимную жизнь, асимпто-

тически приблизив моногамию к сексу втроем. А в пространстве дискурса, нанизывания слова на слово, позволит легитимно, без наблюдения психиатра, разговаривать «с собой» как с другим и с другим как с собой. Где больше свободы (в ее возможности), там больше соблазнов и больше затей. Но далеко не все они от большого ума и щедрой души.

То же клонирование, к примеру, проект примитивно рассудочный. Он оставляет участников в поле, в общем-то, элементарной дубликации, ординарного бинаризма. Тогда как рождение завершает собой троичную конфигурацию: слияние двух начал ведет к появлению третьего, не сводимого полностью ни к одному из исходных. Рожаящая женщина естественным образом сопричастна стихии диалектики. Мужчине, чтобы быть диалектичным, т. е. натурным и действительно неглупым, надо не только тужиться, но и прилагать какие-то особые усилия. Производить что-то из чего-то — можно, конечно, однако кроме вещей, пусть и высочайшего качества, но всяко бездушных, в итоге не получится ничего. В качестве альтернативы возникают претенциозные, ирреально радикальные помыслы — к сотворению «из ничего». А вдруг?..

Креационизм, конечно же, доктрина мужского кроля. Увы, не самого удачного. И дело не столько в ее алогичности (скажем, в допустимости совечности Бога и ничто, противоречащей духу и букве монотеизма), сколько в ее эклектичности, в мешанине примитивной рассудочности и бестолкового безрассудства. Креационизм, с одной стороны, со школярской дидактикой постулирует непреодолимость барьеров-провалов между Творцом и тварью, между человеком и прочей живой особью (невзирая на постулативную опять же обоюдную причастность существу всего: и низшего, и высшего). С другой — упускает из виду ближайшие возможные доктринальные следствия: вечность души и ее вознесение к духу трудно отличить от бездушия, а волевой акт абсолютистски толкуемого Создателя — от произвола... и безволия.

Теория эманации (манifestации), с ее имманентистским неоплатоническим основанием и пантеистической панорамой, диалектичнее и душевнее (не зря приглянулась мистикам) креационистского трансцендентализма. В ней — мужской ум — универсализировал, возвысив до сверхнатурализма, идею плодотворной истекаемости. Тут — содержательно — запечатлено еще не само рождение и рождающееся, но уже существенный — не эфемерный, а

натурный, плотский — посыл к ним. Сущее здесь заметно пластичнее, нежели в креационистской модели: с барьерами, но без провалов. И все бы ничего: в иерархии залатаны дыры, она стала гибче, допуская восхождение-возврат низшего к высшему. Однако манифестируемое не в состоянии превзойти манифестирующее, возвыситься над ним. И это серьезный онтологический недостаток, не позволяющий эманации достичь высот порождения, когда родившееся существо становится порой впереди родителей, и не то что с их согласия — по их искреннему желанию, граничащему с самопожертвованием.

Структурно, тканью подвижной иерархии, схоже с порождением и подлинное творчество, когда судьба произведения нередко (но без всяких априорных долженствований и отвлеченных регулярностей) оказывается для мастера важнее его собственной участи. Иногда, как свидетельствует история культуры, доходит и до самопожертвования — и не ипостасного всего лишь, не одним своим лицом из нескольких, а всецелым и единственным, исключительно человеческим.

Итак, если уступать место женщине не от бессилия, не обреченно, а играючи, с гусарской молодцеватостью, мужчине не остается ничего, как только *творить порождая*. Творить из себя, из своих природных задатков, легированных участливым — в рост — влиянием немногих близких людей. Не согнуться под натиском — социальным и культуртрегерским — многих-иных. Не прельститься анонимным «другим». Не уповать на делание из чего-то. Не соблазниться бездной ничто (очарованье — в «бездонности» женской).

Дать укорот спекуляциям с ничто еще не означает принизить величие смерти — как последнего забвения, как небытия. Любой не чуждый экзистенциальному настрою интеллеktуал согласится: жизнь есть «бытие к смерти», случается, что и подначка для «смерти в кредит». В отвержении ничто, даже терминологическом отвержении, целенаправленно разоблачается не великий ужас конца, а ужасно самонадеянное начало: креационистский проект стерильного, беспримесного творения и его секулярный, радикально конструктивистский, извод с латентно присущими им обоим впадинами нигилизма.

Любопытную сравнительную характеристику двух французских экзистенциалистов встречаем в «Комментариях» Г.В. Адамовича. Альбер Камю и Жан-Поль Сартр — при некоторой схожести

существенно разнятся в мировоззрении. У первого — «ум, совесть и сердце еще находятся в естественном и непринужденном согласии... Это — человек в том смысле, в котором слово это действительно “звучит гордо”...» [1, 111]. У второго — ум уже находится в положении самодержца. «Симона де Бовуар, друг и подголосок Сартра (эпитетом врезано наотмашь, галантность с толерантностью отдыхают. — А.Ф.), писала в “Силе вещей”, что “Камю отстаивает ценности буржуазные, в то время как Сартр верит в правду социализма”. Вздор, который стыдно читать, — если только не подводить под понятие буржуазности все, что до сих пор называлось человечностью. <...> От книг Сартра, написанных скорее в опровержение оруэлло-замятинских фантазмагорий, чем в их поддержку, веет тем же ветерком ледяной справедливости, ледяного и неумолимого равенства. Ни одной оплошности в нравственно-социальных расчетах, ни одной уступки человеческим слабостям и мечтаниям. И человек задыхается. Сартр как будто — первый пришелец из неведомого “оттуда”, первый несомненно большой писатель с каким-то “кибернетическим” привкусом в творчестве... Он не пугает, но читателю страшновато» [1, 112—113].

Фатальностью финала всерьез давно уже никого не напугать: она в общих чертах если и не известна, то предугадывается. Страшит, приводит в недоумение вероятный изначальный онтический изъян, вполне возможно, и детерминирующий собой итоговый крах. Отмеченная ремаркой сартровская «нездешность» выказывает прямо или опосредованно, через непреодоленный креационистский искус, присущий манерно-нонконформистскому интеллектуалу нигилизм. Того же — ничтожного — происхождения и бездушно-«кибернетический» оттенок творчества Ж.-П. Сартра. И сверхправильная моральность его суждений подвешена, по сути, в пустоте, в конъюнктурных публичных декларациях, не совпадающих с линией личного поведения. Точнее, совпадающих с ней в эпатажно-скандальной, но без особого риска, проекции существования. В книге французского литературоведа Жака Бреннера читаем: «...Сартр, следуя шутливому определению Бернара Франка, “сразу после окончания войны объявил о всеобщей мобилизации”. Молодым человеком он отчаянно разоблачал недостатки своего класса, но он не хотел его ниспровергать» [2, 176]. В противовес — выписки из «личного дела» А. Камю: тот «смело и мужественно сказал простую вещь: есть пределы, которые человек переступить не мо-

жет»; в его произведениях не перестают пульсировать «и любовь к жизни, и бунт против вмененных нам условий существования»; «Жан Гранье справедливо говорил о “пьянящей прозорливости” Камю»; «он всегда был готов ответить на любой призыв о помощи, но суета его редко затрагивала»; «Камю никогда не рисуется...» [2, 179–180].

А Сартр? Буржуйчик, который всю жизнь лез из кожи вон, чтобы предстать перед публикой могильщиком буржуа. Жеманное недовольство прижизненной славой (дескать, это удел посредственности) и зависть к посмертной славе «проклятых поэтов» обусловлены очевидным хотением той и другой при немудреной догадке о невозможности пролонгации почестей (крепкого градуса, не банальных). Наконец, эта сомнительная творческая связь с Симоной де Бовуар, редактировавшей его тексты и его биографию. В мемуарах, вновь сошлюсь на Ж. Бреннера, она с легкостью приписывает низменные мотивы поведения политическим противникам, бывшим еще вчера их с Сартром друзьями (см.: [2, 176]).

Дополнительный штрих к портрету антигероя. Маруся Климова (Татьяна Николаевна Кондратович), классный переводчик на русский Луи-Фердинанда Селина и глава российского общества его друзей, знакомит с историей, услышанной от вдовы писателя (с Сартром изначально был на ножах). «В самом начале немецкой оккупации Парижа Жан-Поль Сартр явился к Селину с просьбой походатайствовать у оккупационных властей о постановке его пьесы “Мухи”» [3]. (В 1943 г. в неосвобожденной еще столице премьерно сыграна на сцене «Театр де ля Сите»; захватчиков, видимо, ничуть не напряг «эзопо-сопротивленческий» замысел пьесы.) Однако Селин тогда «отказался, сославшись на то, что не имеет никакого влияния на немцев. Сартр не поверил и затаил обиду» [3]. После войны, объявив себя одним из участников Сопротивления, он принял самое активное участие в травле Селина, обвинив его в том, что тот сочинил свои антисемитские и расистские памфлеты специально по заказу немцев и за деньги. Селин, в свою очередь, в послевоенных романах называет Сартра не иначе, как «Гартр» или «Сартир», считая его, помимо прочего, «одним из самых наглых своих плагиаторов, которые беззастенчиво обворовали его, присвоив себе практически все его художественные открытия» [3]. (Действительно, сартровская «Тошнота» бесспорно вторична по отношению к селиновскому «Путешествию на край ночи».) Именно в этом, в же-

лании избавиться от своего главного конкурента, Селин и видел главные причины развязанной против него клеветнической кампании (см.: [3, 123]).

Не секрет, что клуб представителей «свободных профессий», «творческих личностей» от гадюшника отличается не очень. Бывают, правда, и исключения. Эрнст Юнгер, встречавшийся в оккупированном Париже с Л.-Ф. Селином и с антипатией к нему относившийся (не всякому воюющему немцу французский коллаборационист по душе), позднее в мемуарах описывает того под вымышленным, мифологическим именем «Мерлина» (постановка ударения не акцентируется и особой роли не играет) — чтобы не навредить преследуемому коллеге-словеснику. Но то — офицер, мужчина...

Завершая, вернусь к диалектике полов, к несхоластическому ее аспекту. Недавно, оппонировав докторскую, услышал в фуршетном пересказе (стол был хорош!) вопрос одной университетской дамы другой: «Почему мужики умнее баб?». Признательный вопрос. Спасибо! Впрочем, а как иначе? Ум — то качественно приготовленное второе блюдо, которым мужчина по-настоящему интересен женщине. Сомнений нет: и что второе, и что качественное — если, в большом и малом, дружит с натурой.

Литература

1. *Адамович Г.В.* Собрание сочинений. Комментарии. СПб.: Алетея, 2000. 757 с.
2. *Бреннер Ж.* Моя история современной французской литературы / Пер. с франц. О.В. Тимашевой. М.: Высш. шк., 1994. 352 с.
3. *Климова М.* Моя теория литературы. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. 256 с.

References

1. *Adamovich G.V.* Works. Comments. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. 757 p.
2. *Brenner J.* My history of modern French literature. M.: Vysshaya shkola Publ., 1994. 352 p.
3. *Klimova M.* My theory of literature. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2009. 256 p.

Е.В. ЛЕДЕНЕВА

Толкование культуры у Зигмунда Фрейда*

Аннотация. Рассматривается фрейдовская интерпретация происхождения культуры, совести, представлений о добре и зле. Ценности не есть, согласно исходной установке фрейдизма, нечто раз и навсегда данное человеку. Однако они не являются и его изобретением, как сказал бы, например, Ницше. Автор приходит к выводу, что человек предстает у Фрейда как существо сделанное, появившееся в результате некоего спровоцированного извне надлома; как существо искусственное: то, что делает с ним культура, противоположно той естественности зверя, в которой он до этого пребывал. Культура оказывается у Фрейда совокупностью механизмов, сдерживающих деструктивные силы, таящиеся в глубинах индивидуальной психики.

Ключевые слова: принцип удовольствия, Эдипов комплекс, отцеубийство, агрессия, деструктивность, Танатос, братский союз.

Abstract. The article analyzes the Freudian interpretation of the origin of culture, conscience, ideas about good and evil. According to the original position of Freudianism, values are not something that given to man once and for all. However, they are not his invention, as Nietzsche would say, for example.

The author comes to the conclusion that a human is interpreted by Freud as artificially created being, which is the result of a certain outwardly provoked fracture. A human in Freud's concept appears as an artificial being: what culture does to him is the opposite of the naturalness of the beast that he was before. Culture appears to Freud as a set of mechanisms that restrain the destructive forces that lie in the depths of the individual psyche.

Keywords: pleasure principle, Oedipus complex, parricide, aggression, destructiveness, Thanatos, fraternal union.

УДК: 1(091), 159.9
ББК 87

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Леденева Е.В. Толкование культуры у Зигмунда Фрейда // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 170—185.

К теме культуры — точнее, происхождения культуры и морали — Фрейд обращается в работах зрелого (и позднего) периода¹. Представляется, что это — в каком-то смысле — предельный, итоговый вопрос, за решение которого берется автор концепции психоанализа.

Если брать теорию Фрейда в целом, то она исходит из предпосылки, что человек — существо, стремящееся к удовольствию: его поведение подчиняется «принципу удовольствия» и производному от него «принципу реальности». Фрейд ни в коей мере не предполагает (подобно Платону или Канту), что где-то в природе или в умопостигаемом мире есть некие вечные и универсальные добро и зло, ожидающие только того, чтобы человек их понял или открыл в себе.

Повторюсь, по Фрейду, человек в основе своей — это животное, стремящееся к наслаждению. И именно по этой причине данный вопрос является таким сложным для психоанализа: *почему человек, движимый принципом удовольствия, порождает мораль и культуру*, которые далеко не всегда приятны и не факт, что всегда полезны? Почему человек, послушный своим влечениям, порождает нечто, что «строится на отказе от влечений»? Фрейд пишет: «Не легко понять, что вообще в силах заставить влечения отклониться от удовлетворения... Мы должны задаться вопросом: благодаря каким влияниям появляется культурное развитие, каково его происхождение, чем определяется его течение?» [5, 95—96].

Как известно, моральные и культурные установки личности Фрейд связывает со Сверх-Я. Сверх-Я в свою очередь, согласно его концепции, формируется в процессе жизни человека — а именно в первые годы, — как, собственно, и вся структура психического аппарата. Сверх-Я, по Фрейду, отвечает за *социальное*: за те модели поведения, которым будет следовать в дальнейшей своей жизни индивид. В первые 3—4 года формируется Сверх-Я человека — т. е. он становится социальным существом, а без этого (так, наверное, нужно понимать Фрейда) он являлся не человеком, а всего лишь животным.

В попытках ответить на вопрос, как возникла культура (и мораль, что оказывается для Фрейда, по сути, одним вопросом), он

¹ Таких, как «Тотем и Табу» [7] и «Недовольство культурой» [5].

строит различные гипотезы, весьма спекулятивные и рискованные, что отмечалось и им самим, и его последующими критиками.

Это в первую очередь гипотеза, связанная с формированием так называемого «Эдипова комплекса». Согласно этой гипотезе, первыми объектами нежной привязанности человека являются его отец и мать. Подробно Фрейд разбирает случай ребенка мужского пола. Как правило, мальчик, пишет Фрейд, в возрасте двух-трех лет начинает осознавать свои чувства к матери и желание занять место отца рядом с ней. Соответственно его отношение к отцу становится противоречивым и сложным: 1) ему хочется, чтобы отец куда-нибудь исчез (уехал, умер); 2) он испытывает вину за это свое желание²; 3) а также он испытывает нежность к отцу и вину за эту нежность, которая не вполне стыкуется с заимствованным от того же отца эталоном мужского поведения³.

Случай взросления девочки не рассматривается Фрейдом столь же подробно. Характеризуя случай девочки в общих чертах, Фрейд предполагает, что она также испытывает нежную привязанность к матери и двойственные чувства к отцу. Однако исход этого инфантильного переживания оказывается (в типичном случае) дру-

² «Он чувствовал в отце, показывая это совершенно ясно, конкурента в симпатиях матери, на которую в темном предчувствии были направлены зарождающиеся сексуальные желания. Он находился, следовательно, в состоянии типичной направленности ребенка мужского пола к родителям, которую мы называем “комплексом Эдипа” и в которой видим комплексное ядро невротозов... Вытекающая из соперничества по отношению к матери ненависть не может свободно распространяться в душевной жизни у мальчика, ей приходится вступить в борьбу с существующей уже нежностью и преклонением перед отцом. Ребенок находится в двойственной — амбивалентной — направленности чувств к отцу...» [7, 319]. Фрейд называет этот комплекс по имени героя трагедии Софокла, который, сам не зная того — ведомый роком — убил своего отца-царя и женился на матери; сам Фрейд, разумеется, ни в какой рок не верит, по его мнению, в трагедии нашли выражение скрытые желания человека, в которых он не готов себе признаться.

³ «Отношение мальчика к отцу, как мы говорим, амбивалентно. Помимо ненависти, из-за которой хотелось бы отца, как соперника, устранить, существует обычно некоторая доля нежности к нему. Оба отношения сливаются в идентификацию с отцом, хотелось бы занять место отца, потому что он вызывает восхищение, хотелось бы быть, как он, и потому, что хочется его устранить» [4, 414].

гим: девочка начинает с возрастом идентифицировать себя с матерью⁴.

К возрасту пяти-шести лет вся эта история детской любви забывается (вернее, подвергается вытеснению). Но индивид, по версии Фрейда, не отказывается полностью от своей первоначальной цели. Он ее трансформирует, продолжая добиваться в символическом плане: пусть он не может (физически) занять место отца рядом с матерью, но может стать таким, каков его отец: таким же сильным, умным и т. д. Он проявляет навязчивое желание ему подражать. Образ родителя (по преимуществу отца) — идеализированный и абсолютизированный — становится частью психики, интериоризируется. Это, собственно и есть, по Фрейду, Сверх-Я.

Сила этого образа, настойчивость, с которой ребенок подражает родителю, питается и вновь и вновь подпитывается той смесью любви и вины, которую мы, согласно Фрейду, вынесли из детства, подвергнув забвению, но в то же время ее не забыв: указанное переживание вытесняется в бессознательное, но не исчезает из психики, оно продолжает влиять на то, что мы делаем и чувствуем.

В работе «Тотем и табу» Фрейд пытается представить себе, какой могла бы быть ситуация возникновения человечества в далеком прошлом; пытается смоделировать тот момент, когда звериная орда стала чем-то другим: тем, что мы можем уже назвать «человеческим обществом».

Наши ближайшие предки обезьяны (как и многие другие виды животных) живут прайдами. В прайде есть один доминирующий самец, которому принадлежат все самки. Самые архаичные человеческие общества, которые нам известны, устроены иначе. Они представляют собой сообщество мужчин — воинов и охотников, — которые тем или иным образом делят между собой женщин. Фрейд задается вопросом, каким мог быть переход от одного состояния к другому.

У животных молодые самцы изгоняются из прайда и живут отдельно. Можно предположить, рассуждает Фрейд, что такое вот сообщество изгоев решилось и нашло способ убить вожака прайда — своего отца [7, 331—333]. Фрейд также полагает, что они его

⁴«Эдипова установка маленькой девочки совсем аналогичным образом может окончиться усилением идентификации себя с матерью (или созданием такой идентификации), и это установит женственный характер ребенка» [9, 368].

съели, желая присвоить себе его силу и прочие положительные качества, ведь они не только ненавидели отца, поскольку он препятствовал их стремлениям к доминированию и обладанию самками, но также любили и восхищались им⁵.

«Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния, возникло сознание вины, совпадающее с испытанным всеми раскаянием... То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали... Они отменили поступок, объявив недопустимым убийство заместителя отца тотема, и отказались от его плодов, отказавшись от освободившихся женщин» [7, 333].

Так Фрейд объясняет возникновение специфически человеческого запрета — запрета на инцест, — который он считает базовым для конституирования общества: теперь члены племени будут искать «невест» на стороне, запрещая себе связи с родственницами.

Братья также поняли, что вместе они представляют собой силу и заключили «братский союз» (уже в человеческом смысле слова). Их обещание взаимной помощи, их солидарность держались на совместно пережитом драматическом эпизоде (убийстве отца), а отец был символически воскрешен ими в животном, которому они теперь стали поклоняться в качестве тотема.

По версии Фрейда, религия — любая ее разновидность — имеет в своем основании это переживание. Братья испытывали вину за убийство отца. Но отец был жесток, он не знал, что такое истина и справедливость. Он был просто животным. Первыми людьми оказываются братья, фигура отца сакрализуется *в их глазах*.

Религиозное отношение развилось, по версии Фрейда, из отношения к отцу: из восхищения перед отцом и вины перед отцом (которого мы все некогда — символически или реально — убили). Было ли Фрейду важно, чтобы эта история, рассказанная им в «Тотеме и табу», случилась в реальности? Случилась ли она, по его мнению, один раз или подобное могло происходить много раз, слившись в культурной и бессознательной памяти? Мы можем представить себе это как некое архисобытие, происходящее в бессоз-

⁵«Жестокий праотец был несомненно образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев» [7, 331].

знательном каждого человека. Однако похоже на то, что сам Фрейд полагает, что событие было вполне реальным (не ясно, правда, происходило ли оно один раз или множество). Поль Рикер [3, 204—205], считает, что Фрейду было принципиально важно показать, что эта история имела место в прошлом и что события, положившие начало нескольким религиям, *фактически произошли*. Собственно, в пользу такой версии говорит логика работы Фрейда «Человек по имени Моисей» [8].

Из этого — базового, по мысли Фрейда, — события возникла не только религия: «Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке — первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в «Тотеме и табу», они филогенетически приобретались в отцовском комплексе» [9, 372].

Любопытно, что Фрейд считает первоначальными носителями социального только мужчин. Это между ними заключался братский союз — а женщины, по мнению Фрейда, унаследовали социальное чувство, мораль и религию генетическим путем. Фрейд пишет, что скрещенная наследственность сделала все это (т. е. культуру) достоянием женщин [9, 372]. Сложно представить себе, как именно, по мысли Фрейда, это должно было происходить, тем более что в иных местах Фрейд не заговаривает об унаследованном от предков знании.

Фрейд обращает внимание на то, что у человека, в отличие от всех прочих животных, большой период детской беспомощности⁶. Он взрослеет удивительно медленно. А взросление — это период, когда человек *зависим и внушаем*, открыт для других человеческих

⁶«Если мы еще раз рассмотрим описанное нами возникновение “Сверх-Я”, то мы признаем его результатом двух в высшей степени значительных биологических факторов, а именно: длительной детской беспомощности и зависимости человека, и факта наличия его, Эдипова комплекса, который мы ведь объяснили перерывом в развитии либидо, вызванным латентным временем, т. е. двумя — с перерывом между ними — началами его сексуальной жизни. Последнюю, как кажется, специфически человеческую — особенность психоаналитическая гипотеза представила наследием развития в направлении культуры, насильственно вызванным ледниковым периодом. Таким образом, отделение “Сверх-Я” от “Я” не является чем-то случайным: оно отображает самые значительные черты развития индивида и развития вида, и, кроме того, создает устойчивое выражение влияния родителей, т. е. увековечивает те моменты, которым оно само обязано своим происхождением» [9, 370—371].

существ. Они могут оказывать на него влияние, лепить из него нечто, как из податливой глины.

Фрейдовское понятие «комплекса» (а «комплексы» есть у всех) отсылает к некой *сломанности* человека: он переживает в первые годы своей жизни некую драму, его либидо на несколько лет засыпает, а потом человек как бы начинает жить сначала (Фрейд говорит о «двух началах сексуальной жизни» [9, 370]).

Человек в интерпретации Фрейда оказывается сломанным животным (или же сломанным механизмом?). То, чем он является, сама человеческая суть, появляется в результате этой ломки. До нее он является всего-навсего зверем.

Итак, человек, как и все живые существа, стремится к удовольствию. И изначально ему не даны никакие внешние ценности, ради которых он мог бы от того или иного удовольствия отказаться. Но Фрейд, как он полагает, нашел ответ на вопрос, *ради чего* человек может отказаться от следования принципу удовольствия: «Такой мотив легко обнаружить в его беспомощности и зависимости от других. Его лучше всего назвать страхом утраты любви» [5, 117].

Маленький ребенок не будет совершать какие-то запрещенные ему родителем действия, потому что он боится потерять любовь и покровительство существа, которое ему *очень нужно*. Это и страх наказания, и страх утраты покровительства взрослого, и страх оказаться в одиночестве — все это, вероятно, сплетается в сознании маленького человека.

Таким первоначально входит в нашу жизнь зло: как страх утраты высшего существа. Фрейд пишет: «Поначалу, таким образом, зло есть угроза утраты любви, и мы должны избегать его из страха такой утраты» [5, 117]. т. е., по Фрейду, первоначально *добро* — это *то, чего хочет родитель*, а зло — перспектива его потерять (перспектива быть оставленным отцом).

В этом «зле» еще нет ничего в нашем понимании морального: маленький ребенок будет избегать запретного действия, только если у него есть основания полагать, что родитель о нем узнает. «Значительные изменения наступают вместе с интериоризацией этого авторитета, с возникновением “Сверх-Я”. Феномены совести поднимаются на новую ступень — по сути дела, лишь после того следовало бы говорить о совести и чувстве вины» [5, 117].

Теперь уже человек боится не разоблачения и ситуации наказания. Его Сверх-Я — его внутренний родитель — всегда с ним и

видит все. Нарушенный запрет всегда остается нарушенным запретом, даже если нарушение произошло только в мыслях и не вылилось ни в какие действия.

С того времени, как у человека сформировалось Сверх-Я, можно говорить, собственно, о человеке как о моральном существе. Фрейд полагает, что мораль и культура, которые есть у человека, — это результат некоего *внешнего влияния*. Он пишет: «Способность к изначальному, так сказать, естественному, различению добра и зла придется сразу же отклонить. Часто зло совсем не вредно и не опасно для “Я”; напротив, оно бывает для него желанным и приносящим удовольствие. Таким образом, здесь нужно говорить о стороннем влиянии, определяющем, что должно называться добром и злом» [5, 116—117].

Если задаться вопросом, «как у людей появляется чувство вины?», то первый ответ, который приходит на ум, будет следующим: человек ощущает себя виновным, когда чувствует, что совершил зло. А если всерьез принять точку зрения Фрейда?

Человек, согласно Фрейду (в силу длительного периода детской беспомощности и в связи с событиями, которые обусловили возникновение, а затем преодоление Эдипова комплекса), оказывается существом, подверженным внешним влияниям (воспитуемым). Вначале его формируют родители, затем эту роль берет на себя социум. Его совесть — это не что-то *естественное* — не голос Бога в душе — а некий выработанный поколениями *механизм*. В принципе, по Фрейду, если бы нас и наших предков в силу каких-то причин воспитывали иначе — мы бы испытывали вину за совсем другие вещи.

Здесь нужно обратить внимание на то, как Фрейдом понимается свобода (что он понимает под свободой индивида). Фрейд пишет: «Индивидуальная свобода не является культурным благом. Она была максимальной до всякой культуры, не имея в то время, впрочем, особой ценности, так как индивид не был в состоянии ее защитить. Свобода ограничивается вместе с развитием культуры» [5, 98].

Понимание Фрейдом свободы отличается от кантовского. И от того понимания свободы, которым руководствовались Джон Локк и Жан-Жак Руссо. У создателей теории общественного договора так же, как и у Фрейда, речь шла о том, что человек отказывается от множества своих притязаний, переходя из «естествен-

ного» состояния в общественное (т. е. культурное), но Локк и Руссо и многие другие вслед за ними полагали, что человек может быть *разумным* и *ответственным* существом. Существом, которое может разобраться с тем, что ему, собственно, нужно, что нужно другим, и как ему первое и второе (личные и общественные интересы) соразмерить.

Фрейд не доверяет человеческому разуму, не считает возможным надеяться на то, что, предоставленный самому себе, человек будет поступать рационально. Вот с кем у Фрейда действительно есть существенные пересечения — так это с Гоббсом (с тем, как тот описывает переход из естественного состояния в общественное): человек по природе зверь, его естественная свобода, которая ограничивается по мере культурного развития, — это *свобода делать все-как-мне-хочется*. И в таком же ключе Фрейд описывает возникновение права: встречается много эгоизмов — и большинство побеждает; воля большинства становится «правом», а воля индивида — грубой силой [5, 98].

Фрейд полагает, что, предоставленный самому себе, человек не будет поступать разумно и ответственно, и виной тому — даже не бескрайний человеческий эгоизм. Фрейд здесь усматривает нечто иное.

Если бы человек был последовательно эгоистичным существом, то сообщество людей могло бы строиться на *совместных интересах* (плюс, конечно, сексуальное влечение, которого никто не отменял). «Культурное сообщество можно представить состоящим из таких пар индивидов, которые, будучи либидинозно удовлетворенными, соединялись бы друг с другом узами совместного труда и взаимного интереса» [5, 103].

Но человек не таков. Он хуже, как полагает Фрейд. Мы способны сделать зло ближнему своему, причинить ему боль не только тогда, когда нам это выгодно — но и *просто так*.

В «Недовольстве культурой» и отчасти ранее — в работе «По ту сторону Принципа удовольствия» [6] — Фрейд решается существенно отойти от базовой предпосылки своей теории, заключающейся в том, что основной силой, управляющей человеческим поведением, является Эрос (сексуальное влечение). Теперь Фрейд склонен допустить существование второй, столь же могущественной силы, Танатоса, — иными словами — агрессии — как самостоятельного влечения.

«Человек, — пишет Фрейд, — не является мягким и любящим существом, которое в лучшем случае способно на защиту от нападения. Нужно считаться с тем, что к его влечениям принадлежит и большая доля агрессивности. Поэтому ближний является для него не только возможным помощником или сексуальным объектом; всегда есть искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессивности, воспользоваться его рабочей силой без вознаграждения, использовать как сексуальный объект, не спрашивая согласия, лишить имущества, унижить, причинить боль, мучить и убивать. *Nemo homini lupus...* Этой агрессивности нужна малейшая провокация; она вмешивается и при достижении какой-нибудь иной цели, которая могла бы быть достигнута и иными, более мягкими средствами» [5, 106]. Когда при каких-то обстоятельствах исчезают силы, ее сдерживающие, то «спадают покров, скрывающий в человеке дикого зверя, которому чужда пощада к представителям собственного рода» [5, 106].

Заметим, что у Фрейда носителем деструктивного начала является индивид с его желанием делать, как ему хочется, а общество вынуждено искать какие-то пути для того, чтобы эту деструктивность так или иначе сдержать. Общество не могло бы держаться только на соображениях совместной выгоды, потому что «инстинктивные страсти могущественнее разумных интересов» [5, 107]. Только такой же могущественный и первоначальный инстинкт может сдерживать Танатоса. Согласно версии Фрейда, социум сдерживает деструктивные стремления индивидов с помощью *эроса, заторможенного по цели*.

Что Фрейд понимает под «заторможенным по цели эросом»? Отношение к родителям, детям, братские и дружеские чувства — если следовать Фрейду — имеют в себе ту же эмоциональную основу, что и отношение к сексуальному партнеру. Это — тот же самый эрос, но перенаправленный, преломленный определенным образом. В этих случаях эротическое влечение не достигает своей «естественной цели», а сами чувства гораздо более уравновешены, далеки от буйства животной половой страсти.

Очевидно, что эрос, заторможенный по цели, есть и у животных (по крайней мере, это касается отношения взрослых особей с детенышами). У человека же культура берет его на вооружение и использует в своих целях, собственно это — ее главная цементирующая созидательная сила.

Как было сказано, общество, по версии Фрейда, сформировалось из братского союза мужчин. Их связывало не соглашение, не сознание необходимости трудиться и охотиться сообща. Это была гораздо более глубокая и эмоциональная связь: травмирующее переживание, можно сказать, *запечатало* их потенциальную взаимную агрессию. Они оказались теперь просто *должны* питать друг к другу теплые чувства (во имя отца, который мертв). Братья, заключившие между собой такой союз, оказались связаны эросом, заторможенным по цели.

Таким образом, в обществе, теперь уже человеческом, мы имеем два вида связей: внутри сексуальных пар и между всеми членами сообщества. «Половая любовь ведет к новым семейным союзам, заторможенная по цели — к “дружеским” объединениям, которые становятся культурно значимыми...» [5, 99]. В рамках супружеских и семейных союзов тоже присутствует любовь заторможенная по цели или нежность, но она не имеет такого культурообразующего значения, и поэтому Фрейду здесь не интересна.

По мере развития и усложнения социума, вторая подсистема начинает забирать на себя все больше энергии, человек оказывается *должен* все больше сил посвящать обществу. Эта энергия берется из сферы личной жизни индивида. Культура, пишет Фрейд, «отнимает у сексуальности значительную часть психической энергии, каковой культура пользуется в своих целях» [5, 100]. Культура налагает на интимную сферу жизни человека — где он может быть, собственно, счастлив или несчастлив — все новые и новые запреты и ограничения. И, соответственно, *счастья* в жизни человека становится все меньше.

Получается, казалось бы, достаточно бессмысленная ситуация: культура, порожденная человеком (очевидно, для его процветания), причиняет человеку весьма много страданий. Все могло бы быть иначе (казалось бы). Или будет: в будущем, когда люди освободятся от предрассудков, переосмыслят все культурные запреты и оставят только те, которые сочтут разумными. Но Фрейд считает, что это не так, *иначе быть не могло и не будет*⁷.

⁷«...Такого завидного состояния нет и никогда не бывало. Действительность учит нас тому, что культура не удовлетворяется уже существующими союзами, она желает связать членов сообщества либидинозно, пользуется для этой цели любыми средствами, поощряет установление сильных идентификаций между

Культура связывает индивидов цепями запретов на очень глубоком уровне. Сила этих запретов держится на чувстве вины, «задолженности» индивида перед обществом. Культура «мобилизует все силы заторможенного по цели либидо» [5], чтобы создать между членами социума *максимально сильные связи*, как можно более прочно связать их либидозно.

Цепи заторможенного по цели эроса кажутся на первый взгляд чересчур мощными, они лишают людей слишком многого. Но Фрейд убежден, что, если бы человеческая популяция не выработала в свое время таких сдерживающих механизмов — или если бы они в один прекрасный момент значительно ослабли — то общество просто взорвала бы изнутри взаимная агрессия, разнесла бы в клочья деструктивная сила Танатоса [5, 107].

Высокий уровень природной человеческой агрессивности «заставляет культуру идти на издержки», лишает индивидов значительной доли счастья для того, чтобы сохранить человеческий род в целом. «Культура должна напрягать все свои силы, чтобы положить предел агрессивным влечениям человека, сдерживать их с помощью соответствующих психических реакций» [5, 107].

Фрейд говорит также о механизме интериоризации агрессии. И ясно, что по мере усложнения человеческого общества нужда в этом механизме все возрастает. Ведь если древний человек жил маленькими сообществами, окруженными враждебными соседями и суровой природой — и у него было достаточно возможностей реализовать свои деструктивные порывы, — то у современного цивилизованного человека этих возможностей почти не осталось. Агрессия не находит выхода и остается в структурах психического аппарата.

Конрад Лоренц, писавший об агрессии позднее, в 1960-е гг., обращает внимание на пластичность этого инстинкта, на то, что агрессию можно перенаправить в игровую сферу, в спорт, в профессиональное соперничество и т. д. [1, 257 — 270]. Фрейд о таких вещах не думает. Для него агрессивность человека — это чистая деструкция, зло, которое можно только связать и удерживать. И это

членами сообщества. Культура мобилизует все силы заторможенного по цели либидо, чтобы подкрепить общественные союзы отношениями дружбы. Для исполнения этого намерения она неизбежно ограничивает сексуальную жизнь» [5, 104].

странно: ведь говорит же Фрейд о перенаправлении сексуального влечения!

Фрейд обрисовывает парадоксальный механизм образования и нарастания чувства вины. Как было сказано, Сверх-Я взрослого индивида наказывает его — чувством вины — не только за совершенные действия, но и за намерения. И если он отказывается от чего-то запретного, но продолжает этого желать — его Сверх-Я все равно считает его виновным и заслуживающим наказания. Фрейд пишет: «чувство вины возникает, несмотря на отказ» [5, 119]. Получается, что чувство вины возрастает по мере увеличения количества отказов: «каждый отказ делается динамическим источником совести, он всякий раз усиливает ее строгость и нетерпимость» [5, 120].

Если в психическом аппарате присутствует не растроченная ни на какой внешний объект агрессия — она поступает в распоряжение наказующего Сверх-Я. «Агрессия интроецируется, переносится внутрь, иначе говоря, возвращается туда, где она, собственно, возникла, и направляется против собственного “Я”. Там она перехватывается той частью “Я”, которая противостоит остальным частям как “Сверх-Я”, и теперь в виде совести использует против “Я” ту же готовность к агрессии, которую “Я” охотно удовлетворило бы на других, чуждых ему индивидах» [5, 116].

Получается, по Фрейду, что сила, которая питает и вновь и вновь усиливает чувство вины современного цивилизованного человека, в своем первоначальном (естественном) виде предназначалась для перегрызания глоток соседей или борьбы с хищными животными, и в каком-то однозначном отношении к некой абсолютной — если можно так сказать — «объективной» «праведности» или «виновности» индивида она не стоит.

Таким образом, у Фрейда мы найдем весьма мощную и фундаментальную критику культуры и морали. Он буквально разбирает их на составные элементы, показывает, *как это работает*. Фрейд демонстрирует культуру именно как *механизм*, выработанный популяцией *homo sapiens* в процессе борьбы за выживание, борьбы, в первую очередь с собственными темными инстинктами.

И в то же время Фрейд вовсе не революционер. По большому счету он полагает, что все нужно оставить на своих местах. Культура, по Фрейду, связывает индивидов отношениями максимальной интенсивности, чтобы противостоять деструктивным силам, скрывающимся в каждом человеческом индивиде. Она связывает людей

цепями заторможенного по цели эроса, чтобы не вырвался на поверхность зверь, живущий в каждом из нас.

Культура в интерпретации Фрейда имеет в значительной мере репрессивный характер, она принудительна: культура — это, прежде всего, *запреты*. Конечно, Фрейд не стал бы утверждать, что культура сводится только к запретам и ограничениям, но в центре его внимания находятся именно они: именно запреты осмысливаются Фрейдом в качестве *оснований* культуры.

Когда Фрейд говорит о состоянии современной ему культуры, он — привлекая сюда по аналогии психоаналитический метод — сравнивает ее состояние с состоянием человека-невротика, Сверх-Я которого стало чересчур требовательным⁸. Фрейд полагает, что это культурное Сверх-Я нужно немного ослабить, несколько снизить планку его требований, так, чтобы они стали «выносимыми» для индивида.

Но при этом оговаривается, что есть проблемы, связанные с культурой, которые вовсе невозможно разрешить⁹, что у человека есть — и всегда будут — причины для *недовольства культурой*. Культурные требования можно до известной степени оптимизировать, но все равно это будут *цепи*. Все равно это будет ситуация сдерживания и уравнивания одного темного инстинктивного начала другим, тоже не особо поддающимся рациональному контролю.

Выше говорилось, что в концепции Фрейда нет места свободе. Конечно, это не совсем так. Психика и социум предстают у Фрейда в высокой степени детерминированными механизмами. Это верно. Но сам факт того, что психоанализ *вскрывает* этот механизм, делает его видимым и понятным, — открывает возможность *некой свободы* и неких изменений общества.

Фрейда можно назвать — его так называет, в частности, Поль Рикер [3, 152] — одним из трех *философов подозрения* (наряду с Ницше и Марксом). Каждый из них по-своему разоблачает

⁸«...Не вправе ли мы поставить диагноз, согласно которому многие культуры или целые культурные эпохи (а возможно, и все человечество) сделались “невротическими” под влиянием культуры?» [5, 133].

⁹«Однако нам следовало бы свыкнуться с мыслью, что есть трудности, принадлежащие самой сущности культуры, недоступные каким бы то ни было попыткам реформ» [5, 110].

«ложное сознание», каждый из них по-своему занят указыванием на то, что все не всегда так, как представляется сознательному разуму, что есть скрытые мотивы и неочевидные причины. Зная их, индивид становится немного свободней¹⁰.

Однако это не отменяет ранее сказанного. Фрейд мыслит сущность культуры как нечто, в принципе неизменное во времени: она *всегда* будет тяготить человека, вызывать его недовольство, всегда останется в значительной мере репрессивной.

Впрочем, Маркузе, читая и комментируя Фрейда, с ним не соглашается. Он считает, что как раз психоанализ, изобретенный Зигмундом Фрейдом, делает мыслимым другой тип культуры, которому было бы чуждо отношение власти и которая, таким образом, не подавляла бы индивидуальное начало [2]. Впрочем, это уже замечания другого философа на полях фрейдовских построений.

Культура предстает в работах Фрейда как нечто крайне противоречивое. Она оказывается системой, состоящей из сдерживающих друг друга и взаимно ограничивающих сил. При этом Фрейд пишет (в конце «Недовольства культурой»), что у него нет ответов [5, 134]. Что ему удалось только выяснить *кое-что* о сущности культуры, в той или иной степени ее истолковать.

Примечательно также, что Фрейд, открывший европейцам глаза на огромную роль, которую играет при формировании нашего сознания бессознательное, при этом — в конечном итоге — вполне классически их (сознание и бессознательное) различает: сознательное (пусть и подкрепленное продемонстрированными Фрейдом древними механизмами вины) — *конструктивно*, а бессознательное (животное, низовое начало в нас), согласно Фрейду, — *деструктивно*.

Литература

1. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло). М.: Прогресс Универс, 1994. 372 с.
2. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого

¹⁰«Фрейд хотел, чтобы пациент присваивал до этого чуждый ему смысл, расширял поле своего сознания, жил лучше и шаг за шагом становился более свободным, а, если возможно, и более счастливым» [3, 234].

индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526, с.

3. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «Академия-Центр» «Медиум», 1995. 415 с.

4. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 2. Тбилиси: Мерани, 1991. 433 с.

5. *Фрейд З.* Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. 296 с.

6. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. Сб. произвед. М.: Просвещение, 1990. 448 с.

7. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. 399 с.

8. *Фрейд З.* Человек по имени Моисей. М.: Алгоритм, 2015. 317 с.

9. *Фрейд З.* «Я» и «Оно» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. 399 с.

References

1. *Lorents K.* Agressiya (tak nazyvaemoe zlo). М.: Progress Univers, 1994. 372 s.

2. *Markuze G.* EHros i tsivilizatsiya // Markuze G. EHros i tsivilizatsiya. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva. М.: ООО «Izdatel'stvo АСТ», 2002. 526, s.

3. *Riker P.* Konflikt interpretatsij. Oчерки o герменевтике. М.: «Академия-ТСентр» «Medium», 1995. 415 s.

4. *Frejd Z.* Dostoevskij i ottseubijstvo // Frejd Z. «YA» i «Ono». Trudy raznykh let. Кн. 2. Tbilisi: Merani, 1991. 433 s.

5. *Frejd Z.* Nedovol'stvo kul'turoj // Psikhoolaliz. Religiya. Kul'tura. М.: Renessans, 1992. 296 s.

6. *Frejd Z.* Po tu storonu printsipa udovol'stviya // Frejd Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo. Sb. proizved. М.: Prosveshhenie, 1990. 448 s.

7. *Frejd Z.* Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoj kul'tury i religii // Frejd Z. «YA» i «Ono». Trudy raznykh let. Кн. 1. Tbilisi: Merani, 1991. 399 s.

8. *Frejd Z.* Chelovek po imeni Moisej. М.: Algoritm, 2015. 317 s.

9. *Frejd Z.* «YA» i «Ono» // Frejd Z. «YA» i «Ono». Trudy raznykh let. Кн. 1. Tbilisi: Merani, 1991. 399 s.

А.Г. ШТЕЙНБЕРГ

К вопросу об онтологии женственности. К.Г. Юнг*

Аннотация. Данной статьей мы продолжаем разговор о проблематике женственности в европейской философии, в частности в немецкой. Поднимая сегодня вопрос о стилистике управления, о применимости и особенностях гендерных нюансов управления в различных сферах хозяйства, необходимо серьезно разобраться в социально-половых аспектах бытия человеческой личности, постулировав, так сказать, онтологию феминности. В структуре дискурса нами выделено два основных подхода: негативная и позитивная онтология женственности. В этом вопросе для нас крайне интересна специфическая позиция неоспоримого авторитета, известного теоретика в области философии и психологии бессознательного — К.Г. Юнга.

Ключевые слова: К.Г. Юнг, психология бессознательного, философия, концепция феминности.

Abstract. By this article, we continue the conversation about the problem of femininity in European philosophy, in particular, in German philosophy. Raising today the question of management stylistics, the applicability and peculiarities of gender nuances of management in various spheres of the economy, it is necessary to seriously understand the gender aspects of the being of the human person, postulating, so to speak, the ontology of femininity. In the structure of discourse, we identified two main approaches: the negative and positive ontology of femininity. In this issue, we are extremely interested in the specific position of an undeniable authority, a well-known theorist in the field of philosophy and psychology of the unconscious — K.G. Yung.

Keywords: K.G. Yung, psychology of the unconscious, philosophy, the concept of femininity.

УДК: 1(091), 159.9
ББК 87

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Штейнберг А.Г. К вопросу об онтологии женственности. К.Г. Юнг // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 186—193.

Точку зрения замечательного психоаналитика и философа на сущность и проявления женственности как объективного начала нельзя, на наш взгляд, конкретно отнести ни к негативной, ни к позитивной концепциям феминности. Автору свойственна особая точка зрения, крайне интересная для нас.

Итак, одна из главных для нас работ Юнга «Психологические типы». В ней анализируются, в частности, классические поэтические произведения и исповеднические сочинения раннего христианства («Пастырь»). Цель — показать, что «разрешающий принцип определяется как поклонение душе, символически выраженное в поклонении женщине» [2, 274]. «Средневековый оригинал Фауста потому имеет совершенно особенное значение, что у колыбели современного индивидуализма действительно стоит средневековый элемент. Началось все, как мне кажется с поклонения, что значительно укрепило мужскую душу как психологический фактор; ибо поклонение женщине имело в виду поклонение душе» [2, 275]. Узкопрофессиональные сентенции Юнга из области глубинной психологии и философии бессознательного сводятся к следующему синтетическому суждению: *представления древних людей о сущности женственности, выраженные во множестве мифологических и раннехристианских текстов — это чаще всего дихотомии и конфликт эротического и божественного.*

Женщина в фантазиях язычников и ранних христиан представляла «владычицей», «госпожой». В русле нашего анализа — владычицей и госпожой эротических переживаний и мечтаний мужчины. Говоря о мужчине древности, автор писал: «Таким образом, бессознательное является ему миром противостоящим или сверхмиром, в котором совершаются события и движутся люди, наподобие действительного мира. Его владычица жена предстает ему не в эротической фантазии, но в “обожествленном” виде, подобно богине на небесах. Это обстоятельство указывает на то, что эротическое впечатление, вытесненное в бессознательное, оживило лежащий наготове первообраз богини, т. е. первоначальный душевный образ. Очевидно, эротическое впечатление сочеталось в коллективном бессознательном с теми архаическими осадками, которые от века хранят в себе следы мощных неизгладимых впечатлений о сущности женственности, — женщины, как матери, и женщины, как желанной девы. Эти впечатления потому были могучи, что как в младенце, так и в зрелом муже они разряжали си-

лы, непосредственно заслуживающие атрибута божественности, т. е. чего-то непреодолимого, безусловно принуждающего» [2, 279].

Робость, которая охватывала первобытного человека перед всем неведомым, особенно перед сильными проявлениями страстей, олицетворявшихся женщиной и влечением к ней, по мнению Юнга, выступает защитным механизмом против утраты души. Представляется, что *именно стремлению к возвращению либидо обратно в бессознательное и подчинено яркое желание обожествить женщину, превратить ее в госпожу*. И вернуть, таким образом, душу, чуть было не потерянную в порыве губительной страсти. Человек, снedaемый эротическими стремлениями и фантазиями, боится их и сознательно стремится освободиться от них. Но... «поэтому женщина и его госпожа, т. е. душа, беспощадно вскрывает наличность его греха и тем освобождает его от тайной привязанности к объекту. Этим она, «как сосуд благочестия», перенимает ту страсть, которая стремилась бесполезно растратить себя на объект» [2, 281].

В дальнейшем, считает Юнг, *официальное христианство впитывает в себя гностические элементы служения женщине, освобождает их от последних романтических начал чувственности и телесности*. Так появляется культ Девы Марии, что привело к тем, как представляется, роковым последствиям, которые и являются, собственно, спецификой данного исследования. «В этой ассимиляции с общим христианским символом погиб с самого начала тот росток мужской душевной культуры, который развивался в служении женщине. Душа мужчины, выражавшаяся в образе им самим выбранной госпожи, утратила индивидуальное выражение со своим переходом во всеобщий символ» [1, 290]. Весь спектр душевных отношений к женщине стал отныне выражаться во всеобщем, гендерно нейтральном, так сказать, почитании Марии.

Образ женщины как объект почитания мужчины утратил свою ценность. *Коллективное обожание Богородицы вытеснило в область бессознательного ценность индивидуально-маскулинного поклонения перед женщиной. Телесная, желанная, плотская женщина «обесценивается» в прямой зависимости с ростом ценности Богородицы*. Либидо, по-прежнему нацеленное на поиски объекта, как известно, таким образом перенаправляется целиком на оживление «инфантильно-архаических доминант». Реальную

женщину начинают любить и почитать заметно меньше, что наряду с усиливающимся почитанием Девы Марии, celibатом духовенства и общим ужесточением морали в конце концов приводит к средневековой «охоте на ведьм».

Процесс символизации либидо, выразившийся в легендах «о Граале», т. е. в неких сказочных образах указывает, по мнению Юнга, на одухотворение эротического служения женщине. Но одухотворение, как известно, это всегда удержание некоего количества либидо от непосредственного изживания в сексуальном действии. Именно эта удержанная часть и «отправляется» в бессознательное, где и оживляет соответствующие символические образы. *Отныне мужчина сосредоточивается не на реальной женщине, и даже не на ее божественном воплощении, а на символе, подобном, скажем, Вечной Женственности.*

В своих рассуждениях Юнг, согласно традиции, рассматривает душу как «аниму» т. е. внутреннее лицо личности. То есть его показательное для наших рассуждений проведение параллелей между женственностью и душой дает нам возможность заключить, что сама сущность феминности, будучи детерминирована изначально эротически, все же начинает носить в конечном итоге характер высшей духовной ценности. Юнг очевидно и изначально выводит разговор о женственности за рамки телесности, природности, физиологии. *Эротичность же, которой окружена женственность с самых первых «шагов» человеческой культуры, постепенно одухотворяется, а плотские желания трансформируются в поиски человеком души.*

В своей известной работе «Проблемы души нашего времени» Юнг конкретизирует свои тезисы о сущности мужского и женского, заявляя, что самым непосредственным первообразом человека является, пожалуй, *мать*, ведь для ребенка она во всех отношениях самое близкое и самое сильное переживание. Для маленького человека с неразвитым еще сознанием носитель женственности — *мать* — *воспринимается не как конкретная личность, а как «архетипическое переживание», как архетип.* Именно эта первообразная конструкция определяет течение всей сознательной жизни, особенно в отношении к женщине, к обществу, к чувствам и к матери. Здесь и далее Юнг пытается выразить те реалии, те эмпирические объекты, институты и отношения, с которыми связываются изначально бессознательные мужественность и женственность.

В дальнейшем, как считает Юнг, «в поле зрения ребенка попадает также и отец», чей архетип во многом противоположен архетипу матери. «Если материнский архетип соответствует китайскому понятию инь, то отцовский — понятию ян» [1, 141]. Именно отец начинает определять то, что, по мнению Юнга, скорее всего, олицетворяет сущность маскулинности. *Архетипическая конструкция ян определяет отношение к мужчине, к закону и государству, к разуму и духу, к динамике природы.*

Итак, сначала и не сразу человек открывает для себя материнское (женственное) начало: природу, укромную пещеру, очаг, хижину, окружающую растительность, а затем — отцовское (мужественное): долг, закон, ответственность, государство и разум. «Мать — это также плодородная пашня. Мать — это дающая молоко корова и стадо. Отец... беседует с другими мужчинами, он охотится, он путешествует, он воюет, он позволяет подобно грозе разразиться своему плохому настроению, мыслями, скрытыми от остальных, он, словно внезапный штормовой ветер, меняет всю ситуацию. Он — это борьба, причина всех изменений, он — это бык, раздраженный и необычайно деятельный либо апатичный и ленивый. Он — это образ всех стихийных сил, готовых помочь или навредить» [1, 142].

Рассуждения Юнга относительно универсальной сущности женственности, т. е. «женственности вообще», находятся в русле его известных положений относительно «персоны», «анимы» и «анимуса». «Отсутствие материнского в обычном понимании этого слова указывает на наличие идеи чисто индивидуально-человеческих отношений, не связанных с природной целью продолжения рода. На современной ступени культуры подавляющее большинство мужчин останавливается на материнском значении» [1, 146]. Внешняя установка-«персона» — дополняется внутренней — «анимой», или «анимусом». «Если “персона” интеллектуальна, то душа, наверное, сентиментальна. Характер души влияет также и на половой характер. Женщина, в высшей степени женственная, обладает мужественной душой; очень мужественный мужчина имеет женственную душу» [2, 512]. Черты противоположного пола, исключенные из внешних установок одного из полов, становятся свойствами его души. Поэтому, как известно, в женщине есть «анимус», а в мужчине — «анима».

Далее автор заключает: «Сдержанность — это типично мужской идеал. Она достигается путем вытеснения эмоций. Чувство же представляет собой специфически женскую добродетель» [1, 147]. Но на бессознательном уровне мужественные мужчины «подвержены внутри себя женским чувствам». И наоборот. *С этим фактом мыслитель связывает такие социальные факторы, как частый мужской суицид и стоицизм женщин.* Данное замечание классика психоанализа представляет интерес для специалистов, изучающих стилистику женского гендерного менеджмента, в частности по проблематике кризиса на предприятии и стресса на производстве. При этом Юнг дает свой подход к проблеме, который сегодня далеко не всем понравится. «Если тщательно проанализировать вышедшие из-под контроля эмоции мужчины и попытаться при этом реконструировать вероятную личность, то, скорее всего, мы придем к той самой женской фигуре, которую я называю Анимой» [1, 148].

Однако, несмотря на ряд остроумных профессиональных замечаний автора, внутренние механизмы индивидуализации женственности все же остались, на наш взгляд, малоизучены. Философ предлагает нам «довольствоваться» следующим: «Что же касается индивидуальных свойств, то в этом отношении нельзя делать никаких выводов. Если у мужчины в общем во внешней установке преобладает или, по крайней мере считается идеалом, логика и предметность, то у женщины — чувство. Но в душе оказывается обратное отношение: мужчина внутри чувствует, а женщина — рассуждает» [2, 513]. *Правда, автор делает вывод об особенностях социального поведения гендеров.* Мужчина впадает в отчаяние там, где женщина еще способна даже утешать и надеяться. Женщина легко поддается влиянию социальных условий, падая на самое дно, мужчина поддается импульсам бессознательного, впадая в пороки. Если же в женщине «прорывается наружу Анимус», то это не будут чувства, подобные мужским. «В этом случае она начинает вступать в дискуссии и что-нибудь громко доказывать. И сколь произвольны и капризны чувства Анимы, столь же нелогичны и необидительны женские аргументы. Можно прямо говорить о мышлении Анимуса, не признающем ничьей правоты, оставляющем за собой последнее слово и всегда заканчивающемся фразой “а потому!”». Анима — это иррациональное чувство, Анимус — иррациональное суждение» [2, 148].

К сожалению, концепция женственности Юнга как одухотворенной эротики хоть и вызывает симпатию своей очевидной доминантностью ценности феминности, представляется, как бы сказать, незаконченной. Ибо философ почти не уделяет внимания вопросу о том, чем же является объективное бытие женственности, ее онтология. У автора не получается «отвлечься» от мужских эротических фантазий и поисков объектов преклонения. Поэтому относительно взглядов Юнга на сущность женственности приходится ограничиться такой формулировкой: «Для мужчины в качестве реального носителя душевного образа больше всего подходит женщина, вследствие женственной природы его души» [1, 215]. Сущность этого феномена одухотворенной женственности как высшего духовного начала человечества Юнг доказательно объясняет исходя из исторического анализа глубинных психических установок мужчин. Мужчине, считает мыслитель, всегда легче понять, что такое Анима, чем женщине — что такое Анимус. Женщине ни понять, ни объяснить самой сущность и личность Анимуса не удастся. Отсюда Юнг делает вывод, что Анимус вообще не имеет личности, он — не единство, а множество. Это связано с особенностями психологи гендеров, как бы сказали сегодня. «На биологической ступени основной интерес женщины состоит в том, чтобы удержать *одного* мужчину, тогда как для мужчины основной интерес — это завоевать женщину, и по своей природе он редко останавливается на одном завоевании. Таким образом, для женщины решающую роль играет мужская личность; и, наоборот, отношение мужчины к женщине менее определенное, то есть, даже свою жену он может рассматривать как одну среди прочих» [2, 148—149].

Таким образом, для мужчины брак — это всегда законный социальный институт, а для женщины — исключительно личные отношения. Женщина стремится ограничиться одним мужчиной, мужчина же стремится выйти за рамки личных привязанностей. Как тут не вспомнить О. Вейнингера, рассуждавшего совершенно противоположным образом! Нам представляется, что в рамках данной проблемы К.Г. Юнг более близок к истине. Он считает, что на уровне бессознательного указанная тенденция должна компенсироваться противоположной. Поэтому фигура Анимы строго очерчена в мужском восприятии, Анимус в сознании женщины имеет полиморфический характер.

Юнг в своих сентенциях об Аниме и Анимусес, как представляется, остался верен мужскому центризму. Ибо объяснению оснований глубинных психических установок женщин автор все же уделяет мало внимания. Женщина, пусть даже понятая столь поэтично, не становится объектом анализа, изучается опять же мужчина, его внутренний мир, столь сложный и глубокий! Поэтому выражение Юнга относительно того, что для мужчины в качестве реального носителя душевного образа больше всего подходит женщина, вследствие женственной природы его души остается пока, скорее, данью этикету. Хотя сегодня даже это само по себе уже ценно.

Литература

1. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. Пер. с нем. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
2. Юнг К.Г. Психологические типы. Пер. с нем. М.: Наука, 1988.

References

1. Yung K.G. Problemy dushi nashego vremeni. Per. s nem. M.: Izd. gruppy «Progress», «Univers», 1994.
2. Yung K.G. Psikhologicheskie tipy. Per. s nem. M.: Nauka, 1988.

И.Н. БЕЛОНОВ

От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания*

Аннотация. Первая часть данного исследования¹¹ была посвящена разработке представления о языке и знании как о вирусе. В данной работе мы переходим к рассмотрению главного нововведе-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 193—206.

¹¹ См.: Философия хозяйства. 2018. № 3.

ния, которое позволяет сделать вирусная теория, перенесенная в эволюционную эпистемологию, — распространение знания. Период распространения, как правило, либо полностью упускается исследователями из виду, либо рассматривается как само собой разумеющийся — «универсалии» культуры даются как уже существующие. Анализ сразу начинается с абстракций, и вопрос о том, как частная теория становится всеобщим знанием, оказывается редуцирована. Для того чтобы подготовить почву для постановки этого и многих других вопросов, необходимо задать модель рассмотрения знания как вируса, распространяющегося подобно инфекции посредством заражения.

Ключевые слова: инфекционное распространение, эволюционная эпистемология, Жиль Делез, Феликс Гваттари, ризома, сеть, слово-вирус.

Abstract. The first part of this study, as published in the previous issue of the journal, was focused on the vision of language and knowledge as a «virus». This paper continues the subject by introducing a new basic approach, namely, the concept of spreading knowledge as an infection, through treatment of the «viral» theory in the context of the evolutionary epistemology. Generally, the spreading period is either entirely overlooked by researchers, or simply taken for granted; the “universals” of the culture are taken as face value. Thus any analysis usually starts immediately from abstractions, with the result that the question about how a sub-theory becomes a general knowledge turns out to escape our attention. In order to prepare the ground for raising this question, as well as many other questions, it is necessary to set a model representing the knowledge as a viral entity that spreads like an infection.

Keywords: spread of infection, evolutionary epistemology, Gilles Deleuze, Félix Guattari, rhizome, network, word-virus.

УДК 165.82

ББК 87.2

Для того чтобы ввести аспект распространения в представление о знании, необходимо определить более детальную модель ви-

русной сети. Такое представление, или «сетевую онтологию», в наиболее разработанном и подходящем для нас виде мы находим у Жюлья Делеза и Феликса Гваттари под именем «ризомы». Некоторые исследователи, например А.В. Олескин, склонны рассматривать ризому как вид частной структуры, больше всего напоминающей рыночную [5, 47]. Но в то же время утверждается, что «реальные рынки полиструктурны» [5, 89], поскольку помимо конкуренции, в них могут возникать иерархические и сетевые компоненты, построенные на подчинении или коммуникации соответственно. Если обратимся к тексту «Тысячи плато» Делеза и Гваттари, то увидим, что это полностью согласуется с их представлением о ризоме. Таким образом, ризома является скорее концептом полиструктурной системы вообще, нежели подвидом структуры. В свою очередь, в их тексте также явно проступает связь концепции ризомы с вирусной моделью, что будет показано далее. Концепт ризомы для удобства можно свести к шести принципам — соединения, неоднородности, множественности, «а-означающего (или “незначащего”) разрыва», картографии и декалькомании. Последовательному рассмотрению, интерпретации и определению выводов для вирусной эпистемологии и будет, таким образом, посвящен данный текст.

Принципы соединения и неоднородности

«...Любая точка ризомы может — и должна быть — присоединена к любой другой ее точке» [2, 12]. Два этих принципа не просто подходят для описания логики заражения, а являются ее прямой концептуализацией, следствием внесенных в нее модификаций, поскольку именно «зараза, эпидемия запускают в игру полностью неоднородные термины — например, человек, животное и бактерия, вирус, молекула, микроорганизм» [2, 398]. Обращение к вирусологии оборачивается отказом от таксономической логики в пользу логики маршрутов, топологии и картографии, пересечения различных территорий и сред. Этот переход к разнородным по сути объектам позволяет связать вирусную концепцию с теорией «методологического анархизма» Пола Фейерабенда, и, более того, эти принципы можно считать одним из способов выражения его пози-

ции, заключающейся в том, что «существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, — допустимо все» [7, 47].

Первое следствие этих принципов имеет отношение к виду идей: необходимо рассматривать все идеи, теории и методы до их деления на «научные», «мифические», «философские» или какие-либо другие. Покуда заражение предполагает и распространение, и перевод, можно сказать, что специализация идей по дисциплинам зависит от того, кто ею заражен: так, структуралистский метод переносился как в психоанализ, так и в этнологию, литературоведение, философию, политологию и даже математику. В каждом случае он принимал различные формы, мутировал в зависимости от своего носителя — психоаналитика Лакана, этнолога Леви-Стросса, марксиста Альтюссера и т. д. Стоит ученому заразиться идеей, как она изменится в нем. Стоит ему инфицировать ею своих коллег, как она начнет циркулировать в пространстве института или академии, принимая все более специфические для определенной дисциплины формы. Ее «специализация» может дойти до того, что заразить ее мутировавшим штаммом кого-либо, далекого от этой дисциплины, будет практически невозможно. К тому же, это значит, что любая теория является (или может быть) трансдисциплинарной — после серии мутаций метод может быть перенесен в другую дисциплину — все, что для этого необходимо — подходящий носитель.

Второе следствие относится к переносчикам и заключается в том, что при рассмотрении возможных путей распространения знания необходимо принимать в расчет различные, неоднородные носители — как людей, так и компьютеры, журналы и книги, сообщества и отдельных индивидов. Несомненно, различные переносчики знаний будут по-разному взаимодействовать друг с другом и с самим знанием. Но с точки зрения заражения и человек, и книга распространяют слово-вирус.

Третье следствие имеет отношение к содержанию идей — любая теория может включать в себя знания и об объектах, и субъектах, и об отношениях, и о практике. Знание о практических действиях может быть распространено отдельно от представления об

объектах, с которыми это действие должно быть совершено, например в виде лозунга «Быстрее! Выше! Сильнее!» или в виде принципа «Допустимо все». Отношения, лишенные и субъектов, и объектов, могут распространяться как приказ или ценность — «Свобода! Равенство! Братство!». Так и объекты — «Частицы» или «Вирусы» — могут отрываться от теорий, становясь художественными метафорами, или же переноситься вместе с частью представления — как это было сделано в данном исследовании по отношению к вирусной теории — как операциональный термин. Не только субъекты обладают лишь фрагментом общего знания, но и сама передача предполагает передачу лишь фрагмента теории, и для того чтобы заразить кого-либо теорией целиком, необходимо провести серию заражений, как это происходит при обучении в учебных заведениях.

Принцип множественности

«У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу» [2, 14]. Микроб — это популяция микробов, ибо стоит хотя бы одному (если «одинокость микроба» вообще возможно вне лабораторных условий) оказаться в необходимой среде, как первым делом он воспроизводит популяцию. Поскольку такое воспроизводство сопровождается мутациями и любая репродукция вируса вполне может оказаться новым штаммом, который, если возникшие изменения оказались полезными, задаст новую траекторию развития всей популяции, реорганизует ее, постольку рост микробной популяции и ее изменение крепко связаны в одном процессе, который является и процессом жизнедеятельности микроба. По тем же причинам (микроб=популяция микробов) и само заражение является нелинейным и множественным, предполагающим рассеяние (диссеминацию), следуя по разнородным расходящимся траекториям: зараженный, не важно — человек это, животное или что-то неорганическое, — становится не только переносчиком, но и разносчиком заболевания, так что все, встреченное инфицированным, становится для вируса возможными путями роста-распространения, и именно вирус «решает», какие из них ока-

жуются предпочтительнее, в зависимости от «выбранного» способа передачи и вызываемых симптомов (кашель, диарея, высыпания и т. п.), причем ему не обязательно ограничиваться чем-то одним, он может одновременно распространяться во все стороны, разом заражая и воздух, и поверхности, и живых существ, и их пищу — и все в результате лишь одного выброса, случившегося, к примеру, в результате приступа кашля. Более того, инфекции — необычный случай, покуда Делез и Гваттари указывают на заражение как на необходимую деталь множественности: «банды — человеческие или животные — размножаются посредством заражения, эпидемий, сражений и катастроф» [2, 397]; «стаи формируются, развиваются и трансформируются посредством инфекции» [2, 398]; «инфекция — это одновременно животная популяция и размножение животной популяции самого человека» [2, 399]. Логика заражения и логика множественности предполагают друг друга так же, как гетерогенность, разнородность. Любая теория — это множество аксиом и теорем, множество различных случаев. Но также и множество штаммов одной теории. Структурализм, постструктурализм, даже дисциплины — тоже различные разновидности одной дисциплины: математическая физика, квантовая или механическая теория — все это разновидности физики, чье знание мутировало при встрече с другим.

В отношении путей заражения этот принцип утверждает, что мы всегда имеем дело, в первую очередь, с сетью. Несомненно, иногда сеть может иметь центр. Но верно и то, что центров может быть несколько — несколько институтов, занимающихся разработкой одной теории, которые в отсутствии прямой коммуникации со временем начинают все больше различаться. Исходя из вирусной теории распространения знания необходимо искать не «центры», но «очаги», или «горячие точки» — таковыми являются сообщества и институты — места, в которых вирусные теории постоянно циркулируют и находятся в постоянной мутации: с одной стороны, большое скопление людей обеспечивает возможные пути дальнейшего распространения, с другой же — мутации теорий повышают шансы на то, что возникнет штамм, особенности которого позволят ему

заразить большее число носителей. Именно две эти характеристики — скопление носителей и частота мутаций — и определяют нечто как «очаг». В противном случае, когда сообщество невелико или мутации редки, шансы на распространение теории также малы (речь здесь всегда о вероятности — большей или меньшей): небольшое сообщество или отдельный индивид, даже при высокой частоте мутаций, не сможет быстро распространить теорию; большое же сообщество, циркулируя в котором теория мутирует крайне медленно, не будет расширяться, ведь теория уже не смогла заразить большее число людей, а следовательно, в том виде, в котором она существует, уже и не сможет.

Относительно содержания теорий и идей следствие принципа множественности схоже с предыдущим: любая теория и дисциплина имеют в себе множество частей, деталей и аспектов: алгебра — это и определенные объекты, и термины, и набор особых отношений. Это всегда множество аксиом, теорем и следствий. Только рассматривая теории как сборки, можно понять, как происходят мутации — штамм геометрии, получивший имя «Лобачевского», отличается лишь одной аксиомой. Изменение одной «детали» — это мутация, ведущая за собой возникновение нового штамма. Но после изменений, произошедших с геометрией под влиянием Лобачевского, мутации продолжились, затронув большее число «частей», так что «геометрию Лобачевского» стало возможным считать новым вирусом. Возможен и другой процесс — один аспект отрывается от теории и распространяется отдельно от нее — теория поля, ушедшая из физики в социологию Бурдьё. Конечно, здесь речь идет о метафоризации, но эта метафоризация понимается не как художественный троп, но как перенос, вместе со словом, представления об определенных функциях. При этом факт, что детали теории могут распространяться отдельно от «целой» теории, никак не противоречит вирусной гипотезе, и даже наоборот — постулируется ею: «крупные бактерии усеяны микробами помельче» [1, 30] — существуют вирусы у вирусов, вирусы, носителем которых являются другие вирусы. Заражение может происходить в любом масштабе, и любой элемент теории — потенциальная вирусная идея.

Принцип незначущего разрыва

Четвертый принцип назван Делезом и Гваттари «принципом а-означающего (или “незначущего”) разрыва». Его можно было бы переформулировать следующим образом: «любая точка — это источник». Даже если сообщество распалось, институт закрылся — всегда существует шанс, что теория распространится вновь, и возникнет новый очаг. «Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям» [2, 16]. Связь между автором и написанной им книгой не необходима — книга отдельно от автора вполне может быть источником заражения, так же как и индивид, прочитавший книгу, сам становится новым источником. Иногда достаточно одного носителя — текста или индивида — чтобы вокруг них сложилось целое сообщество. Сеть, формирующаяся передвижениями вирусной популяции, может существовать лишь в моменты передачи, поскольку нет никакой необходимости в ее сохранении и поддержании в неизменном виде: все, что необходимо вирусу, — быть переданным. И не всегда имеет значение, кому, когда и где. Вирус всегда действует исходя из наличных обстоятельств. Более того, поскольку уже инфицированные не представляют для него интереса, разнообразие путей оказывается даже более предпочтительным. Принимая во внимание, что отдельные микробы имеют крайне короткую жизнь, каждый переход — это смена «поколений», обновление популяции, то можно сказать, что распространение всякий раз начинается заново. Каждый «ход», сделанный популяцией, делается как первый, а любая новая среда тут же становится «родной». Прошлое не имеет для инфекции значения, так же как и будущее: «она перерастает свои границы, чтобы включить внешнее себе — среду, которая дает возможность тому, что приходит к узлу от сети, участвовать во встречах и событиях, которые случайны или непредвиденны в том смысле, что ни сетевая структура, ни данное содержание, которое может быть транслировано системой связей, не устанавливают заранее то, что может обнаружиться» [4]. Важна не сеть, а узлы. Единственное, что заразным агентам необходимо возобновлять — это само заражение. При этом каждый раз, словно с чистого листа. Такой рост, не принимающий во внимание предыдущие и последующие состояния, начинающийся с нуля в каждом из узлов ризомы, Брайан Массуми называет «непреднамеренным»: «непреднамеренный рост — рост, который принимает новую форму

в ответ на неожиданные встречи и случайные события, которые изменяют его природу» [4]. Однако, принимая во внимание, что именно рост и распространение являются неизменными задачами, говорить о его «непреднамеренности» не совсем верно. Непреднамеренными оказываются мутации и обстоятельства. Они и есть те различия незапланированные, потому всегда неожиданные, которые возникают в повторении цикла.

Принципы картографии и декалькомании

Пятый и шестой принципы имеют название «принцип картографии и декалькомании» и определяют тип модели, используемой для ориентации. «Снимайте карту, но не кальку» [2, 21], — призывают Делез и Гваттари. «Калькой» они называют модели, направленные на воспроизводство того, что они представляют — детальное копирование положения дел. Такие модели всегда будут относиться к тому, что уже произошло, к тому, что было. Из них мы узнаем о прошлом положении, но не можем предсказать последующее. «Карта», в отличие от «кальки», полностью развернута в сторону эксперимента. Примером такой модели, позволяющей как экспериментировать, так и предсказывать возможные следствия, является теория графов. Именно ее используют, когда хотят предсказать инфекционное распространение информации или, к примеру, широковещательного трафика [3] в какой-либо сети [6]. Теория графов предполагает два типа элементов — узлы и связи между ними. Именно это упрощение позволяет отказаться от «калькирования»: строя граф, необязательно указывать, каким именно образом один узел связан с другим (если только в этом нет необходимости *ad hoc*) — оказался ли носитель знания заражен им путем коммуникации, чтения или, наоборот, письма, — достаточно лишь указать, что заражение произошло, чтобы иметь возможность составить представление о распространении какой-либо теории. Зная, какие узлы уже являются носителями, мы можем делать предсказание о дальнейшем распространении знания-вируса. Дабы внести ясность, определим, что именно будет пониматься нами под «узлами» и «связями».

Узлы инфекционной сети бывают двух типов — «носители» и «переносчики». Поскольку знание может существовать как в виде записи, так и «в голове» у реального человека, постольку это различие необходимо учесть. Поэтому будем называть «переносчиками»

любое средство записи знания. Стоит обратить внимание, что и человек с точки зрения знания-вируса является средством записи, поскольку хранит знание в памяти и воспроизводит его. Однако в «переносчиках» знание-вирус существует в «спящем виде»: текст будет лишь сочетанием линий или форм — без того, кто мог бы этот текст прочитать. «Носителями» мы будем называть узлы, обладающие виртуальным регистром (регистром памяти) — людей и искусственный интеллект. В носителе, в отличие от ситуации с переносчиками, знание-вирус активизируется, что значит — становится способно к мутациям. Только оказавшись в человеке, знание из текста или теории может стать действиями, практикой. Только благодаря носителям теории изменяются, модифицируются или развиваются. Более того, поскольку книга не может прочитать или написать другую книгу, постольку знание-вирус не может быть передано от переносчика переносчику — обязательно должен быть контакт «переносчик — носитель», т. е. человек-книга, фильм-человек. Таким образом, результатом деления узлов на «носителей» и «переносчиков» оказывается первое правило — в инфекционной сети между любыми двумя узлами-переносчиками должен быть узел-носитель. Любому переносчику требуется контакт с носителем, с человеком, дабы распространиться дальше. К этому остается добавить, что неверно обратное — распространение вполне может передаваться от носителя к носителю — от человека к человеку.

Связи между узлами обозначаются как «заражение». Под «заражением» предполагаются копирование и распространение знание-вируса от узла к узлу. Здесь важен факт того, что «заражение» в отличие от коммуникации не предполагает обратного ответа — заражение происходит лишь в одну сторону, поскольку уже зараженный носитель не может быть заражен вновь тем же вирусом. Точнее, повторное заражение ничего не даст и не изменит. Однако, принимая во внимание, что любая репликация вируса предполагает его мутации (это никак не противоречит вышесказанному насчет переносчиков, ведь запись или чтение предполагает изменение формы знания — из текста в химию мозга, или действия тела, или, наоборот, из идеи в текст, изображение или звук, речь), мы можем вывести первый эмерджентный объект инфекционной сети, т. е. свойство, не выводимое из суммы элементов, а возникающее вследствие структуризации элементов. Исходя из однонаправленности заражения и того факта, что оно всегда сопровождается мутациями, можно

сделать вывод, что, если в инфекционной сети присутствует цикл (т. е. начальный узел оказывается так же и конечной точкой), то речь идет о развитии теории. Если знание-вирус циркулирует в определенной области сети между одними и теми же носителями, значит, в этой области происходит разработка этого знания. Так, например, циркуляция знания имеет место на круглых столах, конференциях или семинарах — когда один носитель заражает идеей других для того, чтобы получить эту идею обратно, но уже в измененном виде. Циркуляция может иметь и гораздо большие масштабы — знание циркулирует в институтах, исследовательских центрах и лабораториях, а также между ними, захватывая отдельных ученых или их круг общения.

Затронув эту тему, круг общения, определим еще два аспекта, необходимые для построения модели инфекционного распространения знания-вируса, — отношения с другими сетями.

С одной стороны, другие сети — социальные — как «классические», состоящие из людей, лично знакомых друг с другом, так и социальные сети в интернете: Facebook, Одноклассники, Twitter и т. п., издательские, сети теле- и радиовещания — являются необходимым фундаментом для распространения. Именно за счет уже существующих сетей коммуникации знание-вирус легко может быть распространено. Потому, чтобы предсказать, как и с какой скоростью распространится какое-либо знание, достаточно знать о состоянии сети — сколько в ней узлов и какие между ними связи. К тому же, можно предсказать и динамику такой сети — какие связи возникнут. Так, например, существует метрика, основанная на свойстве вершин социальной сети — если какой-либо узел обладает большим количеством связей (т. е. это популярный человек, книга или, например, фильм), то это количество будет расти с все большей скоростью, поскольку «вершины в сети стремятся присоединиться к тем вершинам, у которых уже есть большое количество связей» [6, 292]. С точки зрения вирусного распространения такая вершина, будучи зараженной знанием-вирусом, в скором времени станет очагом распространения. Принимая во внимание принцип неоднородности, о котором говорилось выше, необходимо заметить, что инфекционная сеть пересекает все остальные сети. Знание-вирус может распространяться одновременно и в социальной сети, и в издательской — например, когда один из носителей пишет книгу, посвященную понравившейся ему идее, или сообщает ее журналисту.

Таким образом, мы можем постулировать, что остальные сети влияют на инфекционную в плане распространения. Исходя из этого, меняется взгляд на процесс становления частной теории парадигмой: признание теории научным сообществом лишь гарантирует ее распространение, но она может распространиться и другими путями, посредством «сарафанного радио», минуя всякую легитимацию. Многие взгляды, идеологические или (псевдо)научные, оказываются общепринятыми исключительно в силу их распространенности. Тем самым, вирусная эпистемология открывает новое поле, в котором, в конечном итоге и происходит битва теорий, верований и парадигм. Где главный критерий — это способность к заражению, репликации и распространению какого-либо определенного знания-вируса.

С другой стороны, инфекционные сети также оказывают влияние на социальные сети (и на любые другие, но исходя из правила о том, что между двумя переносчиками всегда имеется носитель, необходимо заметить, что на медиасети или сети книгоизданий знание-вирус влияет не прямо, но опосредованно — через социальные сети). В социальных сетях знание-вирус может называться матриксом. Матрикс в социальных сетях — это «всякого рода уставы, программы организаций, разделяемые всеми членами данной социальной структуры цели, ценности, взгляды, нормы поведения, этические регуляторы и многое другое. Все это сплачивает индивидов, так или иначе модифицирует их поведение, так что формирует то, что в социологии обозначается как “групповая идентичность”» [5, 67]. Таким образом, мы сразу можем вывести первую роль, которую играет знание-вирус по отношению к другим сетям — он выступает в качестве «групповой идентичности». Определенная терминология, практика и интересы, в конечном итоге знание и язык, т. е. то, чем носитель заражен, — определяет его как представителя сообщества. Это может быть как научное сообщество, так и клуб по интересам. Даже национальная идентичность зависит, прежде всего, от владения определенным языком. Знание-вирус — это одновременно и пропуск, и паспорт для социальных сетей, необходимый минимум для членства и способ самоопределения. Знание и язык открывают возможность для коммуникации внутри социальной сети — такова вторая роль матрикса: делать возможными коммуникацию и управление, общение и приказы. Третья роль связана с тем, что знание-вирус — это также и знание о целях и идеалах. В этой

связи матрикс иногда выступает в качестве «мнимого лидера» [5, 71] — того, что осуществляет управление сетью (именно эта характеристика знания-вируса как того, что, в конечном счете, но в определенных пределах, управляет действиями людей позволила в предыдущей работе говорить об «относительной автономии» мира знания от носителей). Таким образом, инфекционные сети оказывают свое влияние на сети социальные, формируя их, организуя и обеспечивая коммуникацию.

Заключение

В данной работе мы определили основные принципы вирусной эпистемологии и наметили черты модели инфекционного распространения знания. Такая модель оказывается крайне плодотворной, ведь позволяет не только делать видимой разнородность мира знания, выделяя различные теоретические сети, но и дает возможность для предсказания распространения той или иной информации или становления теории общепризнанной. С такого ракурса открывается новое поле, в котором конкурируют между собой идеи и верования, модели поведения и идеалы. Несомненно, это поле также является проблемным полем, откуда оно полнится вопросами, которые вне его не могли быть поставлены: существуют ли критерии, по которым мы можем предсказать выживаемость теории и ее шансы на распространение? насколько теоретически разнородно то или иное (географическое, научное, социальное) пространство? какое знание доминирует в том или ином обществе? И на пути новорожденной вирусной эпистемологии эти и многие другие вопросы могут быть поставлены, а значит, и решены.

Литература

1. *Вулф Н.* Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Пер. с англ. К. Тимониной. М.: АСТ, 2013. 285. с.
2. *Делез Ж.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского / Науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
3. *Кучерявый Е.А., Ярцев С.В.* Теория эпидемий как инструмент анализа распространения широковещательного трафика в сетях VANET // Информационно-управляющие системы. 2016. № 4. С. 101—107.

4. *Массуми Б.* «Будущее нужно активно изобретать»: философ Брайан Массуми об эволюции ризомы и спекулятивном прагматизме: [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi> (дата обращения: 18.10.2017).

5. *Олескин А.В.* Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 304 с.

6. *Сулимов П.А.* Методы машинного обучения для предсказания распространения инфекции в сети // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 285—306.

7. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. Пер. англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.

References

1. *Vulf N.* Smertel'nyj shtorm: ehpokha novykh pandemij. Per. s angl. K. Timoninoj. M.: AST, 2013. 285. s.

2. *Delez ZH.* Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya. Per. s frants. i poslesl. YA.I. Svirskogo / Nauch. red. V.YU. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.

3. *Kucheryavyj E.A., YArtsev S.V.* Teoriya ehpidemij kak instrument analiza rasprostraneniya shirokoveschhatel'nogo trafika v setyakh VANET // Informatsionno-upravlyayushhie sistemy. 2016. № 4. S. 101—107.

4. *Massumi B.* «Budushhee nuzhno aktivno izobretat'»: filosof Brajan Massumi ob ehvolyutsii rizomy i spekulyativnom pragmatizme: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi> (data obrashheniya: 18.10.2017).

5. *Oleskin A.V.* Setevye struktury v biosistemakh i chelovecheskom obshhestve. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2017. 304 s.

6. *Sulimov P.A.* Metody mashinnogo obucheniya dlya predskazaniya rasprostraneniya infektsii v seti // Vestnik NGUEHU. 2016. № 1. S. 285—306.

7. *Fejerabend P.* Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoj teorii poznaniya. Per. angl. A.L. Nikiforova. M.: AST: АСТ МОСКВА: KHRANITEL', 2007. 413 s.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Противоречие (тезисы)*

Аннотация. Противоречие квалифицируется не только с формальной, но и с содержательной стороны, как состоящее из двух иерархически соотнесенных противоположностей: материального и идеального.

Ключевые слова: противоречие, противоположность, противоречивость, универсальное, универсум, материальное, идеальное, иерархия, мера доминирования, асимптотический.

Abstract. Contradiction defined from both formal and conceptual aspect as a concept consisting of two hierarchically correlated opposites: material and ideal.

Keywords: contradiction, contrast, discrepancy, universal, universe, material, ideal, hierarchy, dominance measure, asymptotic.

УДК 1
ББК 87

1. Противоречие есть взаимодействие двух противоположностей — материального и идеального (либо двух форм материального, одна из которых находится дальше другой от идеального; либо двух форм идеального, одна из которых находится ближе другой к материальному).

2. Почему в противоречии именно две противоположности, а не иное их количество? Потому что в соответствии с двухкомпонентностью структуры универсума противоречие представляет собой двусоставное образование, в которое входят материальное и идеальное (либо материальное, приближенное к идеальному, и материальное, удаленное от него; либо идеальное, приближенное к материальному, и идеальное, удаленное от него).

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Противоречие (тезисы) // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 207—215.

3. Противоречие тотально: универсум и его явления репрезентированы противоречиями.

4. Материальное непосредственно присутствует в противоречиях между материальным и идеальным и двумя формами материального и опосредованно — в противоречиях между двумя формами идеального. Идеальное непосредственно присутствует в каждом противоречии.

5. Всякое противоречие сущностно является противоречием между материальным и идеальным. Оно актуализируется непосредственно, если стороны противоречия — материальное и идеальное, и опосредованно, если стороны противоречия — две формы материального либо две формы идеального. В противоречии между двумя формами материального менее сложная из них (обладающая менее сложной вещественной структурой) расположена дальше от идеального, чем более сложная (обладающая более сложной вещественной структурой). В противоречии между двумя формами идеального более сложная из них (обладающая более сложным материальным носителем) расположена дальше от материального, чем менее сложная (обладающая менее сложным материальным носителем).

6. Формой противоречия является наличие противоположностей, содержанием — доминирование, точнее, мера доминирования одной противоположности над другой.

7. «Доминирование одной стороны противоречия над другой означает, что угнетенная сторона в снятом виде входит в структуру доминирующей стороны» [1, 309].

8. Взаимодействие противоположностей (сторон противоречия) есть «становление доминирования одной из них и снятого статуса другой» [1, 158].

9. Разрешение противоречия осуществляется как перманентное изменение соотношения между его сторонами.

10. Имеются две стадии разрешения противоречия. На первой происходит количественное изменение соотношения между сторонами противоречия (мера преобладания одной стороны над другой из неасимптотической превращается в асимптотическую либо из асимптотической в неасимптотическую), на второй — качественное (доминирующая сторона противоречия становится угнетенной, а угнетенная — доминирующей).

11. В случае исчезновения одной либо обеих его сторон противоречие исчезает. Вместе с тем по причине тотальной противоречивости универсума количество противоречий в нем составляет постоянно изменяющееся бесконечное множество. Кроме того, каждое явление пребывает в неограниченном множестве постоянно изменяющихся противоречий.

12. Любое различие между противоположными явлениями представляет собой противоречие, причем иерархизированное [1, 154].

13. Совершенно одинаковых явлений не существует; различие между ними служит основанием их противоположности, которая в свою очередь служит основанием актуализации внешних противоречий. В силу перманентной изменчивости явлений не существует и совершенно одинаковых состояний одного и того же явления; различие между ними служит основанием их противоположности, которая в свою очередь служит основанием актуализации внутренних противоречий.

14. Всякое противоречие репрезентирует взаимодействие противоположностей и соответственно их иерархию. Иными словами, стороны каждого противоречия, или противоположности, находятся в постоянно изменяющемся взаимном иерархическом соотношении [1, 548].

15. Равенство сторон противоречия свидетельствует об отсутствии взаимодействия между ними и, следовательно, самого противоречия.

16. Не существует равенства между сторонами противоречия (противоположностями): одна из них является доминирующей, другая — угнетенной. Это равенство возникает лишь в момент исчезновения исходного противоречия и его превращения в новое, т. е. в ситуации мгновенного (скачкообразного) изменения качества противоречия.

17. Любое противоречие состоит из двух неравных противоположностей, различающихся между собой как материальное и идеальное (либо как материальное, удаленное от идеального, и материальное, приближенное к идеальному; либо как идеальное, приближенное к материальному, и идеальное, удаленное от материального). Это различие репрезентирует иерархию противоположностей, в которой первая из названных сторон — низшая, вторая — высшая. Иерархия противоположностей определяет вектор развития проти-

воречия. Если в противоречии доминирует низшая противоположность, оно регрессирует, если высшая — прогрессирует.

18. Прогрессирование есть усложнение, регрессирование есть упрощение.

19. Чем сложнее явление, тем более острым оказывается противоречие, которое образует это явление; чем проще явление, тем менее острым оказывается противоречие, которое образует это явление [1, 442].

20. Усложнение явления представляет собой обострение противоречия, образующего данное явление [1, 442].

21. Обострение противоречия свидетельствует о переходе от количественной стадии изменения соотношения между сторонами этого противоречия к качественной.

22. «Острота противоречия прямо пропорциональна степени его асимптотичности. Противоречие является минимально острым, если одна его сторона явно доминирует над другой, и максимально острым, если это преобладание оказывается асимптотическим» (несущественным, незначительным) [1, 225].

23. Противоречия локального (частного / общего) уровня менее остры, чем противоречия универсального уровня (универсальные противоречия). Более того, последние являются предельно острыми противоречиями.

24. Так как истина — главная универсалия, в ней репрезентировано противоречие максимально возможной остроты, а именно противоречие между истиной и заблуждением. В данном противоречии истина асимптотически выше заблуждения.

25. Неасимптотическое доминирование истины над заблуждением не обеспечивает остроты противоречия, необходимой и достаточной для актуализации истины, и поэтому не существует.

26. Любое противоречие является взаимодействием между высшим, соотносящимся с идеальным, и низшим, соотносящимся с материальным.

27. Поскольку всякое взаимодействие есть противоречие, стороны которого соотносятся между собой как высшее и низшее, нет взаимодействия вне иерархии. Следовательно, иерархия универсальна [1, 6].

28. Иерархия универсальна, потому что она наличествует в любых противоречиях, а из противоречий состоят все явления вплоть до универсума.

29. Все явления, в том числе универсум, не просто противоречивы: векторы их противоречивости — материальное и идеальное [1, 413].

30. Противоречивое — это состоящее из двух взаимодействующих противоположностей: материального и идеального; либо двух форм материального, одна из которых находится дальше от идеального, чем другая; либо двух форм идеального, одна из которых находится ближе к материальному, чем другая. Первые из упомянутых сторон противоречивого являются низшими, вторые — высшими.

31. «Диалектика есть методология противоречивости, или методология обнаружения универсального» в каждом явлении [1, 265].

32. Диалектическое (диалектико-материалистическое) представляет собой противоречивое, однако противоречивое не само по себе, а противоречивое, состоящее из двух противоположностей (сторон противоречивого), одна из которых соотносится с материальным, другая — с идеальным. «Сущностно материальное является низшим, идеальное — высшим, что предполагает наличие меры доминирования одной противоположности (стороны противоречивого) над другой, т. е. меры прогрессивности / регрессивности противоречивого, или качества соотношения материального и идеального в противоречивом» [1, 424].

33. Доминирование идеального над материальным актуализируется в явной форме в противоречиях прогрессивной векторности и в латентной форме — в противоречиях регрессивной векторности. В последнем случае материальное формально выше идеального [1, 424].

34. Материальное противоречиво не только внешне, в его отношении с идеальным, но и внутренне, причем внутренняя противоречивость материального, как и внешняя, иерархична: в каждой форме материального имеются прогрессивная и регрессивная тенденции; из любых двух форм материального одна — высшая, другая — низшая.

Идеальное противоречиво не только внешне, в его соотношении с материальным, но и внутренне, причем внутренняя противоречивость идеального, как и внешняя, иерархична: в каждой форме идеального имеются прогрессивная и регрессивная тенденции; из любых двух форм идеального одна — высшая, другая — низшая [1, 438 — 439].

35. Поскольку форма бывает материальной либо идеальной, а содержание — исключительно идеальным, противоречивость универсума и всякого явления существует не как таковая, а как противоположность его материальной либо идеальной формы и идеального содержания.

36. Противоречивость представляет собой не источник развития, а его атрибут. У развития нет источника, поэтому тезис о его наличии является креационистским (мистическим).

37. Каждое явление вплоть до универсума противоречиво потому, что в нем наличествуют универсальные противоположности: непосредственно либо опосредованно — материальное и непосредственно — идеальное. Качество любого явления (в том числе универсума), т. е. его принадлежность к материальному либо идеальному, определяется имеющимся в нем соотношением между этими компонентами, или мерой доминирования одного из них над другим [1, 385].

38. Сущность противоречивости всякого явления, включая универсум, состоит в наличии в нем противоположностей: непосредственном либо опосредованном — материального и непосредственном — идеального; сущность любого явления, включая универсум, состоит в наличествующем в нем соотношении между материальным и идеальным, или в мере доминирования одного из них над другим, имеющейся в этом явлении [1, 385].

39. Термин «противоположность» омонимичен: одно его значение — «сторона противоречия», второе — «соотношение между сторонами противоречия», «противоречивость». Обратим внимание на содержание данного термина во втором значении.

40. Внешняя противоречивость явлений есть их противоположность, внутренняя — полярность.

41. Противоположность — содержательный феномен, полярность — формальный. Противоположны противоречивые явления, полярны противоречивые формы одного и того же явления.

42. По большому счету, полярность не является противоположностью, точнее, полярность представляет собой противоположность локального (частного / общего), а не универсального уровня [1, 199].

43. Противоположность (полярность) — противоречивое единство различия и сходства при доминировании первого, или различие между сходными явлениями [1, 437].

44. Противоположность (полярность) — не противоречие, а необходимое (формальнологическое) условие наличия противоречия. Достаточным (диалектикологическим) условием наличия противоречия является взаимодействие противоположностей.

На различии между необходимым и достаточным условиями наличия противоречия основано различие между формальной и диалектической логикой, а также между дуализмом и диалектикой (см.: [1, 136]).

45. Адепты формальной логики называют противоречиями проявления алогизма (логическую неадекватность, логическое несоответствие, логическую рассогласованность и т. п.), т. е. путают противоречивость с алогичностью. Это недоразумение встречается на речевых уровнях от обыденного вплоть до научного. Оно лежит в основании формальной логики и служит поводом для дискредитации противоречия и противоречивости, а также для третирирования диалектической логики.

46. Строго говоря, утверждение о том, что в противоречии имеются две стороны (две противоположности), без соотнесения их с материальным и идеальным и без указания степени доминирования одного из них над другим, т. е. без выявления их содержания, представляет собой не диалектикологический, а формальнологический и, соответственно, идеалистический (мистический) тезис.

47. Существование в формальной логике запрета противоречия не исключает формальнологической репрезентации противоречия. Однако в формальной логике оно трактуется дуалистически (догматически либо релятивистски), без сопряжения его сторон либо с их отождествлением, т. е. предстает превратно интерпретированным. Тем самым запрет противоречия внедряется косвенным путем — методом подмены понятия.

48. Формальнологическая репрезентация противоречия существует как его субъективистски препарированная редукция (противоречия признаются наличествующими лишь в алогичных высказываниях, а не во всех явлениях, включая универсум), коррелирующая с редукцией идеального (оно признается гносеогенным, а не наличествующим во всех явлениях, включая универсум).

49. Алогичные высказывания противоречивы, поскольку в них, как и во всяких прочих высказываниях, имеется противоречие между истиной и заблуждением. Но противоречивость алогичных высказываний — мизерная часть универсальной противоречивости.

Поэтому говорить о противоречиях применительно к одним алогичным высказываниям неправомерно.

50. Алогичное противоречиво, однако алогичность не является следствием противоречивости.

51. Логически корректное противоречиво, но его противоречивость не производна от алогичности.

52. Типы репрезентации противоречий, от высшего к низшему: а) диалектикологический; б) недиалектикологический (догматический / релятивистский) — — формальнологический (дуалистический), алогический (эклeктический).

53. Эклeктизм, или полилeктика, коррелирует с алогизмом; он обладает потенциально неограниченным количеством форм, начиная с триалектики. Степени присутствия алогизма и эклeктизма (полилeктики) в этих формах находятся в прямо пропорциональной зависимости.

54. В качестве полярной стороны формальнологической репрезентации противоречия выступает его алогическая репрезентация. В формальнологической репрезентации противоречия наличествует дуалистическое сочетание противоположностей, в алогической — эклeктическое. Впрочем, если учесть, что дуализм — частный случай (а именно минимальная степень) эклeктизма, разница между формальнологической и алогической репрезентациями противоречия непринципиальна.

55. Формальнологическая репрезентация противоречия тавтологична. Сказанное означает, что противоречие при его формальнологической репрезентации предстает разновидностью тавтологии.

56. Репрезентация противоречия оказывается формальнологической (следовательно, само противоречие — фиктивным) без соотнесения его сторон с базовыми компонентами универсума — материальным и идеальным.

57. В формальнологической репрезентации противоречия фигурирует равнозначность противоположностей, вследствие чего не учитывается их взаимодействие, что приводит либо к догматическому разделению противоположностей, либо к их релятивистскому слиянию. В первом случае противоречие является исключающим (растождествляющим), во втором — объединяющим (отождествляющим).

58. В диалектикологической репрезентации противоречия фигурирует иерархия противоположностей и учитывается обязатель-

ность их взаимодействия. В этом случае противоречие оказывается включающим: в нем угнетенная противоположность в снятой форме входит в структуру доминирующей.

59. Формальнологическая репрезентация противоречия паллиативна, поскольку она представляет собой латентную форму его запрета. Алогическая репрезентация противоречия также паллиативна, потому что в ней противоречие дискредитируется эклектическим смешением его легализации и запрета.

60. Формальнологическая и алогическая репрезентации противоречия алогичны.

61. Диалектикологическая репрезентация противоречия является единственной адекватной, поскольку лишь в ней соблюдаются условия репрезентации противоречия: а) необходимое: называются стороны противоречия, одна из которых соотносится с материальным другая — с идеальным; б) достаточное: обозначаются доминирующая и угнетенная сторона противоречия, указывается мера преобладания доминирующей стороны противоречия над угнетенной, причем эта мера может быть неасимптотической либо асимптотической.

Литература

1. Горбачёв А. Ю. Философский дневник (2002 — 2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014. 640 с.

References

1. Gorbachev A. Y. Philosophskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Philosophskie statji i tezisj. Minsk: Izdatel A.G. Pechenko, 2014. 640 s.

IV

**ЕВРОПЕЙСКАЯ
РАЗНОГОЛОСИЦА:
СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА
УПРАВЛЕНИЕ**

А.А. ГРИЦЕНКО

**Противоречия фрагментации и глобализации
социально-экономической жизни как источник
европейской разноголосицы***

Аннотация. В статье показано, что источником европейской разноголосицы являются противоречия фрагментации и глобализации социально-экономической жизни, которые обусловлены логикой перехода от индустриально-рыночной к информационно-сетевой системе хозяйствования, основанной на принципиально иных законах функционирования. На основе учета глобальных тенденций в изменении соотношения цивилизационных сил и пяти сценариев развития событий для 27 стран ЕС до 2025 г., представленных в докладе Европейской Комиссии о будущем Европы, сделан вывод, что наиболее вероятным вариантом является «Европа разных скоростей» с достаточно острыми противоречиями и конфликтами, вызванными разноскоростным движением. Это будет продолжаться до достижения предела конфронтации, и тогда в бифуркационном пространстве-времени определится будущее мира и Европы.

Ключевые слова: Европа, европейская разноголосица, противоречия, фрагментация, глобализация, информационно-сетевая экономика.

Abstract. It is shown that the source of European dissonance is the contradiction between the fragmentation and the globalization of socioeconomic life, which are due to the logic of the transition from the industrial-market to the information-network system of economic management based on fundamentally different laws of functioning. Based on the consideration of global trends in changing the civilizational forces ratio and the five scenarios for the development of events for the 27 EU

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гриценко А.А. Противоречия фрагментации и глобализации социально-экономической жизни как источник европейской разноголосицы // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 219—227.

countries up to 2025, presented in the European Commission's report on the future of Europe, it is concluded that the most likely option is «Europe of different speeds» with rather sharp contradictions and conflicts, caused by a different speed movement. This will continue until the confrontation threshold is reached, and then the future of the world and Europe will be determined in the bifurcation space-time.

Keywords: Europe, European dissonance, contradictions, fragmentation, globalization, information-network economy.

УДК 122, 304, 330.342
ББК 65.013, 87.622

Европейская разногласица является субъектно-озвучиваемым выражением глубоких внутренних противоречий социально-экономической жизни. Эти противоречия не только результат чьих-то просчетов и ошибок — они имеют объективную природу и укоренены в логике социально-экономического развития. Самой общей линией социально-экономического развития является переход от натурально-хозяйственной к индустриально-рыночной и от нее к информационно-сетевой системе. В такой классификации ступеней социально-экономического прогресса лежит общий критерий, основывающийся на выделении господствующей формы продукта-ресурса и его жизненной среды.

Господствующая форма продукта-ресурса имеет свою среду обитания и обуславливает соответствующую форму хозяйственно-экономической жизни. До тех пор пока господствующим материальным ресурсом была земля, а продукт производства имел натуральный характер, взаимодействие людей в производстве приобретало форму хозяйствования, в которой воспроизводилась целостность общественной жизни. Такая система была натурально-хозяйственной.

Переход к производству, в котором основным ресурсом стала промышленность, а продукт принял товарную форму, превратил систему хозяйствования в индустриально-рыночную, в которой господствует частный производитель, не контролирующей общий экономический процесс. Дальнейшее движение связано с формированием информационно-сетевой системы, где основным ресурсом и продуктом становится информация, а ее жизненной средой — сеть. В процессе перехода от индустриально-рыночной к информацион-

но-сетевой экономике существенно изменяются законы функционирования экономики и общества. Это относится ко всем воспроизводственным моментам движения системы: условиям, процессу и результату, превращающемуся посредством распределения в условия.

Если в индустриально-рыночной системе основной продукт принимал материальную форму товара, требующего эквивалентного обмена и частной собственности, то в информационно-сетевой экономике основным продуктом является информация, которая может присваиваться одновременно всеми и каждым, и ей соответствуют реципрокный обмен и всеобщая собственность.

Если в индустриально-рыночной системе производство основано на частном труде, который выявляет свой общественный характер на рынке, то информационно-сетевая экономика имеет в своей основе всеобщий труд, в котором отдельный индивид в своей деятельности внутренне кооперируется как с предшественниками, так и с современниками. Его кооперация в деятельности не ограничена пространством и временем, а носит всеобщий характер. Наконец, если в индустриально-рыночной системе распределение осуществляется по стоимости рабочей силы и по капиталу, то в информационно-сетевой экономике распределение теряет непосредственную связь с результатами производства и приобретает реципрокный характер. В таких условиях господствующей распределительной категорией станет безусловный доход.

В существенной разнице законов функционирования индустриально-рыночной и информационно-сетевой систем можно убедиться на законах спроса и предложения. Кривая спроса на обычные блага носит нисходящий характер, а кривая спроса на сетевые блага — восходящий характер. Совершенно ясно, что руководствоваться законами индустриально-рыночной экономики в информационно-сетевой системе невозможно [2, 161—175].

Этому экономическому переходу соответствуют изменения в человеке и обществе. Человек становится все более включенным в многообразные сети, имеющие свои собственные законы, нормы, правила поведения и т. д. Переходя из сети в сеть, человек, подобно электрону в атоме, переходит с орбиты на орбиту, не пребывая в промежуточном пространстве, меняя свою точку зрения, правила поведения и т. д. Его мышление, способы поведения и вся жизнь фрагментируются, распадаются на разные эпизоды, связанные лишь

внешней последовательностью, а не внутренней логикой. Человек постепенно становится все более сетевым, приобретая соответствующие характеристики, которые начинают преобладать. Эта тенденция, зародившаяся еще до возникновения интернета, сейчас приобрела технологическое основание и ярко выраженный характер. Человек теперь вооружен технически (смартфоном, планшетом, ноутбуком и пр. средствами) и значительную часть времени на работе и в свободное время пребывает в сети, решая производственные вопросы, повышая свой уровень образования, отдыхая, развлекаясь и т. д. Сеть все больше становится его собственной жизненной средой, а сам он сетевым человеком — *Netman* 'ом.

Общество также все больше превращается в огромное множество разнообразных сетей, включая террористические, криминальные и пр. Формируются технико-технологическая, экономическая и социальная структуры, способы мышления и идеология, адекватные сетевому устройству.

Технико-технологической основой производства становятся интернет и цифровые технологии. Здесь, как отмечает Ю.М. Осипов, «цифра уже не просто используется экономикой, а экономика вынуждена подстраиваться под технологическую цифру, превращаясь шаг за шагом в постэкономику, или техномику» [3, 23—24]. Хозяйственные отношения под воздействием информационно-цифровых технологий модифицируются, вследствие чего информационно-сетевая экономика начинает формироваться как экономический базис общества. Меняется и социальная структура общества. Ее теперь определяют не сословия, страты и классы, а социальные сети в широком смысле. Мышление также становится сетевым, не способным отличать функциональные связи от причинно-следственных, внешние формы проявления от скрытой за ней сущности, воспроизводить сложные цепи внутренних зависимостей.

На этой основе происходит мифологизация мышления, которое, как и в первобытном обществе, не может осмыслить происходящее, но по разным причинам. В первобытном обществе через недостаток информации, а в современном — через ее избыток, который затрудняет, а подчас делает невозможным рациональный отбор. Идеологемы, напрямую и внешним образом соединенные с какими-то фактами, становятся основаниями для принятия неадекватных решений, направляют развитие событий в деструктивное русло. Если мы посмотрим на то, что сейчас делается в различных

частях мира, включая Европу, то получим достаточно убедительное подтверждение этому тезису.

Фрагментация общества, человека и сознания непосредственно связана с процессами глобализации и является их обратной стороной. Именно глобальный характер сети позволяет человеку обособиться от непосредственно окружающего его мира и соединиться, сблизиться с миром, пространственно удаленным, но близким по интересам.

Все это вступает в противоречие с предшествующим базисом и способами жизнедеятельности, которые не ушли и никогда окончательно не исчезнут, а будут преобразованы и сняты в основаниях новых форм жизни.

В Европе все эти тенденции присутствуют, но проявляются в формах, имеющих европейскую специфику. Среди противоречий фрагментации и глобализации в европейском пространстве-времени можно выделить наиболее общие, имеющие основополагающий характер:

- между фрагментацией национальных экономик путем включения субъектов хозяйствования в глобальные цепи и целостностью национальных хозяйственных комплексов;
- между уровнями экономического развития стран, входящих в ЕС;
- между уровнями интеграции монетарной и бюджетных сфер национальных экономик;
- между развитием производства, ориентирующегося на глобальные рынки, и национальными рынками труда;
- между национальными источниками доходов и потребительскими расходами на импортируемые товары;
- между экономическими интересами Евросоюза как общего экономического, социального, политического и культурного пространства и глобализационными процессами, фрагментирующими это пространство;
- между элитой общества и интересами большинства населения;
- между абстрактными принципами проводимой политики и императивами реальной жизни.

Эти противоречия имеют многообразные формы проявления и выражаются как в европейском, так и глобальном дискурсе. Непо-

средственным предметом обсуждения выступает вся совокупность животрепещущих экономических, социальных, политических, социогуманитарных и иных проблем. Европейская идентичность, ценности, суверенитет, демократия, мультикультурализм, миграция, безопасность, евро, монетарная, бюджетная, экономическая, социальная политика, долги, санкции, дипломатия, права человека, международные отношения и многое другое становятся объектами пристального внимания и порождают спектр мнений, включающий диаметрально противоположные позиции.

Обобщенным выражением европейской разногласности может служить

представленный Европейской Комиссией доклад о будущем Европы [1]. В нем констатировано: «Проблемы Европы не показывают никаких признаков того, что они идут на убыль. Наша экономика оправляется от глобального финансового кризиса, но это все еще не ощущается одинаково по всей Европе. Различные части нашего союза дестабилизированы, что привело к самому крупному кризису беженцев со времен Второй мировой войны. Террористические атаки поразили сердца наших городов. Появляются новые глобальные державы, в то время как старые сталкиваются с новыми реалиями. А в прошлом году одно из наших государств-членов проголосовало за выход из Союза» [1, 6]. Впервые со времен Второй мировой войны возникла реальная опасность того, что новое поколение молодых людей может оказаться менее состоятельным, чем их родители [1, 11].

В докладе представлено пять сценариев развития событий для 27 стран ЕС до 2025 г., в которых изложены как их достоинства, так и недостатки [4]. Первый сценарий предполагает продолжение прежних подходов и концентрацию внимания на реализации позитивной повестки реформ, что должно дать конкретные результаты и сохранить единство ЕС. Его отрицательной стороной является возможное возникновение серьезных разногласий между странами.

Второй сценарий фокусируется на углублении некоторых ключевых аспектов единого рынка, но нет общей договоренности о совместной работе в таких областях, как миграция, безопасность или оборона. При этом права граждан, гарантированные законодательством ЕС, со временем могут быть ограничены. Ситуации проиллюстрированы разными примерами, в том числе отмечено, что пересечение внутренних границ по делам бизнеса или туризма мо-

жет быть затруднено из-за регулярных проверок, найти работу за границей будет сложнее, а передача прав на пенсию другому государству-члену не гарантируется [1, 22].

Третий сценарий «Кто хочет большего, делает больше» исходит из того, что 27 стран ЕС действуют, как сейчас, но позволяют заинтересованным странам-членам делать больше совместно в конкретных сферах. При этом «единство ЕС на уровне 27 стран сохраняется, в то время как дальнейшее сотрудничество становится возможным для желающих. Права граждан, вытекающие из законодательства ЕС, начинают различаться в зависимости от того, живут они или нет в стране, которая выбрала больше сотрудничать с ЕС. Возникают вопросы о прозрачности и подотчетности различных уровней принятия решений. Разрыв между ожиданиями и реальностью начинает сокращаться в странах, которые хотят больше сотрудничать с ЕС» [1, 24].

По четвертому сценарию «Делаем меньше, но с большей эффективностью» страны ЕС концентрируются на работе в отдельных сферах и делают меньше там, где не ожидается должного эффекта. При этом «более четкое разделение обязанностей помогает европейским гражданам лучше понять, что регулируется на уровне ЕС27, а что на национальном и региональном уровнях. Это помогает сократить разрыв между обещаниями и их реализацией, даже если ожидания остаются неудовлетворенными в определенных областях» [1, 27]. Права граждан, вытекающие из законодательства ЕС, укрепляются в тех областях сотрудничества и сокращаются в других сферах. Главная трудность в этом случае состоит в проблеме достижения согласия по поводу того, каким сферам отдать приоритет.

Наконец, пятый сценарий «Намного больше сделаем вместе» является наиболее оптимистичным. Страны осознают, что ни ЕС27 в нынешнем состоянии, ни они сами по себе в настоящее время не могут справиться с возникшими вызовами и передают в союзные органы больше власти, ресурсов и полномочий по принятию решений. В результате развивается сотрудничество, укрепляется зона евро, а решения быстро согласовываются и реализуются. Недостатком здесь является риск обострения противоречий с теми частями общества, которые считают, что ЕС не имеет достаточной легитимности или забрал слишком много прав у национальных властей [1, 30].

Под словами, приведенными в заключительной части представленного доклада, мог бы подписаться каждый добропорядочный европеец: «Мы хотим жить в обществе, в котором мир, свобода, терпимость и солидарность находятся превыше всего. Мы хотим жить в условиях демократии с разнообразием взглядов и с критической, независимой и свободной прессой. Мы хотим быть свободными, говорить то, что думаем, и быть уверенными, что ни один человек или учреждение не находятся выше закона. Нам нужен Союз, в котором со всеми гражданами и государствами-членами обращаются одинаково. Мы хотим создать лучшую жизнь для наших детей, чем та, которая была у нас самих» [1, 32]. Но добропорядочные намерения должны пройти чистилище (точнее сказать, «грязнилице») реальной жизни. И это жесткая проверка.

Уже сейчас в европейской разногласии критическая компонента является очень весомой. Это означает, что существующий порядок перестал удовлетворять большинство сторон, участвующих в дискурсе и практической деятельности. По существу, речь идет о необходимости формирования нового мирового и европейского порядка. И этот порядок будет значительно отличаться от существующего и складываться под воздействием изменения мировой конфигурации сил (прежде всего экономического и военного потенциалов).

Экономическое значение Европы уменьшается. Уже сейчас ее доля существенно сократилась и составляет менее 20% мирового продукта. По прогнозам, к середине XXI столетия она может уменьшиться до 7%, что сделает ее сопоставимой с Африкой [5, 2]. Экономическая динамика также ухудшилась. Такое развитие ситуации не будет способствовать консолидации Европы. Восток будет теснить европейский Запад и экономически, и демографически, и цивилизационно. И не только внешне, но и изнутри за счет эмиграции, импорта товаров, капитала и ценностей. И все это чрезвычайно противоречиво и конфликтно.

С учетом этих обстоятельств наиболее вероятным сценарием является «Европа разных скоростей» с достаточно острыми противоречиями и конфликтами, вызванными разноскоростным движением. Европейская разногласия будет частично принимать более острые формы «перебранки», противодействия и конфликтности. Но через некоторое время мировые и европейские издержки от возрастания конфликтности достигнут предела, и их дальнейшее увеличе-

ние станет неприемлемым. Это бифуркационное пространство-время и определит будущее мира и Европы. Самое пессимистическое развитие событий не стоит рассматривать, так как оно не будет иметь продолжения. А оптимистическим вариантом будет новая консолидация на основе изменившегося соотношения цивилизационных сил.

Литература

1. Белая книга. Будущее Европы. Перспективы и сценарии для ЕС27 к 2025 году: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbstu.ru/upload/inter/white-paper-future-eu.pdf>.
2. Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем: монография / Под ред. чл.-кор. НАН Украины А.А. Гриценко. К.: НАН Украины, Ин-т экон. и прогнозирова., 2013. С. 161—175.
3. *Осипов Ю.М.* Экономика и цифра в поле зрения философии хозяйства // Философия хозяйства. Специальный выпуск. 2017.
4. Пять сценариев возможного развития ЕС до 2025 года: [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/styles/manual_crop/public/final_0.jpg?itok=-jZxiaGG_
5. *Bongiovanni F.* The Decline and Fall of Europe. L.: Palgrave Macmillan, 2012.

References

1. Belaya kniga. Budushhee Evropy. Perspektivy i stsenarii dlya ES27 k 2025 godu: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.spbstu.ru/upload/inter/white-paper-future-eu.pdf>.
2. Ierarkhiya i seti v institutsional'noj arkhitektonike ehkonomicheskikh sistem: monografiya / Pod red. chl.-kor. NAN Ukrainy A.A. Gritsenko. K.: NAN Ukrainy, In-t ehkon. i prognozirov., 2013. S. 161—175.
3. *Osipov YU.M.* EHkonomika i tsifra v pole zreniya filosofii khozyajstva // Filosofiya khozyajstva. Spetsial'nyj vypusk. 2017.
4. Pyat' stsenariev vozmozhnogo razvitiya ES do 2025 goda: [Elektronnyj resurs]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/styles/manual_crop/public/final_0.jpg?itok=-jZxiaGG_

И.П. СМЕРНОВ

К дискуссии о принадлежности ислама Европе*

Аннотация. В статье дается оценка актуальной дискуссии, ведущейся в Европе и в первую очередь в Германии, по поводу отношения к исламу. В центре проблемы ситуация с мигрантами, разное видение будущего Европы разными политическими силами, история вопроса, европейская идентичность, тупики идеологии политкорректности.

Ключевые слова: Европа, христианство, ислам, идентичность, политкорректность.

Abstract. The article gives an assessment of the discussion which is relevant for Europe and first of all in Germany, concerning opinions about Islam. The author emphasizes a situation with migrants, visions of Europe's future by different political forces, the background, the European identity, ideology deadlocks of political correctness.

Keywords: Europe, Christianity, Islam, identity, political correctness.

УДК 32
ББК 66

Отношения мусульман вообще и мусульманских мигрантов последней волны в частности с представителями коренного населения выдвинулись в ряд самых острых проблем Европы и стали принципиальным предметом ведущихся в ней политических дискуссий. Противоречия между «старыми» и «новыми» членами ЕС по вопросу введения обязательных квот на прием мигрантов и их распределения приобретают практически неразрешимый характер. Отсутствием единства по вопросу отношения к исламу не в последнюю очередь объяснялось рекордно, мучительно долгое складыва-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. К дискуссии о принадлежности ислама Европе // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 228—237.

ние правящей партийной коалиции в центральной стране современной Европы, Германии. Причем консенсуса нет даже внутри такой ведущей политической силы, как ХДС-ХСС.

Официальная позиция государства звучит так: ислам является составной частью общегерманской культуры и немецкого социума, что вполне согласуется с Основным законом Федеративной республики и законодательно закрепленными положениями Европейского союза о правах человека и иммиграции. Однако безусловную поддержку эта позиция постепенно утрачивает уже и внутри политических элит страны.

Только что заняв должность министра внутренних дел, Хорст Зеехофер (представляющий ХСС) сделал довольно неожиданное заявление, что ислам все же не относится к Германии — стране, образованной христианством. Это вызвало критику со стороны ХДС и самой Ангелы Меркель, в заявлении Зеехофера увидели ревизию идей, которые канцлер отстаивает все последние годы, и даже сочли его слова личным оскорблением в ее адрес. Лидеры ХСС поддержали своего представителя, а на стороне Меркель выступили не столько устранившиеся однопартийцы из ХДС, сколько министры от конкурирующей СДПГ.

В результате этой происходившей публично дискуссии альянс ХДС-ХСС проиграл свои позиции, СДПГ осталась при своих, а занимающая третье место «Альтернатива для Германии» усилилась. На состоявшейся уже после этой информационной кампании пресс-конференции с шведским премьер-министром Левеном Меркель снова отметила, что живущие в Германии мусульмане относятся к стране «точно так же, как и их религия», и цель заключается в том, чтобы обеспечить и гарантировать разным религиям на территории страны равноправное сосуществование. Зеехофер, в первые же дни работы объявленный критиками ксенофобом и расистом, вскоре был обвинен еще и в сексизме. Поводом послужило его относящееся к министерству кадровое решение, отдающее очевидное предпочтение мужчинам. И хотя коалиционное соглашение между ХДС-ХСС и СДПГ содержит обязательный пункт о равном разделении постов между мужчинами и женщинами, это условие вступает в законную силу лишь с 2025 г., поэтому Зеехофер формально не должен был выполнять его немедленно. Впрочем, это не помешало очередному скандалу.

Актуальные споры, конечно, выросли из предыдущих дебатов и имеют богатую предысторию. В 2009 г. Ханс-Юрген Ирмер, председатель фракции ХДС-ХСС в парламенте земли Гессен, допустил высказывание в том смысле, что «демократия и ислам несовместимы». Шквал возмущения со стороны социал-демократов и «зеленых» заставил парламентария извиниться и пояснить, что он не посягал на свободу вероисповедания немецких мусульман. В 2010 г. президентом республики Кристианом Вульфом выдвигается известная формула: ислам принадлежит Германии. Позже этот тезис был взят на вооружение и многократно повторялся Ангелой Меркель. В 2012 г. сменивший Вульфа на посту президента Иоахим Гаук, комментируя высказывание предшественника, уточнил, что корректнее говорить о принадлежности к Германии мусульман, а не ислама. Затем имели место различные попытки редуцировать эту идею, такие как инициатива ХДС-ХСС и Свободных либералов, которые в марте 2011 г. обеспечили в бундестаге большинство голосов предложенным ими же поправкам в уголовный кодекс, призванным урегулировать проблему принудительных браков. Эти меры принимались параллельно с запретом строительства минаретов в соседней Швейцарии или атаками на ношение хиджаба в общественных местах в соседних Франции и Бельгии.

Характерно, что дискуссия ведется преимущественно представителями одной стороны — Европы. Я мог бы вспомнить лишь один прецедент, когда спор о принадлежности ислама Европе происходил между представителями обеих сторон. В 2015 г. председатель правительства Венгрии Виктор Орбан заявил, что ислам в духовном плане никогда не был органичной частью Европы, представляя собой свод правил, принадлежащий «другому миру». На это выступление ответил Хусейн Кавазович, верховный муфтий Боснии, обвинивший Орбана в пренебрежении историей некоторых европейских государств. По логике Кавазовича, ислам пришел в Европу точно так же, как ранее христианство, и он обладает одинаковыми с христианством правами.

Необходимо отметить, что эти вопросы ставятся не только в политической, но и в академической сфере. В качестве примера приведу личную историю участия в германском научном проекте, посвященном европейской идее. На этапе подготовки проекта было проведено несколько предварительных встреч с обсуждением, планированием и оценкой перспектив его составных частей. В резуль-

тате европейские представители приняли решение, что состав участников необходимо дополнить специалистами по исламу, ведь это неотъемлемая часть Европы и, шире, европейской идеи и ее истории. Без этого заявка, по их убеждению, теряла бы шансы на успех.

Объективные причины конфронтации и обостренного отношения к обозначенной проблеме лежат в том числе в области исторической памяти европейцев, отягощенной религиозными войнами и завоевательными притязаниями арабского Халифата, а затем Османской империи. Из истории Европы действительно невозможно исключить покорение мусульманами Испании и Сицилии. В VIII в. арабы достигают Бургундии, где в 732 г. при Пуатье терпят решающее поражение в битве с войском Карла Мартелла, которое останавливает их продвижение вглубь континента. Ответом на завоевания мусульман в Западной Европе была эпоха крестовых походов и испанской Реконкисты. Не меньшее влияние на ход европейской истории оказало продвижение осmano-турецкого государства на Балканы и за их пределы. Оно было остановлено лишь к концу XVII в. объединенными усилиями Священной Лиги (коалиции европейских государств), в 1683 г. осаду турками Вены снял польский король Ян Собеский.

Противостояние с исламом в значительной мере содействовало формированию единого европейского самосознания. Обращаясь к истории вопроса, мы увидим, как одна экспансия сталкивалась и боролась с другой. Европейской идее свойственен никем не превзойденный динамизм, наступательный характер, который подпитывался представлением о прогрессе, в свою очередь невозможном без органично присущей и имманентно необходимой европейскому сознанию экспансии — как внутренней, так и внешней. Без этой исторической особенности Европы нельзя представить себе становление буржуазного общества в Новое время и его инвазивное распространение далеко за пределы европейского континента. «Альгамбра» Вашингтона Ирвинга, прекрасное произведение позднего романтизма, подкупающее ярким и сказочным декоративно-ориентальным колоритом, полным иллюзорной ностальгией, эмоционально возможно исключительно в его реальной исторической ситуации, когда следы мусульманского господства — лишь остатки, в культурном смысле руины на отвоеванном Реконкистой юге Испании. Руины были одним из типичных мотивов романтизма.

Действительно, как в ходе открытого военного противоборства, так и после, гораздо позднее его зафиксированного международно-правовыми соглашениями окончания, некоторые области полностью или частично уступлены Европой исламу, но именно уступлены. В частности, Марсель — как заложник своего географического расположения. Охватившие разные части города массовые беспорядки, устроенные местными футбольными болельщиками Алжира и Египта после полуфинала Кубка Африки 2010 г. (проигранного первыми вторым) и степенью вандализма напомнившие «арабскую интифаду» во Франции октября — ноября 2005 г., были, как представляется, красноречивее любых статистических выкладок.

Не важно, является ли Берлин на самом деле третьим городом мира по числу турецких жителей после Стамбула и Анкары. На основании официальной статистики мы не получим ответа. Само присутствие этого факта (или мифа, что в данном случае не существенно) в сознании как европейцев, так и мусульман, играет более значимую роль. Во всяком случае, по моим наблюдениям, господствующее преобладание вывесок на турецком языке, завешанные сохнувшим бельем дворы с шумными стайками детей и степенными стариками, играющими в нарды и пьющими из фигурных стеклянных стаканчиков чай, уже много лет определяют картинку в «маленькой Турции» — берлинском районе Кройцберг.

Полностью уступлены три ила европейской части Турции и Албания, существенная часть Боснии, а по факту еще и западные районы Македонии. Уступка, до сих пор официально не признанная Европой, — Турецкая республика Северного Кипра. Последняя утраченная Европой область — Косово, включающее главные святыни сербского православия. Речь в первую очередь даже не о расположенном недалеко от Приштины Косовом Поле с церковью Самодрежей, в которой войско сербов принимало участие перед сражением. Само сербское обозначение региона — Косово-Метохия — содержит греческое понятие «Метохия», означающее землю, принадлежащую церкви. В расположенном в этой части страны городе Печ находится храмовый комплекс монастырской резиденции Печской патриархии, предшественницы нынешней Сербской православной церкви. Сербские патриархи по сей день носят титул архиепископов Печских. Однако геополитические интересы Запада

предсказуемо взяли верх над соображениями сохранения культурного наследия христианства.

Но вернемся в «христианскую» Европу. Ассимилирование новых этнокультурных элементов культурами европейских народов, на которое продолжают рассчитывать европейские государства, сегодня намного более проблематично, чем пару десятилетий назад, когда оно еще было относительно эффективным. Это объясняется не только демографической ситуацией Европы, но и, даже в большей степени, сложившимся положением в сфере массовой информации и коммуникации, растущей ролью интернета. Нынешний мигрант, благодаря технологическому развитию названных областей, не оставляет свою культурную среду, остается под определяющим влиянием предлагаемых ею политических и теологических интерпретаций и в силу этого не вынужден адаптироваться, а может вполне обособленно и изолированно существовать в своего рода культурной капсуле, внутренне не отрываясь от родного ему этноконфессионального мира и радикализируясь вместе с ним, культивируя в себе чувство принадлежности к глобальной мусульманской общине. Вероятно, этой диаспоральной замкнутостью следует объяснять идеологически мотивированные теракты, осуществляемые гражданами Европейского Союза во втором и третьем поколении, происходящими из семей с эмигрантскими корнями. (Здесь я должен сделать оговорку, что полностью солидарен со справедливым, на мой взгляд, указанием, неизменно сопровождающим информационные сообщения о той или иной трагедии в Европе, что ислам — миролюбивая религия, дискредитируемая экстремистами, и, хотя многие террористы — мусульмане, немногие мусульмане — террористы.) Новейший пример представляет заочный спор министра иностранных дел Франции Жан-Ива Ле Дриана с Рамзаном Кадыровым в отношении выходца из Чечни с французским гражданством, напавшего на прохожих в Париже, по поводу того, где сформировалось его мировоззрение — во Франции или в Чечне. Каждая из сторон предпочитает переложить ответственность на другую.

Подобным же образом можно трактовать, например, вызвавшие демонстративный шок в немецком обществе результаты проведенного в апреле 2017 г. среди турецких граждан Германии референдума о реформе турецкой конституции. К разочарованию германских публицистов, он повсеместно завершился успехом Эрдогана. Объяснения и комментарии немецких политиков, согласно кото-

рым граждане турецкого происхождения все еще недостаточно комфортно ощущают себя в Германии, не вполне мультикультурной для них, не выдерживают критики. Решающее значение имеет здесь вовсе не дефицит мультикультурности, а тот самый «эффект капсуль». Провозглашенный в стране так называемый «конституционный патриотизм» оказался несостоятельным, мусульманская часть социума выражает нежелание встраиваться в единое немецкое мультикультурное целое и абсорбироваться в нем, напротив, проявляет себя в качестве крупной силы, сознающей свои самостоятельные политические и культурные интересы в Европе.

В современной Европе можно констатировать наличие двух противонаправленных тенденций. С одной стороны, принадлежность к любой европейской нации, с точки зрения тоталитарной идеологии политкорректности, обусловлена уже не причастностью к соответствующей культурной и мыслительной традиции, а исповедованием универсальных прав человека. С другой стороны, каждое новое поколение мусульман в Европе заметно радикализируется. Здесь проявляется отчетливый тренд к «архаизации» сознания, действующий подобно своего рода новой интеллектуальной моде. Либеральная установка на свободное усвоение плодов общепланетарного прогресса сменилась консервативной установкой на предотвращение негативных последствий этого прогресса.

Но политкорректность не знает компромиссов. Поэтому несколько не удивительно, что французский переводчик романа Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы» из боязни преследований предпочел сохранить анонимность. Хотя футуристически описанная в романе судьба Парижа только воспроизводит историческую судьбу Константинополя. Совершенно безобидное на этом фоне исследование Тилло Сарацина «Германия самоликвидируется» привело к тому, что автор без обиняков получил клеймо «нерукопожатного» (самый суровый приговор в обществе политкорректности). Всяческие упоминания поднятых «популистом и провокатором» Сарацином социально-политических проблем осуждаются как нетолерантные и воспринимаются весьма агрессивно. Обвинений в фашизме заслужило всего лишь его подкрепленное цифрами сомнение в перспективах родной страны при экстраполяции в будущее актуальных тенденций в демографии, образовании и миграционной политике.

Рискну предположить, что концепция столкновения цивилизаций, развитая Самюэлом Хантингтоном уже более 20 лет назад, избежала столь жесткой обструкции только благодаря американскому происхождению автора, хотя и не признается ни политическими, ни академическими кругами Европы. Хантингтон подверг сомнению либеральную трактовку истории, отдающую идеологии прав человека роль единственной оставшейся возможности для всех культур современного мира.

Что бы ни утверждали поборники политкорректности, исторически Европа представляет собой сочетание фаустовской (говоря языком Освальда Шпенглера) и византийской цивилизаций, наследницей которой во многих отношениях выступает русская, — т. е. Западной и Восточной Европы. И хотя в причудливой фантазии немецкого философа существовала цивилизация «арабо-византийская», глубокие различия между христианством и исламом очевидны. Соответствующую позицию занимали основоположник теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский, а у англосаксов более поздний А. Тойнби. Общность Западной и Восточной Европы покоится на двух главных духовных истоках — античном наследии и христианстве, правомочность и чистоту преемственности от которых в различных аспектах традиционно оспаривают обе исторические ветви.

Хрестоматийное выражение, хотя в силу своей категоричности и полемическое, разница между христианской и мусульманской культурными традициями нашла в известной работе Владимира Соловьева «Магомет, его жизнь и религиозное учение» (1896). В заключении книги автор высказывает мысль об ограниченности ислама, заключающейся в отсутствии идеи Богочеловечества, соединения человека с Богом. Вместо бесконечного совершенствования ислам, согласно русскому мыслителю, требует от человека лишь безусловной преданности.

Для радикального прочтения ислама или для опасений, что такое прочтение возможно, существуют некоторые предпосылки. Отличие Корана от других священных писаний авраамических религий заключается в том, что привычные для нас символический и аллегорический способы толкования текста здесь не в такой же степени применимы. Толкование Корана в исламе (тафсир) построено несколько иначе. Разные по времени написания высказывания не взаимодополняют друг друга (что относится, например, к четырем

Евангелиям, а также к книгам пророков, посланиям апостолов и т. д), оставляя простор для глубоких расширительных трактовок, которые в христианстве составили обширную область богословия — экзегетику, — а подчиняются хронологическому принципу. Если один из аятов вступает в противоречие с другим, практикуются упразднение более раннего и замена его более поздним. Таким образом, положения Корана в глазах последователей приобретают характер нормативных предписаний. Новые движения используют эту особенность и, даже если провозглашают своим лозунгом стремление вернуться к духу культуртрегерского раннего ислама времен пророка Мухаммеда, выдвигают все более радикальные политизированные требования, связанные с концепцией установления Всемирного халифата как конечной цели земной истории. Так называемый «идейный ислам», развивающий это течение мысли, представлен, к примеру, исламским движением «Партия Освобождения» (центральный аппарат которого располагается в Англии), действующим примерно в 50 странах мира, наиболее интенсивно — в республиках Средней Азии. Одно из направлений легальной партийной деятельности составляет работа над проектом конституции будущего Всемирного халифата.

По-другому, нежели в Европе, отношения с исламом складываются в России. В ряде коренных регионов нашей страны ислам старше православия, скажем, в Поволжье. И при выборе веры князем Владимиром, согласно «Повести временных лет», ислам присутствовал в качестве одной из альтернатив. Общение с Золотой Ордой, которая довольно скоро превратилась в исламскую страну, стало немаловажным фактором нашей истории. Приходится согласиться с Пушкиным: татары не мавры, они не принесли нам алгебру и не научили нас читать Аристотеля. Но, несмотря на это, мусульмане успешно и безболезненно инкорпорировались в российское общество. Поступающие на службу Москве чингизиды получали кормления в самом центре государства (феномен Касимовского царства), и все последующие непростые события истории не мешали интеграции мусульман на всех уровнях социума. По образцу Византии русские цари не посягали на веру тех народов, которые они покоряли. Это создало длительную традицию лояльного отношения мусульман к российскому государству.

По сравнению с Европой, ситуация терпимости к иноверию в России кажется парадоксальной, что позволило исследователям го-

ворить об особой модели «религиозного плюрализма», свойственной отечественной истории. Лежащая в основе религиозных войн Европы мысль о необходимости принудительного крещения мусульман в России практически отсутствовала. Видимо, Европе не хватает позитивного опыта нескольких веков уважительного сосуществования и эффективного взаимодействия с исламом, который наработан Россией. В любом случае, исходящие из постулатов политкорректности дискуссии о принадлежности ислама Европе, хотя и подразумевают полную религиозную толерантность, пока проявляют себя как абсолютно контрпродуктивные.

Я. ПАСЕЧНЫ

Закономерности создания и развития профилей гмин в Польше*

Аннотация. Основной единицей территориальной структуры в Польше является гмина (муниципальное образование) Ее задача — удовлетворение потребностей проживающего в ней населения. Реформа, начатая в 1990 г., была достаточно успешной, однако привела к поляризации доходов гмин. Одним из эффективных инструментов стимулирования развития территориальных единиц стало их профилирование (специализация): промышленный профиль гмины, сельскохозяйственный, жилищный, туристический, профиль обслуживания и т. д. Потребителями услуг, оказываемых гминами, являются и другие субъекты. Гмины должны стремиться сформировать свой профиль и определить те субъекты, потребности которых будут удовлетворяться в первую очередь. Формирование профилей определяется представленными в статье закономерностями.

Ключевые слова: профиль, гмина, специализация, закономерность, развитие.

*Перевод с польского Д. Столярек (Варшавский университет).

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Пасечный Я. Закономерности создания и развития профилей гмин в Польше // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 237—250.

Abstract. The basic function of a commune is to fulfill its inhabitants' needs. However, communes also provide services to other entities. Since the expectations of those entities are complex, it is impossible to meet all these needs on an equally satisfactory level. Communes should therefore aim at creating specific profiles which includes choosing these entities whose needs will be satisfied as a priority. The article describes the regularities characterizing the process of creating such profiles.

Keywords: profile, commune, specialization, regularity, development.

УДК 32
ББК 66

В соответствии с законом о самоуправлении задачей *гмины* — основной территориальной единицы Польши — является удовлетворение коллективных нужд ее сообщества, или на практике — широко понимаемое улучшение условий жизни ее жителей (см.: [6]). Сообщество жителей, однако, внутренне неоднородно, у его членов разные и часто противоречивые цели. Кроме того, они играют разнообразные роли, одновременно являясь налогоплательщиками и потребителями общественных услуг, жителями, потенциальными инвесторами и т. д. Потребителями гмин также являются, наряду с местными жителями, другие субъекты, прямо или косвенно выражающие свои потребности и интересы. Совместно с жителями они создают группу клиентов гмины. Учитывая противоречивость интересов и дифференциацию клиентов, очевидно, что невозможно удовлетворение всех их нужд на одинаково высоком уровне. Не имеет смысла и предпринимать такие попытки, поскольку это чревато распылением средств и неизбежными конфликтами. Альтернативным же решением является специализация, или формирование четкого профиля, гмин.

Гмины должны определить те субъекты, интересы которых будут удовлетворяться в первую очередь и на самом высоком уровне. Выбор этот обусловлен, в частности, такими факторами, как природные условия, традиции, сложившийся профиль, демографические особенности, расположение и транспортные возможности. Следует помнить, что выбор предпочитаемых клиентов не может происходить за счет законных обязательств гмин перед жителями.

Профиль гмины выражается сверхнормативным накоплением факторов, способствующих ведению определенных видов деятельности и удовлетворению определенных нужд на территории гмины. И такая деятельность ведется достаточно интенсивно.

Гмины в Польше

Основной единицей территориального самоуправления в Польше является гмина. Алексис де Токвиль писал: «Гмина — это единственный союз, который обладает столь естественным характером, что образуется по собственному почину везде, где собираются люди. Итак, гминное сообщество возникает у всех племен, независимо от их обычаев и законов. Человек создал монархию и установил республики, а гмина происходит прямо от Бога» [4, 320].

На польских землях институт территориального самоуправления, в том числе и гминного, имеет многолетние традиции. Начало следует искать в территориальных сообществах, существовавших еще до формирования государства Пястов. Примерами продвинутого гминного самоуправления служили средневековые города, основанные на магдебургском праве. Понятие самоуправления (*Selbstverwaltung*) в немецком языке сформировалось в конце XVIII в. Обозначало оно, в частности, автономию от государства в рамках определенных законодательных урегулирований [1, 47—48]. Переломным моментом в истории территориального самоуправления стала Великая французская революция, следствием которой стал, в частности, закон, провозгласивший гмины свободными и самоуправляемыми, независимыми от государства. Был принят принцип разделения органов законодательных и исполнительных, а также отделения собственных задач гмин от задач, поручаемых правительственной администрацией. Именно под влиянием решений Французской революции в польскую Конституцию от 3 мая 1791 г. были внесены положения, существенно расширяющие автономию города.

После обретения вновь независимости в 1918 г. в Польше была введена трехуровневая система самоуправления. Самый низкий уровень самоуправления составляли гмины, занимающиеся, в частности, коммунальным, жилищным хозяйством, социальной защитой и здравоохранением, строительством и содержанием дорог, обеспечением транспорта, противопожарной охраной и обеспечением порядка. Гмины также могли владеть промышленными предприятиями.

ми и фирмами, оказывающими коммунальные услуги. Доходы гмин формировались за счет отчислений от собранных налогов, взимаемых в пользу государства, собственных налогов и местных сборов. После Второй мировой войны местное самоуправление стало недееспособным, а в 1950 г. было упразднено.

В 1990 г. гмины приобрели правоспособность, имущественные права и собственный бюджет. Это можно считать восстановлением самоуправления на уровне гмины. В соответствии с законом гмины обязаны решать как собственные задачи, так и государственные. Собственные задачи гмины — удовлетворение потребностей своего сообщества. В перечень собственных задач входят:

- вопросы пространственного и экологического порядка, например, пространственное планирование, охрана окружающей среды;
- вопросы технической инфраструктуры (дороги, мосты, водопроводы и др.);
- вопросы социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т. п.);
- вопросы безопасности и общественного порядка (противопожарная охрана, санитарная безопасность и т. д.).

Кроме собственных задач, гмины решают задачи, поручаемые государством. Передача таких задач гмине осуществляется в силу закона или на основании соглашения с органами правительственной администрации.

Выполнение таких задач возможно благодаря получению относительно стабильных доходов из разных источников. К главным относятся налоги, взимаемые гминами (например, налог на недвижимость, земельный налог, лесной налог, торговые сборы и др.), государственные сборы (в частности, участие в подоходном налоге с физических лиц, с юридических лиц, в эксплуатационных сборах, взимаемых за пользование полезными ископаемыми и сырьем), общие субвенции на финансирование собственных задач гмин, целевые дотации из государственного бюджета. Кроме того, гмины могут получать доходы от собственного имущества (например, плата за сдачу внаем и арендная плата, доходы от продажи недвижимости, прибыль предприятий и товариществ, остающихся во владении самоуправления); доходы от займов и кредитов, а также выпускать коммунальные облигации.

Органами гмины являются *совет гмины* и *войт* (глава муниципального образования или президент города). Они избираются на демократических выборах.

В настоящее время на территории Польши действуют 2478 гмин, в их числе 302 городские гмины (т. е. гмины со статусом города), 628 городско-сельских гмин (т.е. таких, в состав которых входят города и села) и 1548 сельских гмин. Польские гмины сильно дифференцированы. Самой крупной по территории считается гмина Пиш в Писком районе. Ее территория составляет 634 км², и она в 191 раз больше по площади, чем самая маленькая гмина Гурово Илавецкое с территорией 3,32 км². Для сравнения площадь Варшавы составляет 516,9 км². Самой крупной по численности населения городско-сельской гминой является Пясечно, в которой в 2017 г. проживали 76 тыс. человек. Наиболее населенной сельской гминой является Хелмец в районе Новый Сонч, в которой проживает 25,5 тыс. жителей. Любопытно, что в Польше самой маленькой по числу населения гминой является город Крыница Морска — 1376 жителей. Гмины также сильно дифференцированы по уровню развития и зажиточности. В 2016 г. бюджетные доходы на одного жителя (после отчисления налога, который платят богатые гмины в пользу самых бедных) самой богатой гмины — Клецув — составляли 32 тыс. злотых, а в самой бедной гмине — Пжитулы в Подляском воеводстве — лишь 391 злотых.

Реформа, начатая в 1990 г., была успешной. С самого своего образования, даже в кризисные 1990-е, гмины осуществляли интенсивную инвестиционную деятельность. Были построены и отремонтированы десятки тысяч километров дорог, десятки тысяч километров сетей водопроводов, канализации и газопроводов. Гмины построили тысячи очистных установок, существенно улучшили состояние открытых водоемов в Польше. Они добились значительных достижений в области интеграции и активизации местных сообществ. Проведенная децентрализация привела, однако, к сильной поляризации доходов гмин. Одним из эффективных инструментов стимулирования развития гмин стало их профилирование.

Формирование профилей

Профиль гмины определяется тогда, когда деятельность на основе специализации обеспечивает значительные поступления средств извне. Предложения такой гмины и субъектов, размещен-

ных на ее территории, направлено не только жителям гмины, но и внешним потребителям. Ими могут оказаться предприятия, приобретающие продукты фирм, размещенных в гмине, потребители, покупающие производимое там продовольствие, а также отдыхающие в гмине туристы, лица, желающие купить там недвижимость и поселиться на данной территории, и др. Средства, поступающие от экспортной деятельности, согласно теории экономической базы и накопительного развития, стимулируют развитие данной территории путем воздействия эффектов мультипликации [3, 54].

Самым близким понятием профиля гмины является специализация. Этот термин определяет добровольно принятое или навязанное распределение труда в рамках большего целого. Гмины же являются автономными субъектами, самостоятельно определяющими направление своего развития. Несмотря на это, использование термина «специализация» вместо «профиль» вполне допустимо. Профилирование гмин — не новое явление. Это понятие — производное от понятий «разделение труда» и «специализации» — основных движущих сил развития человеческой цивилизации. Разделение труда и специализация привели к образованию поселенческих единиц со специализированными функциями. В Средние века это были, в основном, поселения, выполняющие оборонные функции (часто среди них были административные единицы высшего порядка), единицы, специализирующиеся на земледелии, и обслуживающие единицы (например, поселения рыболовов, лесорубов и т. д.). Реликтом исторических профилей являются сегодняшние названия местностей: Лагевники (от «баклага»), Соколники, Беднаже (от «бондарь»), Струже (от «сторож») и т. д. [2, 60].

Исследование профилей

Гмины в Польше дифференцированы, они различаются не только площадью, численностью населения, но и расположением, рельефом местности, почвенными, климатическими условиями и т. д. Из этого следует, что принятые категории должны быть достаточно широкими, емкими и гибкими, чтобы существовала возможность соответствующего упорядочения исследуемых объектов. Поэтому не целесообразной, и даже не возможной является выработка строгих показателей, классифицирующих гмины, и характеризующих их профилей. Следует также обратить внимание на то, что показатели, которые можно использовать для этой цели, часто утра-

чивают свою актуальность. В настоящее время, например, перестали быть пригодными используемые долгие годы показатели телефонизации, числа автомобилей и даже доступа к водопроводу. В ближайшие годы, вероятно, не будут применяться показатели доступа к широкополосному интернету или показатели использования очистных установок. Общедоступность высшего образования также меняет значение этого фактора в исследовании потенциала территориальных единиц.

Концепция профилей достаточно проста для ввода в действие. Профили относительно легко идентифицируются при использовании как количественных, так и качественных методов. Для идентификации профилей может служить метод избыточных сотрудников, или метод идентификации специализированных функций [5, 32—34]. Могут быть применены также кластерные анализы или мультипликационные анализы. Динамика и прежде всего сложность процессов формирования и развития профилей могут вызвать применение качественных методов.

Нами были проведены трехступенчатые исследования с использованием качественных показателей. Исследования охватывали анализ публикаций, выбор гмин, сбор печатных и статистических материалов и интервью с их лидерами. Были исследованы 50 гмин. Исследования позволяют констатировать, что чаще всего профилями территориальных единиц являются:

- промышленный профиль,
- сельскохозяйственный профиль,
- жилищный профиль,
- туристический профиль,
- профиль обслуживания.

Выгода от профилей

На практике применяются и другие способы упорядочения основных территориальных единиц. Чаще всего встречается типология гмин, выделенных на основании типов единиц, входящих в их состав. Согласно этому критерию выделяются гмины сельские, городские и городско-сельские. Это разделение неформально, но повсеместно применяется в литературе, статистических документах и повседневном общении. Его пригодность, однако, не велика, поскольку никаким образом не отражает функций и обязанностей

гмин. Исправность гмины в удовлетворении нужд клиентов лишь в минимальной степени зависит от типа поселенческой единицы, находящейся на ее территории.

Зато принятие концепции профилей, с чем связано стремление к формированию и развитию преобладающей в гмине сферы деятельности, приносит ей многочисленные выгоды, самые главные из которых:

- активизация хозяйства гмины,
- рост зажиточности гмин,
- рост зажиточности жителей,
- создание благоприятной картины гмины,
- повышение человеческого капитала,
- внедрение философии сервитута гмины по отношению к потребителю и улучшения институционального порядка,
- упорядочение целей,
- облегченный контроль успехов и непрерывности деятельности.

Возникновение профилей

Анализ способов возникновения профилей гмин позволяет выделить два основных способа их формирования.

Первый заключается в осознанном анализе обусловленностей, в выборе стратегии формирования профиля и последовательного ее внедрения. Самой главной в этом случае является четкая и привлекательная картина будущего гмины; ключевым субъектом — руководство гмины (чаще всего это один харизматичный лидер, руководящий гминой несколько сроков).

Второй, легко замечаемый в Польше способ — спонтанное, часто хаотичное, идущее «снизу» развитие определенной функции, опирающейся на существующие внутренние ресурсы гмины или же на другие благоприятные обстоятельства. К этой группе относятся многие гмины, расположенные в регионах, привлекательных для туристов, например, в горах или на море. Начатые таким образом процессы развития могут привести к формированию профиля «снизу». Профиль, созданный таким образом, выполняет свои функции, так же как и профиль, сформированный «сверху», в результате рационального процесса создания и закрепления определенных свойств и особенностей гмины.

На практике эти два крайних способа формирования профилей взаимосвязаны и укрепляют друг друга. Хаотичные процессы можно привести в порядок путем координации действий руководства гмины и общественных организаций. Аналогично — гмины могут потерять контроль над процессом, до сих пор проходящим рационально, например, вследствие ухода активного и харизматичного лидера, слабости публичных институтов или сильного давления экономических факторов.

Формирование профилей гмин

Независимо от способа образования и закрепления профилей в этих процессах можно заметить некоторые общие черты.

Формирование профилей проходит при использовании специфических ресурсов. Традиционно основными ресурсами были природные ресурсы, пахотная земля, леса и удобное расположение с оборонной точки зрения или доступа к путям сообщения. В настоящее время значение этих факторов в некоторых случаях свелось к нулю (например, оборонительная роль гминов). Однако наличие некоторых видов сырья и удобное транспортное сообщение с другими центрами могут рассматриваться как существенные ресурсы избранных гмин. Среди других ресурсов, являющихся основой для формирования профилей, следует назвать форму рельефа, расположение на море, в горах или в других регионах, привлекательных для туристов, близкое расстояние от метрополии, благоприятные геологические и климатические условия и т. д. Этими ресурсами пользуются, например, такие гмины, как Пясечно (жилищный профиль, пользующийся близостью Варшавы), Крыница (привлекательное расположение в горах и целебные воды), самая богатая гмина Клецув (соседство шахты бурого угля), Миколайка (расположенная на больших озерах) и т. д.

Во многих случаях основным ресурсом гмин является их человеческий капитал. Особенно это касается специфических знаний и умений, накапливаемых на данной территории, и культуры, способствующей ведению определенных видов деятельности. Человеческий капитал — основа хозяйственной деятельности, однако его становление — продолжительный процесс. Правда, развитие возможно также в гминах с относительно низким уровнем человеческого капитала, но оно проходит медленнее, сталкиваясь со многими трудностями и препятствиями. В Польше можно заметить профили,

сформированные таким образом. В живописной гмине Гура Кальвария, к примеру, насчитывающей около 20 тыс. жителей, больше столетия существует профиль «производство мебели», и сейчас там работают и развиваются свыше тысячи фирм мебельной отрасли. Накопление соответствующих знаний и опыта, продолжающееся свыше 70 лет в гминах груецкого района, расположенного на юге от Варшавы, создало возможность основания самого крупного в Европе центра по производству и переработке яблок. Наибольшее число и наиболее крупные промышленные инвестиции в Польше размещаются в Силезских и Великопольских гминах, где уже два столетия назад стала формироваться высокая промышленная культура.

Формирование и укрепление профилей — процесс динамичный с переменным темпом. Темп зависит от размера и ресурсов местности, типа профиля, а также от многих других, непредвиденных факторов. Примером могут служить подваршавские гмины жилищного профиля. Город Легионово, с 50-тысячным населением, расположенный к северу от Варшавы, после периода динамичного роста в 1970-е и 1980-е гг. в настоящее время развивается намного медленнее. А находящийся в аналогичном положении, расположенный на юге от Варшавы, город Пясечно уже несколько лет отмечает бурный рост, а число жителей за 21 год выросло с 25305 жителей в 1995 г. до 76 тыс. в 2016 г. (эти данные относятся только к лицам прописанным, по оценке же, в городе проживает еще несколько тысяч лиц без регистрации). Города эти расположены примерно на одинаковом расстоянии от центра Варшавы с сопоставимыми транспортными условиями (единственная дорога, связывающая с метрополией, и один плохо используемый железнодорожный путь). Обе гмины располагают довольно большими резервами площадей под строительство, однако одна гмина развивается намного быстрее другой.

Явление возникновения и формирования профилей носит системный характер — отдельные составляющие этого процесса входят друг с другом в разнообразные интеракции. Изменения одной подсистемы гмины вызывают прямые и/или косвенные изменения других подсистем. При этом характер этих интеракций и их конечный эффект довольно трудно предусмотреть. Развитие, например, сельскохозяйственной переработки в одной местности может повлиять на рост производительности и повышение качества сельскохозяйственного производства, рост доходов населения жителей,

рост цен на землю, а заодно и на закрепление сложившегося сельскохозяйственного профиля гмины в другой местности. Такое явление имеет место в многочисленных гминах в Подляском воеводстве, которые специализировались на производстве молока для крупных, современных молочных заводов, или в упомянутых гминах на юге от Варшавы, которые производят и перерабатывают яблоки и другие фрукты.

В процессе формирования и закрепления профилей ключевую роль играет лидерство. В действительности существуют многочисленные гмины, не располагающие необыкновенными ресурсами, но эффективно формирующие свой профиль. Основой их успеха, как правило, является эффективное руководство — чаще всего этими гминами руководят энергичные, харизматические менеджеры — руководители, управляющие гминой по несколько сроков. У таких руководителей сложилась конкретная картина будущего развития гмины, и они сумели ее воплотить в жизнь. Существенную роль играют личные способности и менеджерские умения руководителей. Примером такой гмины может послужить Мщонув — небольшой городок в центре Польши, без исторических памятников, — которым уже 30 лет руководит один и тот же мэр. Мщонув преобразовался в крупный логистически-промышленный центр со строящимся самым крупным аквапарком в Центральной Европе. Там были созданы многочисленные рабочие места, и в Мщонув ежедневно приезжают на работу многие жители Варшавы. Харизматичный и энергичный мэр проводит активную информационную политику, например, ежедневно на интернет-форуме города отвечает на вопросы жителей.

Процесс формирования профилей отличается инертностью. Каждая гмина является сложной социально-технической системой, которая естественным образом сопротивляется преобразованиям. С точки зрения формирования профиля основной проблемой является ускорение динамики — инициирование преобразований, особенно это касается первых ясных изменений, приводящих в движение процесс формирования профиля. Ими могут оказаться первая промышленная инвестиция (в том числе в агропродовольственной промышленности), привлечение в данную местность застройщика, образовательных, консалтинговых, культурных учреждений, выработка или представление туристических достопримечательностей и т. д. Инвестиции фирмы «Кока-кола» в гмине Неполомнице, на юге

Польша, привлекли приток очередных несколько сот инвесторов на специально подготовленные городом инвестиционные площадки. При этом город не предоставляет инвесторам никаких дополнительных преференций.

Формирование профилей надо считать инвестицией. Расходы на формирование профиля всегда опережают доходы от его внедрения. Тем самым формированию профилей неизбежно сопутствуют риски, предпринимаемые инвесторами. В зависимости от положения ими являются сообщество гмины, ее руководство, предприниматели, внешние инвесторы и др. Так же как и в предпринимательской деятельности, инвестиции в формирование профиля не всегда завершаются успехом. Многие гмины на севере Польши, располагающие привлекательными туристическими районами и хорошей инфраструктурой, несмотря на многочисленные попытки, не в состоянии инициировать процессы роста.

Профили (за исключением сельскохозяйственного) подлежат процессу распространения. Концентрация определенной деятельности на данной территории может оказаться результатом естественных процессов или намеренных действий руководства гмины. Однако начатые процессы кумулятивного роста и закрепления профилей приводят к расширению сферы, на которую распространяется данная деятельность. Иногда (хотя и все реже) выработка определенного профиля гмины способствует возникновению других профилей по соседству. Означает это, что промышленные инвестиции в гмине могут привести к формированию жилищного профиля или профиля обслуживания в соседних гминах. Примером может послужить Закопане: будучи крупным туристическим центром, оно стимулирует развитие услуг и мелкого производства в соседней гмине Новы Тарг, других гминах региона и даже в пограничных регионах Словакии.

После продолжительного периода профили становятся нечеткими. Причиной тому является игра рыночных сил. Специализация гмины в определенном направлении или сфере создает спрос на новые товары и услуги, прямо не связанные с имеющимся до сих пор профилем. Лишь в некоторых случаях гмины создают барьеры, защищающие стабильность профилей, например, путем ограничения или прямого запрета ведения некоторых видов деятельности на данной территории. Например, гмины, расположенные в районе Гданьска, блокируют планы добычи на этой территории сланцевого

газа или калиевой соли, потому что боятся утратить туристическую привлекательность.

Формирование профилей происходит в конкретной среде. Означает это, что специфический профиль региона (если таковой существует) способствует выработке определенного профиля гмины, расположенной на его территории. Гмине, например, в Подляском воеводстве относительно легче сформировать сельскохозяйственный, туристический или обслуживающий профиль, чем промышленный. Связано это не только с уровнем доступности к определенным ресурсам, необходимым для формирования профиля, но и со специфическим восприятием региона инвесторами. И одновременно некоторым гминам, расположенным в Верхней Силезии, несмотря на бесспорные ландшафтные качества, сложно создать туристический профиль, учитывая промышленный характер региона. Однако это не означает полной зависимости профиля гмины от профиля (а точнее — восприятия) единиц высшего уровня. Многие примеры показывают, что может иметь место несоответствие профилей гмин их окружению, кроме того соотношения между гминами и окружением носят двусторонний характер.

В заключение отметим, что принятие концепции профилей приносит гминам определенную выгоду. Плановое формирование профиля — дело нелегкое и часто обусловленное как внешними, так и независимыми факторами, например, положением, традициями, общественным капиталом, природными ресурсами и т. д. Следует также помнить, что стратегия профилирования может оказаться более рискованной, чем стратегия дифференцированного развития. Управление гминой с четко определенным профилем кажется более сложным, чем дифференцированной гминой, потому что по ходу формирования профиля высвобождаются силы, не поддающиеся контролю. Поэтому решение о выборе стратегии профилирования должно определяться всесторонним и тщательным анализом.

Литература

1. *Adamiak J., Kosiedowski W., Potoczek J.A., Słowińska B.* Zarządzanie rozwojem regionalnym i lokalnym. Problemy teorii i praktyki. Toruń: Tonik Dom Organizatora, 2001.

2. *Buczek K.* Studia z dziejów ustroju społeczno — gospodarczego Polski piastowskiej. Kraków: Societas Vistulana, 2006.

3. *Gawlikowska-Hueckel K.* Procesy rozwoju regionalnego w Unii Europejskiej. Konwergencja czy polaryzacja? Gdańsk: Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2013.

4. *Jałowiecki B., Szczepański M.* Miasto i przestrzeń w perspektywie socjologicznej. Warszawa: Wyd.Naukowe Scholar, 2002.

5. *Metody oceny rozwoju regionalnego / Strahl D. (red.).* Wrocław: Wyd. Akademii Ekonomicznej im. Oskara Langego we Wrocławiu, 2006.

6. Ustawa z dnia 8 marca 1990 r. o samorządzie gminnym (Dz.U. 1990 nr 16 poz. 9).

А.А. ПУГАЧЕВ, Л.Б. ПАРФЕНОВА, Д.С. ВАХРУШЕВ

Налоговая конкуренция как характеристика регионализации и инструмент сглаживания пространственной дифференциации*

Аннотация. Налоговая конкуренция как конкуренция органов власти за регистрацию на соответствующей территории мобильных налоговых баз и характеристика современных процессов регионализации развиваются в федеративных государствах и на межгосударственном уровне. В России горизонтальная налоговая конкуренция на субфедеральном уровне только начинает проявляться, в то время как в Европейском союзе межстрановая налоговая конкуренция уже достаточно развита. Опыт взаимодействия стран-конкурентов — участниц ЕС — представляет интерес для России. В статье налоговая конкуренция в ЕС проиллюстрирована примером по налогу на прибыль корпораций. Показано, что налоговая конкуренция приводит к сближению условий налогообложения в соседних административно-территориальных образованиях, позволяя сглаживать пространственную дифференциацию.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Пугачев А.А., Парфенова Л.Б., Вахрушев Д.С. Налоговая конкуренция как характеристика регионализации и инструмент сглаживания пространственной дифференциации // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 250—262.

Ключевые слова: налоговая конкуренция, налоговый федерализм, налоговый потенциал региона, регионализация, пространственная дифференциация.

Abstract. Tax competition as competition of authorities for registration of mobile tax bases in the relevant territory and characteristics of modern regionalization is developing in Federal States and at the interstate level. In Russia, horizontal tax competition at the sub-Federal level is just beginning to manifest itself. While in the European Union the inter-country tax competition is already quite developed. Experience of interaction of the competitor countries — participants of EU is of interest for Russia. In the article tax competition in the EU is illustrated by the example of corporate income tax. It is shown that tax competition leads to the approximation of taxation conditions in neighboring administrative-territorial entities, allowing to smooth spatial differentiation.

Keywords: tax competition, tax federalism, regional tax potential, regionalization, spatial differentiation.

УДК 336.225
ББК 65.04

Мировой экономике на современном этапе присущи одновременно две характеристики ее развития — глобализации и регионализации, которые, с одной стороны, в контексте гносеологии, сложно рассматривать как взаимодополняющие, но, с другой стороны, онтологически демонстрирует их фактическую взаимосвязь. Регионализация представляет собой процесс повышения роли регионов в мировой экономике, развития межрегиональных отношений и конкуренции регионов как в рамках государства, так и в межгосударственном масштабе, формирования региональных объединений. Для этого процесса характерна и автономизация регионов. На практике этот процесс выражен заключением межрегиональных соглашений о развитии сотрудничества по самому широкому спектру направлений, в том числе и с иностранными государствами и зарубежными регионами, например, активно заключают международные договоры и соглашения регионы США, Канады, ФРГ, Швейцарии, Бельгии [2, 4—6]. В РФ, согласно ст. 72 Конституции, субъекты Федерации имеют права по развитию международных и внешнеэкономических, выполнению международных договоров Российской Федерации [4].

Отдельные экономически развитые и приграничные регионы активно осуществляют международную деятельность. Примерно половина межгосударственных соглашений российских регионов приходится на страны СНГ, основными партнерами выступают Белоруссия, Украина и Казахстан. Из стран дальнего зарубежья наибольшее число соглашений подписано с Китаем, Венгрией, ФРГ, Польшей, Словакией [2, 20]. Республика Татарстан, например, имеет более 50 соглашений с иностранными государствами [2, 18]. Ярким примером формирования межгосударственного регионального объединения является создание Ассамблеи европейских регионов (Assembly of European Regions). Автономизация широко проявляется в настоящее время, запросы регионов на большую степень независимости и больший объем полномочий приводят к выходу регионов из состава государств и образованию независимых государств. За последние десять лет такими примерами стали частично признанные Республики Абхазия и Южная Осетия (выход из состава Грузии), Республика Косово (из состава Сербии), непризнанные Донецкая и Луганская народные республики (из состава Украины), и сегодня все чаще и громче звучат заявления о суверенитете регионов в разных странах — Шотландии в Соединенном Королевстве, Техаса в США, Каталонии в Испании и др.

Для регионализации характерна и такая черта, как наличие существенных различий в уровнях социально-экономического развития регионов, или пространственная дифференциация. Проиллюстрируем данный тезис примером реализации функции межбюджетного выравнивания в Российской Федерации. Для сглаживания различий в уровнях бюджетной обеспеченности регионов осуществляются формирование и распределение Федерального фонда финансовой поддержки регионов, но несмотря на выравнивание, различия социально-экономического развития регионов в стране, т. е. пространственная дифференциация, не снижаются: в расчете на душу населения доходы региональных бюджетов до межбюджетного выравнивания в 2000 г. различались более чем в 50 раз [6], в 2015 г. — в 69 раз, при том что среднедушевые доходы бюджетов десяти самых обеспеченных регионов превысили среднедушевые доходы десяти самых бедных в 17 раз¹.

¹ Рассчитано авторами по: [4; 9].

Одной из характеристик регионализации является конкуренция регионов — формирование ими своей конкурентоспособности как привлекательности для размещения производительных сил, инвестиций, проживания и работы граждан. Финансовым инструментом формирования конкурентоспособности региона является в том числе налоговая конкуренция. Последняя характерна для федеративных государств и требует развития налогового федерализма. Отношения между уровнями государственной власти подобны взаимодействию конкурентов на рынке, а само их взаимодействие подчинено рыночному механизму.

Единый подход к определению налогового федерализма отсутствует в экономической науке, законодательно его определение не закреплено. М.Р. Пинская трактует налоговый федерализм как «законодательно закрепленную систему разграничения налоговых полномочий и ответственности между уровнями власти в федеративном государстве по распоряжению формируемой на своей территории налоговой базой в соответствии с вверенными им функциями. Налоговый федерализм предполагает организацию движения налоговых платежей по соответствующим иерархическим уровням на принципах справедливости для обеспечения рациональной политики перераспределения финансовых ресурсов в процессе создания общественных благ» [5, 23]. Д.А. Татаркин рассматривает налоговый федерализм как «сложное социально-экономическое явление, включающее в себя как организационно-технические действия по формированию и распределению государственных централизованных и децентрализованных фондов денежных ресурсов, так и совокупность специфических, противоречивых по своей природе экономических отношений, отражающих особенности взаимодействий между всеми участниками, порождающими и реализующими налоговый процесс» [10, 9]. Б.Х. Алиев определяет налоговый федерализм как «институционально детерминированную систему финансовых отношений в налоговой сфере между федеральным центром, субфедеральными органами власти и органами местного самоуправления, которая обеспечивает эффективную реализацию функций и задач каждого уровня власти при повышении уровня налогового самообеспечения и паритетность их экономических интересов» [2, 179].

Среди зарубежных исследователей существенный вклад в изучение проблем налогового федерализма внес Р. Масгрейв. Впер-

вые определение налогового федерализма (fiscal federalism) рассмотрено в его работе «The Theory of Public Finance» [14]. Ученый связывал данную дефиницию с общественными (публичными) благами и их распределением между уровнями власти в государстве в рамках реализации государственных функций и финансовых отношений.

Анализируя данные определения, отметим, что налоговый федерализм в своей диалектике представляет институционально разграничение налоговых полномочий между уровнями бюджетной системы, а финансово — отношения по формированию и распределению налоговых ресурсов.

Налоговая конкуренция в системе налогового федерализма проявляется в том, что правительства в рамках определенных модели федерализма полномочий предлагают налогоплательщикам оптимальные условия налогообложения и предоставления общественных благ, а налогоплательщики, определяя место регистрации, подбирают для себя подходящее соотношение объема и качества общественных благ и их цен (налогового бремени) [11].

Дефиниция «налоговая конкуренция» отечественной наукой стала исследоваться полтора-два десятилетия назад — совсем недавно относительно зарубежных исследований, где она получила распространение с середины прошлого века, что продиктовано соответствующей ретроспективой.

Под налоговой конкуренцией (tax competition) зарубежные исследователи (J.D. Wilson, D.E. Wildasin) понимают установление налогов независимыми друг от друга органами власти, при котором выбор каждым органом власти той или иной политики оказывает влияние на распределение между регионами мобильной налоговой базы [16]. Органы власти конкурируют за фирмы, капитал, работников или покупателей. В рамках теории финансов налоговую конкуренцию можно рассматривать через призму территориального перераспределения части ВВП посредством бюджетной системы иного административно-территориального образования.

Выделяют вертикальную налоговую конкуренцию (за полномочия в налоговой сфере между всеми уровнями власти) и горизонтальную (за налогоплательщиков, точнее за регистрацию мобильных налогоплательщиков, между органами власти на одном уровне). Российская модель налогового федерализма ограничивает вертикальную налоговую конкуренцию, поскольку имеет место вы-

сокий уровень ее централизации. Горизонтальная налоговая конкуренция в Российской Федерации в известной степени существует на субфедеральном и субрегиональном уровнях. Выделяют также и межстрановую (внешнюю) налоговую конкуренцию.

Межстрановая налоговая конкуренция за привлечение мобильных налогоплательщиков и их налоговые базы — это многоплановый феномен. В рамках настоящей статьи мы рассматриваем исключительно легальную налоговую конкуренцию в Европейском союзе. Нелегально сформированная налоговая конкуренция в форме схем по привлечению налоговых баз из-за границы или формирование офшорных зон остаются вне поля зрения.

Межстрановая налоговая конкуренция в Европейском союзе развивается на протяжении уже более полувека. Особой интенсивности она достигла с двумя расширениями 2004 и 2007 гг. в общей сложности на 13 новых стран-членов, которые в сравнении с традиционными членами имели относительно низкий уровень налогового бремени по прямым налогам. С началом глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. антикризисные меры существенно ограничили возможности налоговой конкуренции благодаря инициативе Европейской комиссии по усилению координации налоговой политики внутри ЕС. Прежде всего, это было выражено тем, что многим странам ЕС требовалась бюджетная консолидация, обострившаяся вследствие масштабной помощи банкам и действия автоматических стабилизаторов. Бюджетная консолидация, в свою очередь, серьезно ограничивает пространство для снижения налогов. Однако дальнейшее развитие налоговой конкуренции в ЕС не остановилось. Впоследствии, на этапе выхода из рецессии, многие страны ЕС с улучшением бюджетной ситуации вновь стали использовать инструменты налоговой конкуренции. Примером этому может служить динамика ставок налога на прибыль корпораций (corporate income tax) в странах ЕС в 1995—2017 г., представленная в табл. 1.

В 2008—2009 гг. большинство старых и часть новых стран ЕС понизили налоговые ставки по налогу на прибыль корпораций в целях минимизации последствий кризиса. В дальнейшем посткризисный этап развития характеризовался стабильностью ставок налога в новых странах-членах и продолжением их снижения в старых странах, что объясняется, во-первых, наличием резервов для снижения, так как в старых странах-членах уровень налоговой нагрузки изначально был выше, а, во-вторых, большей устойчивостью экономик ЕС—15 относительно новых стран ЕС.

Таблица 1

**Ставки налога на прибыль корпораций в странах
Европейского союза, 1995 — 2017, в %**

Страна	1995	2000	2005	2008	2010	2015	2016	2017	Изменение, п.п.	
									1995 — 2017	2008 — 2017
Бельгия	40,2	40,2	34,0	34,0	34,0	34,0	34,0	34,0	-6,2	0
Дания	34,0	32,0	28,0	25,0	25,0	23,5	22,0	22,0	-12,0	-3,0
Финляндия	25,0	29,0	26,0	26,0	26,0	20,0	20,0	20,0	-5,0	-6,0
Германия	56,8	51,6	38,6	29,5	29,4	29,7	29,7	30,2	-26,6	0,7
Греция	40,0	40,0	32,0	25,0	24,0	29,0	29,0	29,0	-11,0	4,0
Испания	35,0	35,0	35,0	30,0	30,0	28,0	25,0	25,0	-10,0	-5,0
Франция	36,7	36,7	35,0	33,3	33,3	33,3	33,3	34,4	-2,3	1,1
Ирландия	40,0	24,0	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	-27,5	0,0
Италия	52,2	41,3	37,3	31,4	31,4	31,4	31,4	27,8	-24,4	-3,6
Люксембург	40,9	37,5	30,4	29,6	28,6	29,2	29,2	27,1	-13,8	-2,5
Нидерланды	35,0	35,0	31,5	25,5	25,5	25,0	25,0	25,0	-10,0	-0,5
Австрия	34,0	34,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	25,0	-9,0	0,0
Португалия	39,6	35,2	27,5	25,0	25,0	23,0	21,0	29,5	-10,1	4,5
Швеция	28,0	28,0	28,0	28,0	26,3	22,0	22,0	22,0	-6,0	-6,0
Великобритания	33,0	33,0	30,0	30,0	28,0	20,0	20,0	19,0	-14,0	-11,0
<i>В среднем по ЕС—15</i>	<i>38,0</i>	<i>35,5</i>	<i>30,1</i>	<i>27,3</i>	<i>26,9</i>	<i>25,7</i>	<i>25,3</i>	<i>25,5</i>	<i>-12,5</i>	<i>-1,8</i>
<i>Стандартное отклонение</i>	<i>7,9</i>	<i>6,3</i>	<i>6,1</i>	<i>5,0</i>	<i>4,9</i>	<i>5,6</i>	<i>5,7</i>	<i>5,6</i>	<i>7,5</i>	<i>4,0</i>
<i>Коэффициент вариации</i>	<i>0,21</i>	<i>0,18</i>	<i>0,20</i>	<i>0,18</i>	<i>0,18</i>	<i>0,22</i>	<i>0,23</i>	<i>0,22</i>		
<i>Размах вариации</i>	<i>31,8</i>	<i>27,6</i>	<i>26,1</i>	<i>21,5</i>	<i>21,5</i>	<i>21,5</i>	<i>21,5</i>	<i>21,9</i>	<i>25,2</i>	<i>15,5</i>
Чешская Республика	41,0	31,0	26,0	21,0	19,0	19,0	19,0	19,0	-22,0	-2,0
Эстония	26,0	26,0	24,0	21,0	21,0	20,0	20,0	20,0	-6,0	-1,0

Страна	1995	2000	2005	2008	2010	2015	2016	2017	Изменение, п.п.	
									1995 — 2017	2008 — 2017
Латвия	25,0	25,0	15,0	15,0	15,0	15,0	15,0	15,0	-10,0	0
Литва	29,0	24,0	15,0	15,0	15,0	15,0	15,0	15,0	-14,0	0
Венгрия	19,6	19,6	16,0	16,0	19,0	19,0	19,0	10,8	-8,8	-5,2
Словения	25,0	25,0	25,0	22,0	20,0	17,0	17,0	19,0	-6,0	-3,0
Словацкая Республика	40,0	29,0	19,0	19,0	19,0	22,0	22,0	21,0	-19,0	2,0
Польша	40,0	30,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	19,0	-21,0	0
Мальта	35,0	35,0	35,0	35,0	35,0	35,0	35,0	35,0	0	0
Кипр	25,0	29,0	10,0	10,0	10,0	12,5	12,5	12,5	-12,5	2,5
Болгария	40,0	35,0	15,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	-30,0	0
Румыния	38,0	38,0	16,0	16,0	16,0	16,0	16,0	16,0	-22,0	0
Хорватия	25,0	35,0	20,0	20,0	20,0	20,0	20,0	18,0	-7,0	-2,0
<i>В среднем по ЕС-13</i>	<i>31,4</i>	<i>29,4</i>	<i>19,6</i>	<i>18,4</i>	<i>18,3</i>	<i>18,4</i>	<i>18,4</i>	<i>17,7</i>	<i>-13,7</i>	<i>-0,7</i>
<i>Стандартное отклонение</i>	<i>7,4</i>	<i>5,2</i>	<i>6,3</i>	<i>6,1</i>	<i>5,9</i>	<i>5,8</i>	<i>5,8</i>	<i>6,0</i>	<i>8,2</i>	<i>2,0</i>
<i>Коэффициент вариации</i>	<i>0,23</i>	<i>0,18</i>	<i>0,32</i>	<i>0,33</i>	<i>0,32</i>	<i>0,31</i>	<i>0,31</i>	<i>0,34</i>		
<i>Размах вариации</i>	<i>21,4</i>	<i>18,4</i>	<i>25,0</i>	<i>25,0</i>	<i>25,0</i>	<i>25,0</i>	<i>25,0</i>	<i>25,0</i>	<i>30,0</i>	<i>7,7</i>
<i>В среднем по ЕС-28</i>	<i>35,0</i>	<i>32,6</i>	<i>25,2</i>	<i>23,2</i>	<i>22,9</i>	<i>22,3</i>	<i>22,1</i>	<i>21,9</i>	<i>-13,1</i>	<i>-1,3</i>
<i>Разница ЕС-15 и ЕС-13</i>	<i>6,6</i>	<i>6,1</i>	<i>10,4</i>	<i>8,9</i>	<i>8,6</i>	<i>7,3</i>	<i>6,9</i>	<i>7,8</i>	<i>1,2</i>	<i>-1,2</i>

Источник: составлено авторами по: [12].

В целом приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют об устойчивом тренде снижения ставок налога на прибыль корпораций в ЕС в течение последних двух десятилетий (как для ЕС—15, так и для ЕС—13), что обусловлено активизацией межстрановой налоговой конкуренции в условиях экономической интеграции и повыше-

ния мобильности налогоплательщиков. Это отражает проявление налоговой конкуренции как инструмента сближения различий в уровнях налогообложения, а, следовательно, и сглаживания пространственной дифференциации в масштабах Европейского союза.

Развитие межгосударственной налоговой конкуренции требует двух необходимых условий: 1) соответствующие налоговые базы должны быть мобильными и эластичными относительно различных уровней налогового бремени (налоговых ставок) в разных странах; 2) налоговое регулирование должно быть в определенной степени схожим.

В настоящее время имеются эмпирические исследования по эластичности прямых иностранных инвестиций относительно ставок по налогу на прибыль корпораций. Например, обобщив более 25 эмпирических исследований, de Mooij и Ederveen определили среднее значение для эластичности налоговых ставок в $-3,3\%$: после снижения ставки налога на прибыль корпораций в принимающей стране на 1 п.п. прямые иностранные инвестиции в экономику этой страны возрастают на $3,3\%$ [13].

Таким образом, межстрановая налоговая конкуренция является актуальным феноменом, ярко проявляясь в ЕС, например, в части налогообложения прибыли корпораций. Представляется, что в условиях, когда в ЕС снижение ставок еще продолжается старых странах и с недавнего времени прекращается в новых странах, в дальнейшем возможна консолидация условий налогообложения в ЕС в целом, т. е. продолжение нивелирования пространственных различий.

Широкие перспективы для развития конкуренции открывает использование прогрессивной шкалы налогообложения, и в данном случае конкурентными являются условия налогообложения в РФ, что стало широко известно благодаря фактам предоставления российского гражданства ряду известных иностранцев, например, Жирару Депардьё и Стивену Сигалу. Так, по данным ВЦИОМ, 22% опрошенных россиян считают уход от высоких налоговых ставок одной из основных причин выбора российского гражданства знаменитостями [7].

В регионах России в настоящее время процесс налоговой конкуренции находится на этапе развития. В основном регионами предлагаются сопоставимые условия налогообложения, поэтому при выборе места регистрации для налогоплательщиков решающи-

ми будут иные (не налоговые) факторы. Становление процесса налоговой конкуренции на субфедеральном уровне вместе с тем открывает перспективы развития налогового потенциала регионов [15]. Это развитие, с одной стороны, при прочих равных условиях, является индикатором роста, а с другой — непосредственно запускает спираль экономического роста, усиливая поступательное движение по ней.

Вопрос воздействия процесса налоговой конкуренции на динамику налоговых доходов административно-территориальных образований и в целом на динамику их экономического развития остается нерешенным. В настоящее время не существует как количественной, так и однозначной качественной оценки данной взаимосвязи. Так, внедрение инструментов налоговой конкуренции нацелено на повышение налоговых поступлений, однако оно может приводить и к противоположному результату, вследствие, например, реализации риска снижения конкурентоспособности налоговой системы, временного лага в краткосрочном периоде или условий, когда привлечение мобильных налоговых баз не компенсирует объема выпадающих налогов. Представляется, что данные вопросы открывают перспективы для дальнейших исследований.

Литература

1. Алиев Б.Х., Сулейманов М.М. Модернизация российской модели налогового федерализма как фактор повышения эффективности налоговой системы // *Налоги и финансовое право*. 2011. № 7. С. 178—182.
2. Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // *Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России*. 2008. Вып. 3 (32).
3. Данные по формам статистической налоговой отчетности: [Электронный ресурс] // ФНС РФ. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t2 (дата обращения: 17.04.2018 г.).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

5. *Пинская М.Р.* Гармонизация налоговых отношений в федеративном государстве. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10. М., 2010. 41 с.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2001 г. № 717 «О Федеральной целевой программе “Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002—2010 годы и до 2015 года)”» (в ред. от 20.10.2006).
7. Пресс-выпуск № 3281: [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116020> (дата обращения 30.03.2018).
8. *Пугачев А.А.* Налоговый потенциал региона в системе налогового федерализма // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2015. № 3. С. 218—224.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015.
10. *Татаркин Д.А.* Налоговый федерализм как институциональная форма конкурентной борьбы за налоговые доходы. Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. Екатеринбург, 2007. 25 с.
11. *Якобсон Л.И.* Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 367 с.
12. Corporate tax rates table: [Электронный ресурс] / KPMG. URL: <https://home.kpmg.com/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/corporate-tax-rates-table.html> (дата обращения 30.03.2018 г.).
13. *De Mooij R.A., Ederveen S.* Taxation and Foreign Direct Investment: A Synthesis of Empirical Research // International Tax and Public Finance. 2003. No. 10 (6). P. 673 — 693.
14. *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. N. Y.: McGraw Hill, 1959. 480 с.
15. *Parfenova L., Pugachev A., Podvieszko A.* Comparative analysis of tax capacity in regions of Russia // Technological and Economic Development of Economy. Vilnius: Vilnius Gediminas Technical University, 2016. Vol. 22. No. 6. P. 905—925.
16. *Wilson J.D.* Tax competition: Vane or Boon: [Электронный ресурс]. URL: http://www.otpr.org/WP2001_11paper.pdf (дата обращения: 24.03.2018).

References

1. *Aliiev B.KH., Sulejmanov M.M.* Modernizatsiya rossijskoj modeli nalogovogo federalizma kak faktor povysheniya ehffektivnosti nalogovoj sistemy // *Nalogi i finansovoe pravo*. 2011. № 7. S. 178—182.
2. *Busygina I., Lebedeva E.* Sub"ekty federatsii v mezhdunarodnom sotrudnichestve // *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii*. 2008. Vyp. 3 (32).
3. Dannye po formam statisticheskoy nalogovoj otchetnosti: [EHlektronnyj resurs] // FNS RF. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/form_s/#t2 (data obrashheniya: 17.04.2018).
4. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ).
5. *Pinskaya M.R.* Garmonizatsiya nalogovykh otnoshenij v federativnom gosudarstve. Avtoref. dis. ... d-ra ehkon. nauk: 08.00.10. M., 2010. 41 s.
6. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 11.10.2001 g. № 717 «O Federal'noj tselevoj programme “Sokrashhenie razlichij v sotsial'no-ehkonomicheskom razvitii regionov Rossijskoj Federatsii (2002–2010 gody i do 2015 goda)”» (v red. ot 20.10.2006).
7. Press-vypusk № 3281: [EHlektronnyj resurs] // VTSIOM. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116020> (data obrashheniya 30.03.2018).
8. *Pugachev A.A.* Nalogovyj potentsial regiona v sisteme nalogovogo federalizma // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. EHkonomika i upravlenie. 2015. № 3. S. 218—224.
9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli*. 2015: Stat. sb. / Rosstat. M., 2015.
10. *Tatarkin D.A.* Nalogovyj federalizm kak institutsional'naya forma konkurentnoj bor'by za nalogovye dokhody. Avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk: 08.00.10. Ekaterinburg, 2007. 25 s.
11. *Yakobson L.I.* Gosudarstvennyj sektor ehkonomiki: ehkonomicheskaya teoriya i politika uchebnik dlya vuzov. M.: GU VSHEH, 2000. 367 s.

Л. ЮРЧИШИН

**Состояние отношений между Польшей и Францией
на двустороннем уровне, ЕС и НАТО: схождения и вызовы***

Аннотация. Рассматриваются проблемы, задачи и перспективы польско-французских отношений на двусторонней основе и в рамках Евросоюза. Подчеркивается возможность их развития и углубления на основе имеющегося потенциала.

Ключевые слова: Польша, Франция, Евросоюз, экономические и инвестиционные связи.

Abstract. The article reviews problems, goals and prospects of relationship between Poland and France on a bilateral basis and within the European Union. The possibility of their development and deepening on the basis of the available potential is underlined.

Keywords: Poland, France, the European Union, economic and investment relations.

УДК 32

ББК 66

Состояние польско-французских отношений

Экономика. Польшу и Францию традиционно объединяют экономические и инвестиционные связи. Франция является четвертым в мире импортером польских товаров (в 2017 г. обмен оценивался в 17,4 млрд евро) и одним из самых крупных иностранных инвесторов (за прошлый год объем инвестиций из Франции в Польшу составил почти 18 млрд евро). Необходимы дальнейшие действия, направленные на улучшение экономического сотрудничества, так как его объемы не соответствуют имеющемуся потенциалу. Следует отметить, что в 2015 г. польские предприятия вступили

*Публикуя статью, редакция считает нужным обратить внимание читателей, что не все изложенные в статье положения и выводы совпадают с мнением редакции.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Юрчишин Л. Состояние отношений между Польшей и Францией на двустороннем уровне, ЕС и НАТО: схождения и вызовы // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 262—269.

во владение двух французских компаний: наступило время, когда польский капитал все смелее входит на французский рынок. Инвестиционная инициатива в ближайшем будущем перестанет быть областью исключительно французских компаний. Вначале «Амика-Вронки» — польский производитель бытовой техники — перехватила дистрибьюторскую фирму SIDEM. Затем котирующаяся на Варшавской бирже компания Wielton, производитель полуприцепов, купила 63,3% акций французской фирмы Fruehauf Expansion. Благодаря этой сделке Wielton стал третьим в Европе производителем полуприцепов с доходом на уровне 1 млрд злотых в год.

Военное сотрудничество. Франция остается для Польши ключевым военным партнером как в двусторонних отношениях, так и на уровне НАТО и ЕС. В 2016 г. отношения с Францией были для Польши прежде всего следствием стремления к военному укреплению восточного фланга НАТО. В результате, в рамках постановлений саммита НАТО в Варшаве польская дипломатия добилась успеха, и это стало возможным благодаря решительной поддержке Франции. Военные действия России на востоке Украины и военная поддержка Польши операций, проводимых Францией на южном фланге (Мали и ЮАР), стали убедительным аргументом для Франции в деле поддержки и укрепления восточного фланга. Доказательством тому служит более широкое участие французской армии в учебных сборах НАТО, проводимых на восточном фланге: в апреле 2015 г. на учебных сборах НАТО Пума-15 (г. Дравск Поморски) французы представили самый многочисленный контингент, а французские воздушные силы участвовали в польской миссии «Baltic Air Policing». В мае 2014 г. Франция отправила в Польшу четыре истребителя «Rafale» с почти сотней солдат.

Польша сыграла существенную роль в формировании климата европейской политики. Правительство подписало и ратифицировало так называемое Парижское соглашение, которое, с одной стороны, соответствовало польским национальным интересам, с другой — в нем была заинтересована Франция (вступление в силу COP21), что в свою очередь повлияло на получение от нее поддержки для решений Варшавского саммита.

Кроме того, Польша решила приступить к инициативе постоянного структурного сотрудничества ЕС (PESCO), в подготовке которого задавали тон Франция, Италия и страны Бенилюкса. Польша, как и Франция, считает борьбу с терроризмом приоритетом в обес-

печении мира во всем мире, поэтому участвует в коалиции, борющейся против ИГ. Польские солдаты находятся в Сирии и Ираке.

Двусторонние политические отношения. Во второй половине 2016 г. двусторонние польско-французские отношения оказались в некотором кризисе. Отказ польского правительства от покупки 50 французских многоцелевых вертолетов «Каракал» (контракт стоимостью 13,5 млрд польских злотых) не только не способствовал развитию сотрудничества в оборонной промышленности, но практически приостановил его. Также пострадали политические отношения как на двустороннем уровне (бывший президент Ф. Олланд отменил визит, намеченный на 13 октября 2016 г.), так и на высшем политическом уровне в рамках формата Веймарского треугольника (Франция, несмотря на сопротивление Германии, решила отменить саммит, намеченный в начале ноября 2016 г. в Париже). Несомненно, кризис вокруг вертолетов «Каракал» обозначил кризисную точку в польско-французских отношениях в течение последних семи лет.

Итак, в период 2011—2015 гг. имело место заметное оживление в польско-французских отношениях, что подтверждалось словами тогдашнего премьер-министра Дональда Туска, который в 2013 г. отметил, что «польско-французские отношения, если не самые лучшие в истории, но, наверное, самые лучшие за последние десятилетия». Подтверждением этому служили, прежде всего, частые визиты на высшем политическом уровне, тесное военное сотрудничество и постоянно растущий экономический обмен. Этот период служил доказательством, что стратегическое партнерство, установленное в 2008 г., быстро превратилось в конкретные действия. Особым примером близкого сотрудничества был тактический союз обоих государств, установленный во время переговоров, касающихся бюджета ЕС на 2014—2020 гг. Соглашение принесло ожидаемые выгоды, Польша стала самым крупным бенефициаром фонда сплоченности из бюджета ЕС (23% в целом). Кроме того, в соответствии с установками польской внешней политики удалось восстановить Веймарский треугольник.

Политические отношения на уровне ЕС и в рамках Веймарского треугольника. «Сила поражения» контракта относительно вертолетов ярко проявилась в практическом бездействии Треугольника в политических верхах, что привело к сокращению сфер сотрудничества с очередным ключевым союзником Польши в ЕС —

Германией. Это положение подтвердило традиционную зависимость: кризис в польско-французских отношениях стал основным фактором дисфункции Треугольника. Польша, как и Германия, считает, что выработанная в 1991 г. формула Веймарского треугольника, которая до сих пор многократно оправдывалась, является весьма важной и полезной. В настоящее время за Э. Макроном остается инициатива организовать первый — за продолжительный период отсутствия — саммит Треугольника.

Польша заинтересована в самых лучших отношениях с Францией. Мы не забываем о французской поддержке, оказанной польскому народу для стабилизации нового польского государства. Имеется в виду образование во Франции независимой польской армии в 1917 г., именуемой «Голубой дивизией генерала Галлера». В дальнейшем немаловажную роль в выгодном для Польши варианте Версальского договора сыграл премьер-министр Франции Жорж Клемансо. И далее Франция поддерживала молодое польское государство. Сейчас малоизвестным остается факт, что за свою службу Польше тогдашний молодой офицер Шарль де Голль был награжден орденом *Virtuti Militari* (Орден воинской доблести). К тому же, Польшу и Францию не разделяют исторические распри, что является серьезным козырем в нашем сотрудничестве.

Глобальный терроризм остается одной из ключевых угроз для безопасности граждан ЕС. Польша, так же как и Франция, считает борьбу с терроризмом безоговорочным приоритетом. Участвуя в коалиции, борющейся с так называемым ИГ², польские солдаты служат в Сирии и в Ираке. Ради стабилизации южного соседства Европы Польша будет продолжать свое военное присутствие, польское правительство рассматривает возможность возвращения к участию в миротворческих миссиях ООН в Африке и на Ближнем Востоке. Мы хотим сотрудничать с Францией в сфере ЕС и НАТО также в целях противодействия неконтролируемой миграции, снижающей ощущение безопасности европейцев, а это требует более действенного укрепления внешних границ ЕС.

Веймарский треугольник

Одна из задач польской европейской политики — активизация деятельности Веймарского треугольника — этот инструмент за

² Запрещенным на территории РФ.

последние годы не был полностью использован. Можно даже говорить о некотором тупике. При этом надо заметить, что у нас много общих проблем не только европейского, но и мирового порядка, решение которых требует эффективной координации, особенно между такими странами ЕС, как Польша, Германия, Франция. Эти страны составляют треть территории Евросоюза и больше трети его населения. Этот формат, с одной стороны, скрепляет двусторонние отношения с Францией и Германией, с другой — укрепляет позицию Польши в Центральной Европе.

Следует отметить, что в настоящее время сложилась благоприятная конъюнктура для восстановления Треугольника. Во-первых, в ЕС появился риск разделения на Западную и Восточную Европу. Польша усматривает потенциал в преодолении этого отрицательного явления в углубленном сотрудничестве Веймарского треугольника с Вышеградской группой. Во-вторых, у нас благоприятная политическая конъюнктура: недавно в Польше произошла реорганизация правительства, в Германии же сформировалось новое правительство, которое выразило желание интенсификации сотрудничества в рамках этого формата, во Франции почти год правит совсем новое на политической сцене большинство (именно за президентом Макроном остается инициатива организовать саммит Веймарского треугольника, который довольно долго не созывался). Польша считает, что существуют все предпосылки и возможности для развития этого формата, чтобы в его рамках координировать решение насущных вопросов. Лейтмотивом приоритетных консультаций в рамках Треугольника должны стать будущее ЕС, институциональная реформа, оборонительная и миграционная политика, а также энергетическая политика. Именно ради этих целей надо восстановить политические встречи в верхах.

Важнейшие вызовы и проблемы

Фиаско переговоров относительно вертолетов «Каракал» не должно привести к закрытию вопроса сотрудничества с Францией в области вооружений. Здесь существует большой потенциал. Франция является четвертым в мире экспортером оружия, а Польша делает крупные покупки военной техники (до 2020 г. расходы на армию должны вырасти до 2,2% ВВП). Кроме того, Франция, благодаря принятой новой программе модернизации военной промышленности на 2019—2025 гг., существенно расширит свое торговое

предложение. Франция интенсивно ищет партнеров, готовых к военной поддержке в разных форматах и сферах ее действий на благо стабилизации южного соседства Европы. Каждая форма усиления французских операций может открыть новые области двустороннего сотрудничества или же облегчить достижение консенсуса по спорным вопросам (например, на уровне преобразований в функционировании ЕС). Именно поэтому Польша может рассматривать поддержку французским военным операциям, например логистическую. Вместе с тем Польша на уровне как НАТО, так и ЕС должна обратить внимание на необходимость вписать очередную французскую военную инициативу в ЕС, т. е. Европейскую интервенционную инициативу в контекст операционного и оборонного планирования НАТО.

Из-за сопротивления группы стран-членов (особенно Германии, Голландии и образованной Нордик-Балтийской коалиции, а также и Польши) Макрону не удастся провести заявленный в выступлении в Сорбонне в сентябре 2017 г. проект Европы «многих скоростей» («первая скорость» сосредоточена вокруг еврозоны). Однако, согласно его ожиданиям, завершились переговоры, касающиеся внесения изменений в директиву о командированных рабочих. Чтобы добиться цели и ослабить их сопротивление, президент Франции спланировал дипломатическое наступление, направленное на борьбу с так называемым социальным демпингом, нанеся визиты в Австрию, Румынию, Болгарию, встретившись с премьер-министрами Чехии и Словакии. Польшу и Венгрию в этих переговорах обошли стороной, что дополнительно ухудшило и так уже сложные отношения с Францией. Тема дальнейших работ над мобильностью работников в ЕС, особенно водителей, является одним из наиболее острых разногласий между Польшей и Францией.

Форсирование Францией принятия новеллы в директиве так называемого мобильного пакета может стать лишь этапом долгосрочной стратегии ограничения последствий внутренних структурных реформ (например, снижения трудовых издержек) путем снижения конкурентоспособности других стран ЕС, что является покушением на фундаментальные свободы единого рынка, в защиту которых активно выступает Польша. Правительство резко возражает против любых идей, ограничивающих свободу торговли, конкуренции в рамках единого рынка. Мы считаем, что экономический протекционизм может привести к углублению расслоения среди

стран-членов, а также к снижению конкурентоспособности ЕС по отношению к восходящим экономикам.

Польша подчеркивает необходимость усиления роли правительств и национальных парламентов в ущерб централизованному аппарату (Комиссия, Европарламент), а Франция традиционно поддерживает федералистские концепции *ever-closer Europe*. Можно предположить, что эти расхождения останутся самым большим вызовом для внешней политики Польши по отношению к Франции в ближайшие годы, ключевые для реформы ЕС.

Сферой сотрудничества с Францией на уровне ЕС и НАТО остается противодействие неконтролируемой миграции, снижающей чувство безопасности европейцев. Это требует более действенного уплотнения внешних границ ЕС и большей финансовой поддержки для программ развития в Африке и на Ближнем Востоке, в чем заинтересованы и Польша, и Франция.

Другими возможными сферами сотрудничества на уровне ЕС могут стать сближение налоговых систем и борьба с офшорными зонами. В этом вопросе также намечается «синергия» между Польшей и Францией, направленная на борьбу с уклонениями от налогообложения, которое, по мнению Еврокомиссии, ведет к убыткам в бюджете Евросоюза порядка 150—200 млрд евро. Это яркая несправедливость по отношению к европейским сообществам и одна из причин недоверия к элитам.

Польша может предложить Франции поддержку в противодействии *фейк-ньюс* на европейском уровне, чтобы минимизировать вмешательство России в очередные европейские выборы, начиная с выборов в Европарламент в 2019 г. В настоящее время во Франции правительство работает над законом, направленным на борьбу с *фейк-ньюс* и, по словам Б. Гриво, пресс-секретаря правительства, — российская пропаганда (жертвой которой был и сам Макрон во время выборов) была указана в качестве главного противника и послужила поводом для разработки закона. Макрон добавил, что Россия обвиняется в ведении «информационной войны» с либеральным миром. М. Габриэль — комиссар по делам цифризации ЕС — также объявила борьбу *фейк-ньюс* (Макрон заметно оказывает давление на ЕК по этому вопросу). Польша, которая также заинтересована в борьбе с российской пропагандой, может вместе с Францией включиться в ускорение этого процесса.

Наконец, следует отметить, что важным моментом в польско-французских отношениях является отсутствие трудных вопросов, связанных с историей, похожих на проблемы, имеющиеся в отношениях Польши с Россией или же — в меньшей степени — с Германией.

Заключение. Не во всех сферах европейской политики наблюдается синергия Польши с французским партнером. Мы категорически против всех идей, ограничивающих свободу торговли и конкуренции в рамках единого рынка. Мы считаем, что экономический протекционизм может привести к углублению разобщенности среди стран-членов, а также к снижению конкурентоспособности ЕС по отношению к восходящим экономикам. Следует подчеркнуть, что у Польши есть не только амбиции, но и аргументы для участия в создании будущего ЕС на принципах партнерства. Дискуссия на тему институциональных реформ ЕС должна вестись с участием всех заинтересованных стран, а не в кругу нескольких столиц. Цель Польши, — укрепление единства, а не разделение ЕС на «Европы многих скоростей». Поэтому правительство РП рассчитывает на интенсификацию политического диалога с Францией, и это было предметом обсуждений во время встречи премьер-министра М. Моравецкого с президентом Э. Макроном во время последнего саммита Евросоюза в Брюсселе. Президент Франции приглашен на торжества, посвященные столетию обретения независимости Польшей, что может наполнить проводимый диалог новым содержанием.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

* * *

Юбилей профессора К.А. Хубиева

Вот и всегда молодому, бодрому и энергичному Кайсыну Азретовичу Хубиеву стукнуло 70 лет. Не верится, но, кажется, факт, с которым мы Кайсына Азретовича и искренне поздравляем — фундаментального, строгого, добросовестного, ищущего, не чурящегося неудобных и дерзких выходов за пределы привычных, когнитивных конструкций.

Великого Вам здоровья, Кайсын Азретович!

* * *

25 апреля 2018 г. в г. Кирове по инициативе областной библиотеки имени А.И. Герцена и с участием Вятского социально-экономического института состоялись презентация ряда научных и литературных произведений д.э.н., профессора Ю.М. Осипова, их содержательное обсуждение. В мероприятии приняли участие действительные члены АФХ: главный научный сотрудник библиотеки, к.филол.н. Н.И. Злыгостева и ректор ВСЭИ, д.э.н. В.С. Сизов.

* * *

17—19 мая 2018 г. состоялся XI Астанинский экономический форум, в рамках которого 19 мая прошло заседание круглого стола по теме «Евразийский потенциал и новые возможности развития регионов Казахстана и России в условиях глобальных вызовов». Заседание, на котором с докладом «Евразийский интеграционный вектор России» выступил д.э.н., профессор Ю.М. Осипов, состоялось в г. Петропавловске на базе Северо-Казахстанского государственного университета имени М. Козыбаева. Профессор Ю.М. Осипов, избранный почетным профессором СКГУ, прочел для преподавателей и студентов-магистрантов университета лекцию на тему: «Философско-хозяйственная трактовка экономики».

Ю.М. ОСИПОВ

Евразийский интеграционный вектор России

Россия — евразийская страна, она в Европе и в Азии, в ней присутствуют как европейские, так и азиатские элементы, хотя по сути своей это страна, конечно же, российская, то бишь не собственно европейская и не собственно азиатская, даже и не какая-то смешанная евроазиатская, а именно российская — по духу, языку, культуре, цивилизации, государственности, традиции, предназначению.

Евразийство России более всего проявляет себя вдоль вектора «Европа — Азия», а не обратного «Азия — Европа», причем не просто из-за евроазиатского расположения страны, а по причине органического сочетания в рамках России Европы и Азии, как и эффективного их между собой взаимодействия. Россия — евразийский котел, в котором «варятся» Европа с Азией, производя по составу вроде бы евразийский, а по сути-то российский, продукт. Россия, имея в себе европейский и азиатский ингредиенты, определяется в итоге не их смесью, а третьей, преодолевающей оба отмеченных ингредиента, составляющей — российской.

Евразийский вектор бытия вполне естествен для России, мало того, он, несмотря на тяготение России к Европе, немало и определяющ, ибо одно дело тяготение России к Европе, а совсем другое — собственное движение России на восток и юг, на юго-восток, к Азии.

Что происходит сегодня? А сегодня происходит усиление российской хозяйственно-пространственной динамики как раз на восток, в Азию, что связано как с экономическими ресурсно-бытовыми потребностями страны, так и с усиливающейся конфронтацией Запада, или Евро-Америки, с Россией, вызванной нежеланием России находиться в вассальной зависимости от Запада во главе с США, и нарастающим ростом России как самостоятельной великой державы — одного из мировых центров. Фактически запад ведет необъявленную, но весьма рекламируемую войну против России

(так называемую гибридную, или гуманитарную), еще более отталкивая тем самым Россию от себя и подталкивая Россию к Востоку.

Так или иначе, но высказанная в середине 1990-х гг. президентом Казахстана Н. Назарбаевым идея евразийской интеграции получила объективно-событийную и субъективно-действенную международную поддержку и весьма продуктивное воплощение: в Евразии не просто возникло общее, вполне и глобальное, экономическое пространство, но и стал складываться своеобразный, отличающийся от западного и того же европейского, многополюсный и полицентровый мир, не преследующий цели всеобщей идентификации и способный сохранить не только имеющиеся государственные суверенитеты, но и уберечь культурно-цивилизационные традиции каждого из действующих национальных субъектов.

Евразийский интеграционный мир — возможный прообраз будущего, уже и не западного, планетарного мира.

Уходящий с ведущей исторической арены Запад ведет сейчас войну не с одной Россией, а и с Азией, Латинской Америкой, Африкой, со всем земным миром, мало того, он ведет войну с традицией, культурой, цивилизацией, человеком, его гуманитарным сознанием. Это заставляет остальной, т. е. незападный в основе, мир объединяться и противодействовать агрессивному Западу во главе с практически взбесившимися США.

Отсюда потребность, с одной стороны, углубления межстрановой интеграции в незападном мире, прежде всего, в евразийском, по линии не только товарного обмена, но и научно-технологического сотрудничества, а с другой — усиления политической координации и военно-оборонного взаимодействия.

Кому-то может показаться это чрезмерным, достаточно, мол, экономического кооперирования, но лучше все-таки быть самостоятельно дальновидными, чем зависимо безоружными. Россия, затрачивая немалые ресурсы и испытывая серьезные волевые напряжения, удерживает Запад от конечной мировой агрессии и предохраняет те же евразийские страны от подчинения западному империальному монстру, если не от полного исчезновения с карты мира, но одной России тут недостаточно, — вот почему и наш российский призыв к международному евразийскому благоразумию. В единении Евразия непобедима и имеет все шансы на будущее — уже свое, не западное!

* * *

24—25 мая 2018 г. в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) состоялась международная научно-практическая конференция «Многополярная глобализация и Россия», в которой принял участие в качестве члена оргкомитета, докладчика и модератора круглого стола председатель Научного совета «ЦОН МГУ» профессор Ю.М. Осипов. Тема его доклада: «Мир тектонических перемен и Россия». Заседание круглого стола под председательством Ю.М. Осипова прошло по теме «Философия хозяйства в осмыслении глобальных проблем». В конференции приняли участие и выступили с докладами действительные члены АФХ: доктора наук А.Ю. Архипов, И.Р. Бугаян, М.Л. Альпидовская, С.С. Слепаков, П.В. Павлов, В.Н. Овчинников, О.С. Белокрылова, В.А. Алешин, Т.В. Игнатова, В.К. Королев; кандидаты наук А.В. Андреева, В.В. Кашицын.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства и иное*

Аннотация. Философия хозяйства как иное знание об ином.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия, метафизика, наука, иное знание, иная реальность, иной мир.

Abstract. Philosophy of economy as another knowledge of otherwise.

Keywords: philosophy of economy, philosophy, metaphysics, science, another knowledge, another reality, another world.

Философия хозяйства — вольно-потокное знание-размышление о целостном жизнеотправлении деятельного и творящего человека, о сути, способах и ходе сего жизнеотправления, его телеологии (целеполагании) и эсхатологии (достижениях и завершениях).

*Непредвзятая пояснительная реплика в адрес актуального философа из Ростова-на-Дону профессора В.К. Королева.

Философия хозяйства не пренебрегает феноменальностью и фактологией, их принимает, изучает и осмысливает, но заточена она более всего на постижение бытийного сущего, включая и вышеуказанное жизнеотправление, а потому тесно сопрягается с постоянно реализующейся в бытии, включающем и человеческое жизнеотправление, онтологической (объективной) концептуальностью — сокрытой, неявной, предвечной и повседневной, статуарной и подвижной, меняющейся, вибрирующей, дискретной, распадающейся и сходящейся, ускользающей от сознания и в него вдруг врывающейся, трансцендентной, и в то же время познавательной имманентной, противоречивой, целостной, не игнорирующей при этом собственно человеческого (субъективного) деятельно-творческого концептуализма, его в себя вбирающей и в себе отображающей и собою же представляющей.

Философско-хозяйственный гнозис хоть и не совпадает вполне с соответствующим ему онтосом, но в силу своего проникновения в зону реального сущего весьма тождественен онтосу, отчего гнозис и онтос хоть и не одно и то же, но, безусловно, нечто содержательно единое: если без онтоса нет никакого велеречивого гнозиса, то и без гнозиса не видится никакого красочного онтоса. Гнозис и онтос — едины и неразделимы, как раз настолько, чтобы гнозис был полноценным гнозисом, а онтос — полнокровным онтосом, а в итоге имела бы место реалистичная философия хозяйства.

Философия хозяйства — философия прежде всего самого онтоса — хозяйства, как раз и рождающего в своем лоне *метасмыслологию*, улавливаемую философствующим сознанием и осмысливающим ее как уже свою метасмыслологию — как раз в образе и в статусе философии хозяйства.

Будучи сама конструктивным моментом хозяйства, философия хозяйства оказывается одновременно продуктом хозяйства и плодом философии, причем как объективной хозяйственной, так и субъективно хозяйствующей философии.

Философия хозяйства — свободное концептуальное мышление, обязанное, однако, более онтосу, чем гнозису. Не онтос должен производно соответствовать гнозису, нередко весьма и выдуманному, ошибочному и ложному, а гнозис обязан вторить онтосу, который хоть и скрытен, таинствен, путан и уклончив, но... *реален*.

И ежели познающий человек замечает, что онтос насквозь метафизичен (нематериален, невещественен, непредметен), то чело-

век размышляющий обязан следовать именно метафизическому гнозису и им в меру духовно-интеллектуальных сил пользоваться, не игнорируя при этом и ничего физического из обширного хозяйственного бытия.

Вообще собственно человеческий, он же осознанный, онтос не так уж физичен, как обычно кажется, он и в самом деле более всего метафизичен: что, скажите, физического в сознании, знании, слове, мысли, смыслах, памяти, именах, понятиях, замыслах, проектах, концепциях, как и в отношениях, социуме, экономике, политике, праве, государстве и т. д., что? — да ведь ничего! Везде тут, пусть и сочетающийся с физисом, но все-таки самый что ни на есть метафизис (духовный, эфирный, идеальный, прозрачный, беспространственный и вневременной, призрачный, виртуальный), которому как раз в наибольшей степени и соответствует метафизика, или метафизическая философия, хотя метафизика не избегает и физиса (физика, или наука, пусть и самая вроде бы точная, тоже ведь по сути метафизика, пусть и не столь неопределенная и «темная», как метафизика гуманитарная).

А коли человеческий, или гуманитарный, онтос столь основательно метафизичен, то он неизбежно столь же основательно трансцендентен, что вкуче (метафизики с трансценденцией) и заставляет непредвзятого мыслителя заниматься не так стройной теорией хозяйства (ради научного-де видения реальности), как нестройной, но более адекватной реальности, философией хозяйства (ради уже иного восприятия реальности).

Несмотря на то, что философия хозяйства есть философия, еще и в основе своей метафизическая, это вовсе не только и не столько субъективно-интеллектуальное знание-размышление, сколько объективно-практическое средство-орудие познания и действия, способное не только распознавать и фиксировать концептуальные (смысловые) токи хозяйственной и вообще бытийной реальности, не только концептуально предвидеть ее реальный ход, но и оказывать воздействие на него, его концептуально вести.

Философия хозяйства улавливает сначала не свои и созидает затем уже свои концепции, а творчески соединенные воедино сии концепции не только ведают, но и ведут реальность. Есть самодвижущийся объективно-субъективный онтос, есть его осознающий гнозис, а есть и субъектно-объектный *акциос*, — и все это представлено в частности в философии хозяйства, которая оказывается дей-

ствующим онтологическим гнозисом, как и действующим гносеологическим онтосом — не более и не менее!

Философия хозяйства — сила!

Будучи не статичной, не системной и всегда незавершенной, философия хозяйства адекватна динамическому, потоковому, переменчивому и имировизационному бытию-онтосу, мало того, целиком погруженному в неизвестность — необходимую, стойкую и неизбывную, отчего философия хозяйства способна говорить всегда иначе, по-другому, по-особому, по-новому, не догматически, имировизационно, что вовсе не означает, что наобум, неряшливо и безответственно.

Имея дело с онтогносеологической трансценденцией, философия хозяйства часто говорит как бы не о существующей вокруг реальности, а какой-то иной реальности, точнее даже — ирреальности, чего вроде бы и нет, однако по прошествии времени и кое-каких реальных событий вдруг оказывается, что философия хозяйства говорит по преимуществу именно о реальности: либо сокрытой от глаз обычного наблюдателя, включая нередко и научного, а потом вдруг открывающейся в текущей феноменальности, либо еще только разворачивающейся в бытийных глубинах, а затем выходящей уже в ином выражении на поверхность. Философия хозяйства способна, заметим особо, к распознаванию и улавливанию некой *предреальности*, а следственно, и предвидению возможной *постреальности*, не говоря уже об особом трактовании текущей реальности.

Философия хозяйства — знание во многом о незнаемом, о невозможном, о вроде бы небытийном, о всем том, что не только не поддается исследовательскому по какому-нибудь щедрому гранту познанию, но вообще не подлежит переходу в разряд собственно знаемого, вполне возможного, напрочь и бытийного. Здесь хозяйничает не лабораторное исследование, не обработка массива данных с их механическим обобщением, а *сокровенное откровение*, может, и случайное, а может — и благообретенное.

Философия хозяйства вовсе не пренебрегает неизвестностью вкупе со столь же первозданной трансценденцией, а по-честному вступает с ними в имманентный диалог, ведя свой то нейтральный, то акционный гнозис, аккуратно взаимодействуя с весьма потаенным онтосом, вовсе при этом не безразличным к практической реализации человеческого жизнеотправления, его немало усложняющим, делающим неопределенным и вероятностным, частично и

случайным, но... только тогда и реально возможным: неизвестность с трансценденцией не так смертельное препятствие, как необходимое экзистенциальное условие бытия человека, его жизнеуправления, его хозяйства, равным образом и бытия самой философии хозяйства.

Неизвестностью все в мире начинается, ею творчески сопровождается и ею же заканчивается.

Пронизанная онтологической неизвестностью и взбадриваемая гносеологической трансцендентностью, философия хозяйства и в самом деле представляет собой какое-то *иное* знание, или *инознание*, а вследствие своего метадогматического выхода за пределы любого из общепринятых знаний: науки, философии, религии, представляет собой и некое уникальное *метазнание*, могущее с пользой для себя взаимодействовать с непреходящими неизвестностью, трансценденцией и незнанием.

Да, это явно *иное* знание, но ведь это знание и об *иной реальности*, вовсе не той, как обычно преподносят реальность устоявшиеся знания: *иной гнозис* — *иной и онтос*, что, согласимся, хоть и можно нарочито и подолгу игнорировать, но не запереть навечно философию хозяйства в спецхранах, не удалить ее «маску» из ноосферы, не стереть ее смысловые послы с когнитивного лица Земли.

Однако это еще не все: *иной онтос* — это не только иначе видимый и постигаемый онтос, а и онтос, который сопряжен с *иным миром*, или *иномирьем*, мало того, это онтос, в котором сие иномирье не только присутствует, а и всю работу делает.

Можно упорно отрицать наличие этого иного мира, как это делает та же наука, но разве науке и в самом деле известно, *что* есть *на самом-то деле* мир, бытие, Вселенная, космос, жизнь, человек, сознание, слово, смысл и прочее, прочее, прочее, откуда и почему *это все*, зачем, куда, до чего?..

Философия хозяйства не только видит все вокруг иным, будучи и сама иной, она еще и признает великую важность всего иного, которое вовсе не обязательно что-то потустороннее, а попросту невидимое, неоощаемое, скрытое, неизвестное, однако очень и очень действенное в плане реализации мирового и самого по себе человеческого бытия, — и только с привлечением к гнозису всего этого *иного* человеку становится не то чтобы вполне понятным, но более или менее приемлемым для кое-какого эффективного понимания весь искрящийся контакт познающего и действующего со-

знания с окружающим его миром, а может, и наоборот — мира с окружающим его сознанием.

Итак: *иное знание — иная реальность — иной мир*, как и обратнo: *иной мир — иная реальность — иное знание*.

Вот и она — *философия хозяйства!*

* * *

Е.С. ЗОТОВА

Цифра как феномен бытия (обзор выступлений на круглом столе)

Аннотация. Предлагается обзор выступлений, прозвучавших на круглом столе «Цифра как феномен бытия: концептуальный подход», проведенном лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ в рамках Ломоносовских чтений — 2018.

Ключевые слова: экономика, цифровая экономика, цифровизация, цифровые технологии, философия хозяйства.

Abstract. The article presents a review of the reports on a roundtable discussion «Figure as a Phenomenon of Objective Reality: Conceptual Approach» which took place in Laboratory of philosophy of economy of Faculty of Economics of MSU within Lomonosov readings — 2018.

Keywords: economy, digital economy, digitalization, digital technologies, philosophy of economy.

Открывая заседание круглого стола, его ведущий — д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (МГУ), отметил, что цифровые технологии существенно изменяют человеческое бытие, превращая его в гибридное — хомотехническое, или же техноантропное — бытие. Гибридизации подвергается и экономика, устремляясь через гибридную экотехнику к уже целостной техномике. Технический, пусть и пока хомотехнический, а в скором времени уже техноантропный, расчет все более будет заменять расчет социально-экономический, или же стоимостной, когда уже не только не «человек — стоимость — цифра», как было на заре экономики, даже не

«стоимость — цифра — человек», как это происходит сейчас, а сначала формула «техника — цифра — человек», а затем и «техника — цифра — техника». Тогда-то круг и замкнется: техника, вытеснив человека с социумом, напрямую сомкнется с техникой, — и весь ныне экономический мегапроцесс превратится в технотронную мегамеханику.

Тут следует обычное нехитрое возражение, что человек со своим разумом никуда ведь не денется, он все равно будет главное в своем бытии определять. Ой ли? Разве уже не видно, как вокруг меняются человеческое сознание, как по планете уже бродит некий неоантроп, весьма сведущий в нейрокибертехнопрактике, но не очень-то уже сведущий ни в каком исходном человековедении, включая и ведение самого себя.

А если учесть, что человечество явно подлечит не одному лишь антикультурному расчеловечиванию, подгоняющему человека под техногенного киборга, но и количественному сокращению, когда гедонистическая растрата ресурсов под воздействием капиталобразной экономики становится невозможной, и все более в дверь стучится тотальное рационарование бытия, то постэкономическая нейрокибертехномика оказывается вполне уже *реальной реальностью*, пусть еще и вроде бы будущей.

Есть, о чем порассуждать участникам заседания круглого стола, что и побуждает собравшихся к активной дискуссии. Попробуем кое в чем подзабраться! — призвал Ю.М. Осипов.

В своем выступлении о скрытых перспективах социально-экономической цифровизации д.э.н., профессор **М.Л. Альпидовская** (Финансовый университет при Правительстве РФ) отметила, что в последнее время — в некоторой степени — чрезмерно актуализированной стала проблема цифровизации экономики, человечества в целом и бытия человека как субъекта... Настолько ли необходим данный процесс современной России и каково его влияние на экономическую и социальную жизнь? Еще в начале 2000-х лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Солоу задался вопросом о том, как сказались внедрение информационных технологий на росте производительности труда в разных отраслях промышленности. Ответ был дан США: сотрудники их Бюро статистического анализа выяснили, что бифакторная производительность не выросла ни в одной из отраслей американской экономики, кроме одной — производство компьютеров. При этом наблюдается устойчивая тенденция к спаду производительности труда и капитала в целом по

экономике. Также проблема всеобщей доступности информации благодаря глобальным интернет-сетям играет не столь позитивную роль в формировании благоприятного фона социального комфорта населения стран глобального мира. Уровень жизни пресловутого «золотого миллиарда», сформированного в конце 1950-х — начале 1960-х гг., благодаря внедрению инновационных технологий во все возможные отрасли промышленности и резкому скачку бифакторной производительности, до сих пор не достигим для оставшихся почти 5 млрд населения, пользующихся всевозможными «гаджетами». Это ведет к неизбежному росту социальной напряженности... Существуют и уже незаметно на фоне крушения капиталистической социально-экономической системы предлагаются некоторые проекты по выходу из сложившейся ситуации. Все эти проекты и предложения не однозначны, соответственно, исход их реализации тоже. Варианты будущего трансгуманизированного общества в большей степени рисуются архаично жестко. Однако не стоит забывать о том, что Россия всегда была способна выбрать тот путь поступательно-прагматично-рационально-эмоционального движения вперед, который способен вывести не только ее (и ее сателлитов), но и весь оставшийся мир из мира небытия... И, если будущее состоится, оно пойдет по траектории развития эмоционально-интуитивного пространства отношений, не забывая, конечно же, о радио, заметила М.Л. Альпидовская.

Говоря о поставленных на круглом столе проблемах, д.ф.н, профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ), заявил, что близко время, очень близко, когда все слова уже высказаны, все смыслы уже выявлены, все образы и картины уже изображены, все верования уже обезверились, все учения, теории (концепции), проекты, программы уже завершают свои суицидные ритуалы и обряды самоотрицания. Бездна открыла все свои двери и уже без валидаторов принимает всех существ ничтожной популяции Воланда.

Но вот осталась цифра (число), которая еще не проявила в полной мере свой смысл и функции, свой язык и символику, и правосудие своих методов, еще не «озвучила» свои проекты и программы, свою телеологию и эсхатологию. Остается неясным цифровой идеал бытия, социума, человека, хотя цифроника решительно идет к тому, чтобы стать самодержавным властителем мира и всех его реалий.

Итак, цифра берет (уже взяла!) власть, определяя целостность Хаосмоса, превращая его в порядок кладбища, добывая недобитых абортами, школой, образованием, зарплатами, голодом и войнами.

Цифра (число) с древнейших времен была важнейшим средством познания и практического использования количественных свойств бытия, а математика была объявлена даже «царицей наук». Пифагор видел в числах «язык богов». И. Кант не сомневался, что в каждой науке столько научности, сколько в ней имеется математики, а понимание числа служит мерой понимания любой реалии. Но в сферах мысли, сознания, духа, морали, искусства, религии, хозяйства, отчасти — и мысли, сознания, духа, искусства возможности числа ограничены их качественными определителями.

Особый и необычный парадокс представляет симбиоз числа и экономики, когда экономика почти целиком сводится не к смыслам, не к терминам, не к теориям, а к числу; а число — временно и не без умысла услужливо работает на экономику, чтобы в итоге поработить ее и превратить в мусорономику.

Лучше постичь замысел и проект числа, цифрономики нам помогут мерный анализ Аристотеля и смысловые формулы Маркса. У Аристотеля мера окружена «избытком» и «недостатком», удерживая число в пределах нормы. Марксовы формулы «Т—Д—Т» и «Д—Т—Д» показывают, как деньги из средства стали самоцелью и создали новый строй — капитализм — и далее упростили себе работу, став «Д...Д'», завершив свою инволюцию простой единицей «'».

Долгое время хозяйство и экономика работали по алгоритму «экономика — число — экономика». Сегодня число объективным ходом своей эволюции превращает этот цикл в иной алгоритм — «число — экономика — число», в котором экономика становится вначале средством, затем чистым, самовозрастающим числом «Ч...Ч'», чтобы в итоге стать царем, который будет создавать мир, социум, человека сообразно суицидному проекту и гробовой натуре числа, которое своей точностью, доказательностью, определенностью и неизбежностью уступает лишь смерти. Свободное число само по себе, ничем не ограниченное, может сотворить лишь цифрономику мира *mortido*. Но Россия этого не позволит, используя творческий потенциал хозяйства, заключил Н.Б. Шулевский.

В рамках господствующей экономической модели цифровизация поработает человека, заметил д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ). Языком

описания данной модели является английский язык, выступающий производной от четырех немецких диалектов, бывших в употреблении варварских племен англов, саксов, ютов и данов. Английский язык приобрел мировую популярность благодаря игнорированию основ немецкой грамматики, сокращению длины слов и сужению смысловых конструкций. Подобное упрощение привело к сведению сложных и многомерных мировоззренческих понятий, разработанных в рамках немецкой философской школы, в двухмерную товарно-денежную плоскость беспритязательных бытовых отношений, которые сформировали главный императив современного экономика: брать дешевле — продавать дороже. Повсеместное внедрение коммерческих начал в дворянское сословие в Англии, завершившееся к Позднему Средневековью, со временем деформировало государственно-образующую основу общества на всем Западе, предопределив статус человека как функции товарно-денежного обмена. Цифровизация технологически форсирует данные процессы, повсеместно сужая смысловой контекст жизнеотправления. Противоядие от англосаксонского глобализма заключено в русской цивилизационной матрице, которая успешно переработала бонапартистский глобализм образца XIX в., а в XX в. положила конец глобальному проекту национал-социализма, сказал А.В. Кузнецов.

В своем выступлении д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) обратил внимание на то, что мир, в основе которого лежит число, отличается двумя характерными признаками. Во-первых, в числовом мире все тайное становится явным. Во-вторых, в этом мире нельзя обманывать и лгать. Но поскольку ложь является условием всякой коммуникации, постольку в мире тотальной цифровизации возникают непреодолимые трудности в коммуникации между людьми. Преодолеваются эти трудности, как правило, формальным образом, тем, что люди учатся говорить по каждому поводу то, что принято говорить по этому поводу в экспертной группе. Так возникают смысловые разрывы в коммуникациях, люди перестают испытывать потребность в понимании друг друга. Базисным основанием для этого непонимания является активация изначальной оппозиции между «мы» и «они», заметил Ф.И. Гиренок.

Д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (Институт социальных наук) заметил, что цифровые технологии — сами по себе — очень полезная и нужная вещь. Но речь идет о цифровой революции, в ходе которой цифровые технологии, а вместе с ними и язык цифр, приобретают новую власть над людьми, замещая порой наш родной

русский язык. Экономический язык — язык цифр. И когда он становится основным языком человека, человек утрачивает свои национальные черты и постепенно превращается в человека экономического — работника и потребителя товаров и услуг. В результате человек деградирует. Его внутренний мир обедняется в прямой зависимости от проникновения цифровых технологий в систему образования и воспитания, замещения ими личного общения с учителем, подмены самого учителя.

«Что скрывает число?», — с таким вопросом обратился к аудитории к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»). Сколько чисел нужно знать современному человеку, у которого есть компьютер, интернет и кредитная карточка? Может быть, столько же, сколько их было у древнего человека. А знал он, как это выяснили ученые, изучавшие племена Южной Америки, всего четыре количественные меры: один, два, много и куча.

Дело в том, что новые числа появляются в нашей жизни только вместе с новым опытом и исчезают с его оскудением. Происходят эти изменения скачками, причем далеко не всегда логичными. Так, качественный смысл понятия «много» удалось выяснить Пуанкаре лишь в конце XIX в. Оказалось, что это все системы, состоящие больше чем из двух частиц, поскольку их поведение оказывается непредсказуемым с точки зрения законов классической механики. Пуанкаре назвал такие системы большими.

Приблизительно 100 лет спустя после него российские ученые Кузьмин и Жирмунский раскрыли числовое содержание больших систем, которые удовлетворяют условию устойчивости: 3, 7, 15, 20, 54, 90...

На устойчивом числе 7 Пифагор основал свою теорию Музыки Сфер, описываемую соотношениями: $1/2, 2/3, 3/4, T \sim 1/1$, где T и 1 — характерные меры времени и пространства (периода волны и длины струны).

Спустя 1700 лет после него Фибоначчи на примере роста популяции кроликов обнаружил другой ряд чисел, характеризующих жизнь: 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, ..., который в асимптотике приводил к «золотому сечению» — принципу художественного совершенства.

Спустя еще 800 лет после Фибоначчи Колмогоров дополнил числовой закон Фибоначчи закономерностями, характеризующими процессы диссипации больших систем $T \sim 1/1^{2/3}$.

А через 50 лет после него нам удалось расширить закон Колмогорова на случай описания неустойчивой самоорганизации систем частиц различной природы — от биологической до социальной $T \sim 1^{2/3}/(1 - 1/L)$.

Таким образом приблизительно за 2500 лет человечеству удалось продвинуться от понимания смысла числовых отношений, характеризующих гармонию, до понимания числовых соотношений, характеризующих жизнь.

Параллельно с качественным осмыслением количественных отношений жизни природы с середины XX в. стала бурно развиваться вычислительная техника. По некоторым оценкам, сегодня ее возможности приблизились к созданию искусственного интеллекта и таких его производных, как цифровая экономика.

Однако с багажом знаний середины XX в. продуктивное продвижение в этом направлении вряд ли возможно, поскольку одними количественными методами невозможно синтезировать качественные образы. Прежде необходимо понять и адаптировать до числового уровня ЭВМ качественные смыслы интеллекта и экономики, заметил О.В. Доброчеев.

В выступлении к.э.н. **Д.Н. Соколова** (Финансовый университет при Правительстве РФ) было отмечено, что капиталистическая система в настоящее время разворачивается на интенсивно-ориентированный путь развития, выстраивая систему внутренней эксплуатации ранее завоеванного жизненного пространства посредством цифровизации общества. Центральным субъектом экономических интересов в условиях децентрализации общества остается крупный капитал в связке с государственным аппаратом. Ориентиром такого субъекта является приращение капитала, выражаемое сугубо в цифровых показателях, не имеющих под собой реальных потребностей. Развитие технологии блокчейна, нейросетей, BigData и прочих предполагает и возможность прогрессивных преобразований производственных отношений (развитие кооперативного движения, сетевых структур, основанных на доверии), но не следует подвергать их чрезмерной идеализации. В условиях приоритетности «цифры» на уровне производительных сил условием прогресса является отказ от «цифры» на уровне производственных отношений: отказ от сугубо стоимостных показателей в пользу натуральных и реальных результатов деятельности. В таком случае цифровизация может работать на благо общественного развития, иначе применение цифр ради цифр будет лишь увеличивать разрыв с реальными

ми причинно-следственными взаимосвязями, сделал вывод Д.П. Соколов.

Завершая дискуссию, **Ю.М. Осипов** обратил внимание присутствующих на то, что нашествие технологической цифры на человеческое бытие и на самого человека уже идет, примерами чему служат не только компьютеризация, «цифрофизация» и «мобильнизация» сознания, но и превращение тех же ученых, врачей и педагогов во всего лишь операторов технических устройств и «соучастников» больших информационных систем, что вроде бы помогает пользователям этих устройств и систем в исполнении профессиональных функций, но зато делает указанных пользователей не просто от устройств и систем по-деловому зависимыми, а и совсем не по-деловому этими устройствами и системами подавленными. Так на глазах исчезают ученые, врачи, педагоги, а на их месте оказываются не более, чем функциональные симулякры... А что представляет собою современный компьютеризованный — рационализированный и обездушенный — менеджмент, управляющий чем ни попадя, причем ради не объекта управления, а управленческой выгоды, что лишь разрушает объект управления. Надвигается не просто новая цивилизация, а новый мир, он же и антимир, вкупе с киберчеловечеством.

Россия тут не исключение, она тоже подвержена этому нашествию. И поскольку пришествия новизны не избежать, то хотя бы нужно понять происходящее, оценить его возможные последствия и принять меры по недопущению его роковых для человека и России результатов. Не случайно, по-видимому, Россия, овладевающая западной технической новизной, отодвигается от Запада, причем самим же Западом: подумать, понять, перестроиться. Не случайно, надо полагать, и разгорается гибридная война Запада с Россией: чтобы России прийти к России и не стать колониальным придатком Запада. Вот почему вводится в дело программа «искусственный разум», осуществляемая «научными ротами»: чтобы владеть своим разумом и управляться другим — вражеским. У России нет союзников, кроме армии и флота, но, добавим, и собственных мозгов тоже, направляемых ныне философией хозяйства и софисофией, — вот оно — стратегическое значение отечественной мысли, немало и кое-кем теснимой! Но ничего: с нами Россия, выдюжим! — заключил Ю.М. Осипов.

Т.С. СУХИНА

Цифровая экономика: проблемы и особенности

Аннотация Представлен обзор выступлений на субпленарной сессии секции «Цифра в экономике и экономика в цифре», прошедшей 18.04.2018 г. на экономическом факультете МГУ в рамках работы ежегодной научной конференции Ломоносовские чтения — секции экономических наук «Цифровая экономика: человек, технологии, институты».

Ключевые слова: цифровая экономика, человек, сознание, цифровизация, информация, цифра, экономика.

Abstract. The article presents a review of the reports at the subplenary session of the section «Figure in Economy and Economy in a Figure» was held on 18.04.2018 at the Faculty of Economics of Moscow State University as part of the annual scientific conference «Digital Economy: Person, Technology, Institutions».

Keywords: digital economy, person, conscious, economic figure, digitalization, information, economy.

В апреле 2018 г. в рамках ежегодной научной конференции Ломоносовские чтения — секции экономических наук «Цифровая экономика: человек, технологии, институты» — прошло заседание на субпленарной сессии секции «Цифра в экономике и экономика в цифре» (тематическое направление № 12 «Экономика и цифра: философско-хозяйственный подход»).

Дискуссию открыл руководитель секции и модератор субпленарного заседания д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов**: «В присутствии цифры в экономике не только нет ничего необычного, наоборот, цифра составляет знаковую плотность экономики как экономики, которая есть не что иное, как работающая стоимостная (денежно-стоимостная) субстанция, присущая сознанию и в его сфере реализующаяся. Теоретическая наука фактически прошла мимо цифровой плотности экономики, хотя все время обращалась к деньгам и ценам, ища им внеденежное и внеценовое объяснение (труд, полезность, спрос—предложение), а потому и не придавая должного значения самой по себе экономической цифре, в которой как раз и бытует иное экономическое в экономике — стоимость».

По мнению Ю.М. Осипова, связь между экономикой и цифрой гораздо органичнее, чем это обычно представляется науке.

Цифра в экономике — не просто знак количества, а сама плоть экономики, ее воспринимаемое сознанием выражение. И тут важно учесть — не просто цифра в экономике, но и экономика в цифре. Где она — стоимость? Да, в экономической цифре (денежной, ценовой), больше ей — экономике — попросту негде быть. Вот откуда и название секции: «Цифра в экономике и экономика в цифре». Диалектика!

Наука кинулась сейчас к цифре в связи с развитием цифровой нейрокибертехнологии. До этого наука, пользуясь экономической цифрой, ее же не замечала. Сейчас заметила и замерла перед цифрой в изумлении: куда же ее деть, если не в технологию? И в самом деле: с технологией как технологией более или менее понятно (ЭВМ, автоматы, интернет и т.д.), но что с экономикой как экономикой (технология — не экономика)?

Тут действительно камень преткновения: что станет с экономикой как экономикой в эпоху тотальной цифровизации? Реальность, конечно, покажет, но кое-что предположить можно. «Искусственный разум, под которым я понимаю некое облаковидное образование (аналог ноосферы) с таким единением человека с нейрокибертехнологией, при котором функция управления человеком, социумом и экономикой переходит в значительную, а может, со временем, и в решающую меру от собственно человека, социума и экономики к этому самому “разуму”», — подчеркнул Ю.М. Осипов. «И ежели это случится именно так, то произойдет не просто трансформация нынешней экономики, обязанной своим существованием стоимости, в другую стоимостную экономику, а и полная трансгрессия экономики во что-то иное, уже в постэкономику, а именно — в техномику, как это мне довелось уже обозначить еще в “Теории хозяйства”» в 1995—1998 гг. Пока это мое видение работает, дело идет в этом направлении», — подытожил Ю.М. Осипов.

И что тогда цифра? А цифра, по мнению профессора Осипова, из экономической превращается в технологическую, которая нисходит на хозяйственное бытие от искусственного разума, и это хозяйственное бытие технологически определяет, не прибегая к стоимости, деньгам и ценам. Стоимостные оценки социального происхождения заменяются техническими печатями технологического происхождения. «Так это будет или не так, время покажет, но не говорить обо всем этом мы сегодня не можем», — заключил Ю.М. Осипов.

Д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) в своем докладе «Циф-

ровизация социально-экономического пространства: вызов и шанс для прорывного развития России» отметил, что в мире происходят колоссальные пертурбации во всех областях, и диалектическое восприятие хозяйственного бытия требует осмысления воздействия конструктивной человеческой деятельности на хозяйственную практику и особенно на роль сознания в конструировании нового человеческого общества. Все большую роль начинает играть информация, причем на всех уровнях: индивид, социальные группы, суверенные страны, мир в целом. Информатизация жизни втягивает в эти процессы как пространства целых стран, так и отдельных людей, подчиняя их общим закономерностям глобальной экономической игры, что таит в себе угрозу потери суверенности в обоих случаях.

Отличительной чертой современности является изменение роли информации в процессах социально-хозяйственного бытия, из вспомогательного фактора она становится ведущим, появляется новый вид капитала — информационный, стремящийся подчинить старые формы капитала — производственный, торговый, банковский. Информационный капитал не только обслуживает реальную экономику, но и осуществляет производство собственного информационного продукта.

Далее С.Г. Ковалев обратил внимание на некоторые отличительные тенденции, проявляющиеся в процессе становления информационного капитала: вероятность отрыва информационной экономики от реальной; создание нового потребителя для своего информационного продукта; будучи заинтересованным в собственной оценке своей деятельности, информационный капитал предпринимает попытки создания собственного денежного пространства; глобальный характер информационного капитала, децентрализация, формирование глобальной информационной сети.

В таких условиях сохранение суверенитета общества требует приложения больших усилий по созданию собственных технологий производства и хранения информации. По мнению С.Г. Ковалева, необходимо подчинение информатизации страны более общей цели — переходу к неоиндустриальному развитию.

По мнению д.э.н., профессора **А.Н. Кузнецова** (Финансовый университет при Правительстве РФ), центральной в экономическом дискурсе является проблема удовлетворения потребностей. В докладе «Модели удовлетворения потребностей в условиях цифровой экономики» были представлены результаты сравнительного анализа потенциального удовлетворения потребностей человека в двух ти-

повых моделях цифровой экономики под условными названиями «статус-кво» и «проект» с применением методов системного подхода, аналогии, моделирования и научной абстракции.

Первая модель «статус-кво» — это общество с многоуровневой имущественной иерархией, приоритеты ценностей в которой расставлены в последовательности: цифра—экономика—человек, т. е. человек полностью подчинен диктату информационных технологий, в результате для достижения высоких цифровых показателей нужны затраты все больших ресурсов.

Во второй модели «проект» также есть, и социальная иерархия, и статусы, но значительную роль играют моральные и этические ограничения, в результате — равномерная доступность благ для всех членов общества. Здесь действует обратная последовательность ценностных приоритетов: человек—экономика—цифра.

По результатам научных исследований можно сделать вывод о том, что достижение более высокого уровня удовлетворения потребностей человека возможно при более низких затратах ресурсов в модели «проект», так как в ней цели развития общества находятся за пределами экономики, которая является лишь инструментом для достижения этих целей.

Когда мы сегодня говорим о цифровой экономике, это вызов, в первую очередь, для России, для того, чтобы мы вспомнили о своем космическом предназначении и, наконец, создали некую альтернативную систему, которая бы позволила человеку выйти на новый уровень познания своих собственных потребностей, заключил А.Н. Кузнецов.

Д.соц.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова) в докладе «Цифровизация и потребление информации» обратила внимание, что несмотря на нацеленность цифровой экономики на повышение качества жизни благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий, способствующих росту производительности труда и обеспечению доступности различных социальных услуг для широких слоев населения, влияние цифровизации способно принести не только пользу, но и вред.

Для защиты от чрезмерного потока информации необходимо формирование благоразумной потребительской культуры, основывающейся на разумном самоограничении. В соответствии с исследованиями Э. Тоффлера некоторый уровень изменений жизненно важен для здоровья человека, но большое изменение вредно. «Кроме личных практик реагирования на перемены информационного

общества, — по мнению Л.И. Ростовцевой, — необходимо формировать социальные механизмы, регулирующие поведение человека в эпоху быстрых изменений». И здесь важную роль могут и должны сыграть традиционные духовно-нравственные ценности.

Таким образом, заключила Л.И. Ростовцева, «цифровизация общественной жизни повышает значимость потребления информации и необходимость формирования благоразумной потребительской культуры».

Н.И. Усик, д.э.н., профессор (Университет ИТМО, Санкт-Петербург, в соавторстве с В.И. Дементьевой) в докладе «О цифровом хозяйственном укладе» подчеркнула, что ожидаемый эффект от внедрения цифровых технологий в экономике видится в «росте финансово-хозяйственных показателей, снижении расходов на производственные ресурсы, оптимизации использования основных средств, снижении управленческих и коммерческих затрат». В настоящее время рассматриваются модели развития на основе распространения технологических инноваций с помощью проектных подходов. Государство является держателем важнейших институтов развития на основе проектного подхода.

«Цифровизация экономики может привести к ликвидации рабочих мест, способствовать нарастанию социальной угрозы. Хотелось бы, чтобы цифровая трансформация бизнеса согласовывалась с вопросами социальной стабильности в обществе, занятости и улучшения качества жизни и обеспечении комфортной среды обитания населения», — подытожила Н.И. Усик.

В заключение пленарной дискуссии **Ю.М. Осипов** отметил, что разговор на заседании состоялся интересный, может, с еще не найденным полноценным решением сложной проблемы, но зато с обозначением этой сложной проблемы, как и с обозначением подхода к ее решению одновременно со стороны цифры как цифры и экономики как экономики. Ясно, что весь экономический механизм будет меняться под воздействием его нейрокибертехнологизации вплоть до отрицания собственно экономики как стоимостного феномена и замены ее на что-то постэкономическое с ультратехнологической управленческой составляющей. Реальность себя покажет гораздо быстрее, чем мы думаем.

Анонсы

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —
VII Малый университетский форум

**«Российский миттельшпиль:
политика, экономика, технология, геостратегия»**

Российский гамбит с жертвами фигур уже в прошлом. В разгаре миттельшпиль — эта средняя и самая ответственная часть большой экзистенциальной игры, вынужденно ведущейся Россией на мировой «шахматной доске», правда, игры, с одной стороны, с за и против разнообразным внешним контекстом, так и — с другой стороны — игры с самою собою, тоже весьма разнообразной и тоже рискованной. Выбор, выбор и выбор! Напряжение, ни дня передышки, мобилизация. Война! Расставание с Западом, дрейф на Восток, движение к самой себе. За политическим суверенитетом — суверенитет экономический; за технологическим — оборонный; за военным — геостратегический. Надо ли? Если нет, то не надо и России, а ежели Россия есть, то все это надо, ибо без всего этого нет и не может быть никакой России. Россия — не страна, а мир, причем мир особенный, мало того — судьбоносный, — неприемлемый, возможно, для отечественной и мировой обыденности, не говоря о всяческом смертоносном закулисье, но крайне необходимый для апокалиптически содрогаящейся метаистории, чающей уже не очередного для себя поспешного выхода, а тотального себя же спасения. Россия, шаг за шагом входящая в новый для себя исторический образ, способна свернуть с пути общемирового гедонистического и суицидного процветания и вступить на путь уже чуть ли не маргинального для человечества и даже самой России спасения. Каковы же они — верные ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического и геостратегического криктолабиринтов? Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются!

5—7 декабря 2018 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет, Киев, Украина (*sinjakovsv@gmail.com*).

РАМАЗАНОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*sp-ram@yandex.ru*).

ГАРБУЗОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра уголовного права и процесса, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*buendia@bk.ru*).

БАЙНОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента и административного управления, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия (*mbainova@gmail.com*).

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор социологических наук, профессор, кафедра экономической социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*petroval4@yandex.ru*).

ЗАДОРЖНЫЙ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международной экономики и мирового хозяйства, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина (*gregor-55@rambler.ru*).

ДЕМИНА МАРИЯ ГЕННАДЬЕВНА,

аспирант, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*angryalien@yandex.ru*).

КРАВЧЕНКО ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kvsfnf@mail.ru*).

ЧЕПЬЮК ОЛЬГА РОСТИСЛАВОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*cheryuk@gmail.com*).

СЕЛИВАНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*seliv21@mail.ru*).

СИЛЬВЕСТРОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, директор, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*silvestrsn@gmail.com*).

СТАРОВОЙТОВ ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ,

доктор экономических наук, директор, Центр мониторинга и оценки экономической безопасности, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*vladstar1953@yahoo.com*).

ТРОШИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*giopur2@yandex.ru*).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Москва, Россия (*iokhinan@mail.ru*).

ВАЩЕКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра информационного права, информатики и математики, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия (*vaschekina@mail.ru*).

АФАНАСЬЕВ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ,

аспирант, департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*afanasyevdmitry@mail.ru*).

НИКИТИН АНТОН ПАВЛОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и культурологии, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия (*nikitinanton5891@gmail.com*).

СМЕЛИК НАДЕЖДА ЛЕОНИДОВНА,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, кафедра информационного обеспечения и моделирования агроэкономических систем, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург — Пушкин, Россия (*smeliknl@mail.ru*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

ЛЕДЕНЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии; кафедра философии и истории медицины, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*ledenevaelena72@mail.ru*).

ШТЕЙНБЕРГ АЛЕКСЕЙ ГЕНРИХОВИЧ,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра философии, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия (*shtein@festu.khv.ru*).

БЕЛОНОГОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ,

аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия (*Endy-addams@rambler.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

член-корреспондент НАН Украины, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киев, Украина (*agrytsenko@ief.org.ua*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

ПАСЕЧНЫ ЯЦЕК,

доктор экономических наук, профессор, факультет управления, Варшавский университет, Варшава, Польша (*jpasieczny@mail.wz.uw.edu.pl*).

ЮРЧИШИН ЛУКАШ,

кандидат социологических наук, директор, Центр социологических интервенций «Collegium Civitas», Варшава, Польша (*DStolarek@wz.uw.edu.pl*).

ПУГАЧЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (*andrjim@yandex.ru*).

ПАРФЕНОВА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (*decan@econom.uniyar.ac.ru*).

ВАХРУШЕВ ДМИТРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра финансов и кредита, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (*boxer204@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SINIAKOV SERGEY VASILIEVICH

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, National Transport University, Kyiv, Ukraine (*sinjakovsv@gmail.com*).

RAMAZANOV SERGEY PAVLOVICH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Volgograd State University, Volzhskiy, Russia (*sp-ram@yandex.ru*).

GARBUZOV DMITRI VIKTIRIVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Volgograd State University, Volzhskiy, Russia (*buendia@bk.ru*).

BAYNOVA MARIA SERGEEVNA,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Management and Administration Division, Russian State Social University, Moscow, Russia (*mbainova@gmail.com*).

PETROV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Chair of Economic Sociology, Department of Sociology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (*petroval4@yandex.ru*).

ZADOROZHNY GRIGORI VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Full Professor, Department of International Economics and World Economy, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine (*gregor-55@rambler.ru*).

DEMINA MARIA CENNADIEVNA,

PhD Student, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevsk), Nizhni Novgorod, Russia (*angryalien@yandex.ru*).

KRAVCHENKO VALENTINA SERGEEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevsky), Nizhni Novgorod, Russia (*kvsfnf@mail.ru*).

CHEPYUK OLGA ROSTISLAVOVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevsky), Nizhni Novgorod, Russia (*chepyuk@gmail.com*).

SELIVANOV ALEXSANDR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of Institute of Economic Policy and Problems of Economic Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*seliv21@mail.ru*).

SILVESTROV SERGEY NIKOLAEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Director, Institute of Economic Policy and Economic Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*silvestrsn@gmail.com*).

STAROVOITOV VLADIMIR GAVRILOVICH,

Doctor of Economics, Director, Center of Monitoring and Assessment of Economic Security of Institute of Economic Policy and Problems of Economic Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*vladstar1953@yahoo.com*).

TROSHIN DMITRIY VLADIMIRIVICH,

Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Problems of Economic Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*giopup2@yandex.ru*).

JOKHIN VIKTOR YAKOVLEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Leading researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*iokhinan@mail.ru*).

VASHCHEKINA IRINA VIKTOROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Chair of Information Law, Informatics and Mathematics, Russian State University of Justice, Moscow, Russia (*vaschekina@mail.ru*).

AFANASYEV DMITRY YURYEVICh,

PhD Student, Department of the World Economy and World Finances, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*afanasyevdmitry@mail.ru*).

NIKITIN ANTON PAVLOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Philosophy and Culturology Department, Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (*nikitinanton5891@gmail.com*).

SMELIK NADEGDA LEONIDOVNA,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Department of Information Management Systems and Agro-Economic Modelling, Saint-Petersburg State Agrarian University, Saint-Petersburg — Pushkin, Russia (*smeliknl@mail.ru*).

FATENKOV ALEKSEY NIKOLAYEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

LEDENEVA ELENA VLADIMIRIOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy; of Philosophy and History of Medicine, Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia (*ledenevaelena72@mail.ru*).

STEINBERG ALEXEY GENRIKHOVICH,

Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Chair of Philosophy, Far-Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia (*shtein@festu.khv.ru*).

BELONOGOV IVAN NIKOLAEVICH,

PhD Student, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia (*Endy-addams@rambler.ru*).

GORBACHEV ALEKSANDR YURJEVICH,

Senior Lecturer, Faculty of Philologies, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

GRYTSENKO ANDREY ANDREEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Ukraine Institute of Economics and Forecasting, Kiev, Ukraine (*agrytsenko@ief.org.ua*).

SMIRNOV IGOR PAVLOVITCH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

PASECHNY YATSEK,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Management, Warsaw University, Warsaw, Poland (*jpasieczny@mail.wz.uw.edu.pl*).

JURCZYSZYN LUKASZ,

Candidate of Sociology, Director, Centre for the Sociological Interventions (CIS) Collegium Civitas, Warsaw, Poland (*DStolarek@wz.uw.edu.pl*).

PUGACHEV ANDREY ALEKSANDROVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (*andrxim@yandex.ru*).

PARFENOVA LYUDMILA BORISOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (*decan@econom.uniyar.ac.ru*).

VAKHRUSHEV DMITRY STANISLAVOVICH,

Doctor of Economics, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (*boxer204@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.